

ИЮЛЬ | 2009

Русский Мир.ру

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СИМВОЛЫ ЭПОХИ

Нестыковки судьбы
«Рабочего и колхозницы»

ПРОСТО ПОМНИТЬ

Памятники ставят для того, чтобы помнили. Ставят одни, чтобы помнили другие. Намерения тех, кто воздвигал, и тех, кто это унаследовал, далеко не всегда совпадают. Бывает, потомки по каким-то причинам становятся злы на тех, кто им оставил памятники. Они, смотря с высот своих времен и пользуясь своими оценками, считают подчас, что памятники поставили не тем. И говорят они: то не герой отлит в бронзе на постаменте, то – убийца. Или: то не титан, а пигмей. Кто тут рассудит? Где та грань, примиряющая предков с всегда в чем-то неблагодарными потомками? Наверное, трудно дать один универсальный совет. Разве что можно попросить: осторожнее с сиюминутной идеологией и политиканством. Памятники можно вернее оценить в гуманистическом измерении, а не в сиюминутном идеологическом.

Хуже нет, когда памятники сносят по сиюминутным идеологическим мотивам. Слишком примитивный способ сводить счеты со своими предками. Занятие чаще всего бессмысленное. Они ведь не могут нам ничем ответить.

Вспомните, как возмущало решение властей, например, той же Эстонии снести памятники советской эпохи. Причем все без разбора, включая и те, что были установлены простым солдатом, воевавшим против фашизма. Или распоряжение официального Киева о демонтаже «памятников и памятных знаков, посвященных лицам, причастным к организации и совершению Голодомора 1932–1933 годов на Украине и политических репрессий». С учетом отношения властей Украины к Голодомору и стремления «приватизировать» эту трагедию, сделав ее «достоянием» исключительно украинского народа, не очень понятно, чем «новые» лица такой новой эпохи лучше тех, памятники кому так рьяно сносят. Но, обрушивая справедливый гнев на соседей, не грех вспомнить о своих «подвигах». Кажется странной и крамольной сама мысль о том, что в России кто-либо может проявить полнейшее неуважение к памятникам и мемориалам павшим в Великой Отечественной. Но вот, пожалуйста: в одном случае для того, чтобы прекратить скандал вокруг мемориала погибшим солдатам, потребовалось вмешательство президента России. В другом – усугубить местные власти,

не находившие ни времени, ни денег, чтобы достойно предать земле останки солдат той войны, удалось лишь с помощью поднятой в СМИ шумихи... Перечислять подобные позорные факты можно еще долго, как и возмущаться тем, что, кажется, никто так и не понес наказания за подобные действия.

Больно и стыдно. К чему показная суэта и громогласные, но затащанные до потери смысла слова пустых речей? Надо просто помнить. О хорошем – чтобы было чем гордиться и о плохом – чтобы не повторять прежних ошибок. Не в нашей власти распоряжаться историей. Какой бы она ни была. А памятники – это ведь символы исторических эпох. Не более, но и не менее того.

Ломать – не строить. ☺

Состав попечительского совета фонда «Русский мир»

ВЕРБИЦКАЯ Людмила Алексеевна

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [1]

АМВРОСИЙ (ЕРМАКОВ Виталий Анатольевич)

Викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Гатчинский [2]

БОГДАНОВ Сергей Игоревич

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, декан филологического факультета СПбГУ [3]

ДЗАСОХОВ Александр Сергеевич

Член СФ РФ – представитель в СФ РФ от исполнительного органа власти Республики Северная Осетия-Алания [4]

ИТАР-ТАСС

ДОБРОДЕЕВ Олег Борисович

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [5]

ИГНАТЕНКО Виталий Никитич

Генеральный директор ИТАР-ТАСС [6]

КОСТОМАРОВ Виталий Григорьевич

Президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина [7]

ЛАВРОВ Сергей Викторович

Министр иностранных дел Российской Федерации [8]

ЛИПСКЕРОВ Дмитрий Михайлович

Писатель, ответственный секретарь Ассоциации учащейся молодежи Российского союза молодежи «Содружество» [9]

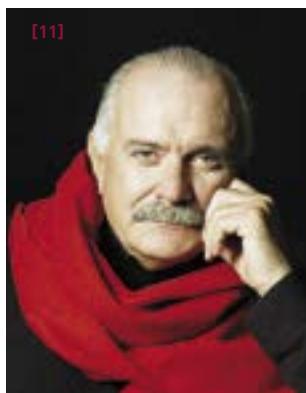
МИТРОФАНОВА Элеонора Валентиновна

Постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО [10]

МИХАЛКОВ Никита Сергеевич

Президент Российского фонда культуры [11]

Состав правления фонда «Русский мир»

НАРОЧНИЦКАЯ

Наталья Алексеевна

Руководитель Парижского института
«Демократии и сотрудничества»,
президент фонда «Исторические
перспективы» [12]

ПОЛЛЫЕВА

Джакан Реджеповна

Помощник президента
Российской Федерации [13]

ФУРСЕНКО

Андрей Александрович

Министр образования и науки РФ [14]

ЮРКОВ

Евгений Ефимович

Заместитель генерального
секретаря Международной ассоциации
преподавателей русского языка и литературы,
заведующий кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

НИКОНОВ

Вячеслав Алексеевич

Исполнительный директор
правления, президент фондов
«Политика», «Единство во имя
России» [16]

МОРГУНОВ

Сергей Евдокимович

Первый заместитель
исполнительного
директора правления фонда
«Русский мир» [17]

КАЛИНА

Исаак Иосифович

Заместитель министра
образования и науки РФ [18]

ПРОКОФЬЕВ

Павел Алексеевич

Заместитель директора
департамента Генерального
секретариата МИД РФ [19]

ШАРКОВ

Анатолий Сергеевич

Начальник департамента
Референтуры президента
РФ [20]

[14]

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

[28]

FOTOBANK/SIPA PRESS

[44]

Русский мир

06 | Новости

Главная тема

- 14 | Нестыковки судьбы
16 | «Помимо денег
есть еще любовь
к искусству и родине»
20 | Соленые уши
глазами зеленого
водопроводчика

Точка зрения

28 | «XXI век дает России шанс определиться со своим местом в мире»

Ситуации

34 | Один шаг вверх

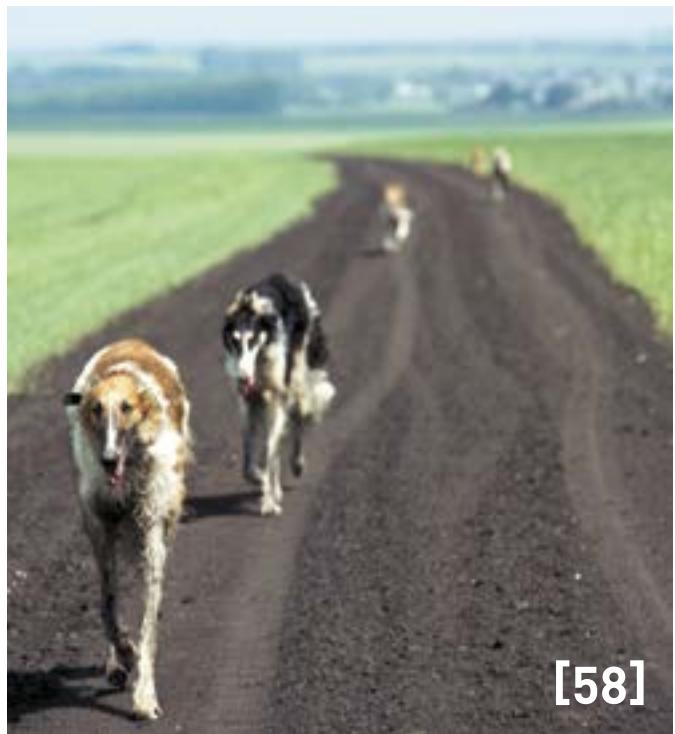
История

44 | Павлоны, констапулы и другие

Наследие

- 54 | Окно в вечность
58 | Князева охота
68 | Музей со вкусом

|||||

[58]

[72]

ИТАР-ТАСС

Культура

72 | Такое возможно только в России

Навигация

78 | Капитаны Невы

Соотечественники

84 | «Мода на изучение русского языка началась с космоса»

88 | Чтобы вы говорили это свободно

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Главный художник
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-28-60

Над номером работали:
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Людмила ЛУНИНА
Вера МЕДВЕДЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА
Евгений РЕЗЕПОВ
Наталья ШЕРГИНА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
ИТАР-ТАСС

МЕСЯЦ ПОЭТИЧЕСКИХ И СЦЕНИЧЕСКИХ ЮБИЛЕЕВ

Начало июня, как и следовало ожидать, прошло под знаком юбилея Александра Пушкина. 210-летию со дня его рождения были посвящены сотни мероприятий по всему миру, к ряду из которых причастен и фонд «Русский мир».

В ЭФИОПИИ ЗА СЧЕТ ГРАНТА ФОНДА ПОДГОТОВИЛИ И ИЗДАЛИ на амхарском языке сборник произведений А.С. Пушкина, который был торжественно вручен президенту этой страны. Это первый книгоиздательский проект «Русского мира» на африканском континенте. Среди прочих пушкинских событий, поддержаных фондом, можно выделить проведенный 4–7 июня в Лондоне Международный фестиваль русской поэзии и культуры. В 2009 году он прошел уже в седьмой раз, и второй год подряд грант на его проведение выделил фонд «Русский мир» (свою лепту внесли также Россотрудничество, Фонд Ельцина, российское и британское посольства). Все участники прислали на конкурс по десять стихотворений, одно из которых должно было быть написано специально для конкурса и обязательно начинаться пушкинской строкой, содержащей упоминание о Великобритании. На этот раз это была строка «Моря достались Альбиону...» из «Путешествия Онегина». В Лондон были приглашены 16 победителей отборочного тура из 12 стран. Титул королевы поэтов жюри присудило жительнице Великобритании Наталье Максимовой. Приз фестиваля – бронзовую статуэтку с лицом Пушкина, выполненную одесским скульптором Климентом Степановым, – вручил ей руководитель европейских программ фонда «Русский мир» Алексей Громыко. Международный турнир литературного перевода – он проводился впервые – выиграл Андрей Олеар (Россия), а специальной награды имени Риммы Казаковой за лучшее стихотворение о любви удостоилась парижанка Елена Петрова. Лауреаты получили и денежное вознаграждение.

В Гонконге пушкинский праздник пока не достиг такого размаха, как в Лондоне. Но и здесь состоялись три конкурса – на лучшее чтение пушкинских стихов, лучшее эссе на русском языке и лучший детский рисунок. В особняке Helena May, где проходил праздник, стихи Пушкина звучали на русском, японском, французском, английском и на двух диалектах китайского языка – кантонском и путунхуа. Представительным получился финал общекитайского конкурса детского рисунка «Сказки Пушкина глазами детей». Было отобрано 78 работ 67 детей из разных городов Китая. Самому старшему конкурсанту было 15 лет, а самому младшему едва исполнилось два годика. Организатором пушкинского праздника в Гонконге выступил Центр русского языка, который действует там уже почти два года при поддержке фонда «Русский мир».

И еще один славный юбилей Русского мира был поддержан фондом. Это 100-летие Русских сезонов Сергея Дягилева. К славной дате был приурочен спектакль «Посвящение Дягилеву», представленный 7 июня на сцене Королевской оперы в Лондоне. В программу ве-

чера вошли 15 балетных постановок. Звезды балета танцевали под аккомпанемент оркестра Английского национального балета под управлением В. Овсянникова; в фойе была развернута юбилейная экспозиция исторических фотографий, а также выставка оригинальных балетных костюмов. На гала-концерте присутствовали Маргарет Тэтчер, художественный руководитель и хореограф Английского национального балета Иглинг Вэйне, директор Королевской оперы Моника Мэйсон, рок-звезда Брайан Ферри.

Во время ужина выступили исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и исполнительный директор британского благотворительного фонда

Танец из балета
«Шхехеразада»
в исполнении
Ульяны Лопат-
киной и Игоря
Зеленского

Charities Aid Foundation Джон Лоу. Именно российский филиал «Чаритиз Эйд Фаундейшн» стал главным партнером фонда «Русский мир» в реализации данного проекта; организовала же гала-концерт компания Ensemble Productions во главе с Ольгой Балаклец, сочетающей таланты пианистки и арт-продюсера. Ее супруг, известный пианист Джюлиан Галлант, подготовил два других мероприятия, которые прошли 8 июня. В здании российско-британского культурного центра «Пушкинский дом» (Галлант является его директором) состоялся представительный круглый стол «Влияние Русских сезонов на развитие мировой культуры», после чего – торжественная церемония открытия 25-го по счету Русского центра. Последний укомплектован несколькими сотнями книг. Церемония открытия завершилась небольшим концертом, на котором блеснули восходящие звезды Русского мира, и среди них аспирантка Королевского колледжа музыки (Лондон) сопрано Анна Горбачева.

Вячеслав Никонов
приветствует
Маргарет Тэтчер.
В центре – Ольга
Балаклец

Дети в образова-
тельном центре
«Подсолнух»
приобщаются
к творческому
наследию
А.С. Пушкина

Неделю спустя после лондонского бенефиса фонд наконец-то «прорубил окно» в братскую Украину. 17 июня в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» открылся Центр русской культуры. Как и в других Русских центрах, здесь представлена не только полноценная библиотека, но и «золотая коллекция» российского кино, есть все необходимое для организации регулярных киновечеров. В программе центра проведение конференций, выставок, творческих конкурсов.

Заметим, что июнь начался с открытия Русского центра в крупнейшем на юге Кореи Пусанском государственном университете, в котором обучается свыше 25 тыс. студентов.

Среди действующих Русских центров по-прежнему самые активные – наши партнеры из Будапешта и Лонг-Айленда. 8 июня в Русском центре Университета им. Лоранда Этвеша открылась выставка руководителя фотоцентра РГТУ Галины Волковой «Окно в Россию». Вы-

рой день гости были приглашены на открытые уроки в «Подсолнух», приехавшие из разных мест педагоги сами вели эти уроки. После чего состоялось ток-шоу на тему «Зачем мне нужен русский язык» с участием родителей, детей, преподавателей, журналистов и актеров, а по окончании – большой концерт с участием учащихся школы.

Самым масштабным мероприятием, к которому был причастен в июне фонд «Русский мир», стал приуроченный к Дню России III Германо-Российский фестиваль. Он проходил 12–14 июня на берлинском ипподроме Карлсхорст и отличался поистине германским размахом: за три дня на нем побывало более 120 тыс. человек. В этом году фонд «Русский мир» впервые выступил соорганизатором Германо-Российского фестиваля, используя этот праздник с целью дальнейшей популяризации русского языка и распространения национального культурного наследия в стране, где проживает более 2,5 млн русскоязычных граждан. Новыми составными

ступивший на церемонии ректор университета д-р Ференц Худец отметил, что благодаря мероприятиям Русского центра студенты обрели возможность знакомиться с современной русской культурой. Позже в центре прошел международный научно-методический семинар «Что такое россиведение?», в центре внимания которого были вопросы, связанные с наукой и образованием.

13–14 июня в детском образовательном центре «Подсолнух» (г. Глен-Хед, Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк) прошла конференция «Сохранение русского языка и культурного наследия в США». На мероприятие, поддержанное фондом «Русский мир», приехало около полусятни делегатов из различных штатов США. «Вместе мы размышляли над тем, что и как нужно делать для того, чтобы наш «великий и могучий» смог стать языком, на котором хотели бы говорить наши дети, рожденные вне России, как лучше рассказывать о русской культуре и нести ее в американские массы», – рассказала «Русскому миру.ру» директор «Подсолнуха» Марина Терентьева. В рамках конференции состоялся просмотр привезенных делегатами видеоматериалов с рассказами о своих школах и центрах. Выступали не только педагоги, но и психологи, актеры и поэты, а также влюбленные в наш язык американцы-энтузиасты. Во вто-

проектами программы фестиваля стали церемония награждения победителей открытого творческого конкурса «А.С. Пушкин сегодня. Пушкин в моей жизни», а также литературные чтения и показ российского фильма. Участвовавший в мероприятии первый заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Моргунов особо отметил готовность главного спонсора фестиваля, концерна «ГАЗПРОМ Германия ГмбХ», и впредь сотрудничать с фондом в организации германо-российских фестивалей.

Фонд продолжает активно поддерживать русистов в ближнем и дальнем зарубежье. При финансовом содействии «Русского мира» в июне состоялись фестиваль русского языка и культуры в Канте (Киргизия) и I Международная научно-практическая методическая конференция из цикла «Современная русистика в формировании единого культурного и информационного пространства Европы: обучение русскому языку студентов филологических и нефилологических факультетов вузов» в Люблине, на которой фонд «Русский мир» представлял заместитель исполнительного директора Владимир Кочин, подписавший в ходе конференции соглашение о сотрудничестве между фондом «Русский мир» и Университетом Марии Кюри-Склодовской.

Фонд помогает не только светским организациям. 18 июня под председательством архиепископа Корсунского Иннокентия в Париже состоялось первое заседание ученого совета вновь открывшейся Русской духовной семинарии. Принявший участие в нем европейский представитель фонда протоиерей Антоний Ильин сообщил о готовности «Русского мира» оказать поддержку семинарии в оплате труда преподавателей и оснащении библиотек.

Еще одна приятная новость. В партнерстве с фондом «Русский мир» телеканал «Вести» снял документальный фильм «Тайна Гоголя», которым открывается новый документальный цикл «Русский мир без границ». Телепремьера состоится в ближайшие недели.

Размещенный в конце мая на сайте фонда учебник «Русский без границ» (разработан и издан на грант фонда израильскими партнерами) за первый месяц скачали 10 869 человек из десяти стран! В фонде надеются, что русскоязычные СМИ распространят новость о замечательном учебнике по всему миру.

Этот обзор начался с описания событий в рамках пушкинского юбилея. На конец же июня пришлась еще одна славная дата – 120-летие Анны Ахматовой. 23 июня, в день юбилея, руководители фонда «Русский мир» вместе со студентами РУДН возложили цветы к барельефу поэтессы на доме (ул. Б. Ордынка, 17), где она жила большую часть своей жизни.

Строки Ахматовой о русском языке стали девизом фонда:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Евгений Васильев

Глава МИД России
Сергей Лавров

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБЩЕГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Немало конструктивных предложений прозвучало в ходе состоявшейся 18 июня в особняке МИД России международной конференции «Межкультурный диалог – системообразующий фактор развития гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ».

КОНФЕРЕНЦИЯ БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫМ фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) при поддержке МИД РФ, Минобрнауки РФ, Минкультуры РФ, Россотрудничества и РАН, а также министерств и ведомств стран Содружества, направивших в Москву авторитетных ученых, деятелей науки и образования.

Конференция, в которой приняли участие представители 10 государств СНГ, сфокусировалась внимание на выработке механизмов и инструментов межкультурного диалога. Как сказал журналистам заместитель главы российского МИДа Александр Яковенко, дискуссии о том, нужен или не нужен такой диалог, уже завершились, теперь наступил этап реализации конкретных проектов. Конференцию открыл министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, подчеркнувший, в частности, что гармоничный межкультурный диалог является эффективным инструментом налаживания взаимопонимания между народами и сглаживания межгосударственных разногласий.

Председатель Совета по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ Джахан Поллыева

На пленарном заседании выступили помощник президента РФ, председатель Совета по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ Джахан Поллыева, министр образования и науки Республики Казахстан, председатель правления МФГС Жансейт Туймебаев, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству, сопредседатель правления МФГС Михаил Швыдкой. Активное участие в дискуссии, в том числе и в рамках трех круглых столов, приняли представители Азербайджана, Армении, Казахстана, Таджикистана и Украины. В их выступлениях была подчеркнута (причем особенно эмоционально это прозвучало из уст посла Азербайджана Полада Бюль-Бюль Оглы: «Мы все родились в одной стране») важность сохранения общего культурного наследия и образовательного пространства, русского языка не только как средства межнационального общения, но и как ключевого интегратора культурно-цивилизационного пространства. Отмечалось, что в последние годы в СНГ возник ряд новых, негативных тенденций, и прежде всего – недостаточное знание молодежью истории, культуры, традиций и сегодняшних достижений стран Содружества, сокращение молодежных и студенческих обменов, снижение уровня владения русским языком. Ректор Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Брюсова Сурен Золян поделился любопытным наблюдением: «Опыт наших стран показывает, что там, где русский язык выпадает из культуры, из повседневной жизни, он не замещается ничем!» Это «выпадение», говорилось на конференции, увы, уже привело к культурному осуждению, к сужению образовательных и карьерных возможностей для молодого поколения.

Заместитель министра культуры РФ Андрей Бусыгин почти ностальгически вспоминал, как в детстве он любил читать сказки народов СССР – таджикские, азербайджанские и т.д., которые издавались большими тиражами. Бусыгин предложил строить межкультурный диалог на основе «общих дел», одним из которых и могло бы стать издание таких книг для детей.

Знакомить с культурой и языком друг друга нужно с самого детства, продолжила тему Джахан Поллыева. Она сообщила об издании при содействии Совета по гуманитарному сотрудничеству стран-участников СНГ пробной партии учебников, в которых отражаются как культурные традиции, так и реалии сегодняшней жизни. «Русским детям нужно рассказывать о таджикских детях, и наоборот... Иначе, если не

заложить знаний друг о друге с детства, не будет и основы для межкультурного диалога», – отметила Джахан Поллыева.

Другие ораторы тоже акцентировали внимание на важности приобщения к общему культурному наследию стран Содружества молодежи, налаживания межкультурного диалога через образование и науку (в том числе через школьные и студенческие обмены). В частности, было предложено организовать под Москвой летний учебный лагерь будущих лидеров СНГ, в который бы приглашались по десять молодых людей из каждого государства Содружества.

Ректор МГУ Виктор Садовничий заметил, что при всех расхождениях и спорах между политиками Содружества у всех стран СНГ есть одно общее завоевание – победа в Великой Отечественной войне. Кстати, на следующий день после конференции представители МГУ выехали в Смоленскую область к тому месту, где воздвигнут памятник 1200 ополченцам – студентам и аспирантам МГУ, погибшим в один день, защищая общую родину. Среди них были представители всех республик СССР...

В итоговой резолюции конференции ее участники выступили за продолжение проведения Годов по гуманитарной тематике в СНГ (по решениям глав государств СНГ 2009-й и 2010-й были объявлены соответственно Годом молодежи и Годом науки и инноваций). Были также поддержаны предложения о создании Реестра особо ценных объектов культурного наследия стран СНГ, развитии академической и студенческой мобильности, разработке учебников и программ подготовки педагогов, соответствующих принципам межкультурного диалога.

Евгений Верлин

РАДИ СОХРАНЕНИЯ БРАТСТВА

Фестиваль «Великое русское слово», прошедший в июне в Крыму, можно смело считать одним из самых значительных событий культурной и политической жизни русскоязычных граждан Украины. А главным мероприятием фестиваля стала конференция «Русский язык в поликультурном мире», организованная в Ялте при поддержке фонда «Русский мир».

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА для участия в фестивале прибыли украинские депутаты всех уровней – от парламентариев Верховной рады до членов областных и городских советов юго-востока страны. Приехали и областные, городские руководители почти всех южных и восточных регионов Украины, политологи и руководители общественных организаций. Российское представительство также было весомым: в работе фестиваля приняли участие депутаты Сергей Марков и Сергей Бабурин, политолог Виталий Третьяков, главный редактор газеты «Известия» Владимир Мамонтов, заместитель главного редактора «Русского журнала» Борис Межуев и другие. Правда, не обошлось и без скандалов, самым громким из которых стал отказ впустить на территорию Украины известного депутата Госдумы РФ Константина Затулина. Он был задержан в аэропорту Симферополя сотрудниками Службы безопасности Украины. В рамках фестиваля прошли многочисленные общественно-политические и культурные акции в ряде городов Крыма. Но главным событием стала прошедшая в Ялте III Международная конференция «Русский язык в поликультурном мире». Поддержку организации и проведению конференции оказал фонд «Русский мир». Помимо совещаний филологов-русистов в рамках конференции по инициативе Гуманитарного украино-российского совета был проведен круглый стол «Украина и Россия – духовная и культурно-историческая общность». Он-то и привлек основное внимание политиков и экспертов. Основной темой обсуждения стали во-

просы налаживания общественно-политических и культурных связей между Россией и Украиной.

В ходе дискуссии политолог Виталий Третьяков подчеркнул, что первыми шагами в этом направлении должно стать проведение регулярных встреч представителей политических элит России и Украины. По его мнению, русские организации на Украине должны действовать более активно и открыто требовать встречи с президентом Российской Федерации, с которым следует обсудить ситуацию с обеспечением прав русскоязычных граждан Украины. Не стоит забывать и о том, что некоторые российские компании владеют рядом украинских СМИ. Это означает, что смягчить антироссийскую риторику украинской прессы вполне возможно законными, чисто экономическими методами. Разумеется, при наличии такого желания. Пока же нужно признать, что крупный российский бизнес на Украине остается безучастным к защите прав русских и русскоязычных.

Много откликов вызвало предложе-

ние Сергея Бабурина о создании единого российско-украинского образовательного пространства, строить которое, по его мнению, можно начинать уже сейчас на уровне двустороннего сотрудничества вузов. Это позволяют делать не только действующие законодательства обеих стран, но и участие России и Украины в Болонском процессе с его едиными стандартами в области образования.

Ситуацию с русским языком на Украине сложно назвать мирной. Русскоязычное пространство неуклонно сужается – это признали представители всех регионов Украины, с которыми удалось побеседовать в дни фестиваля. Русский язык находится под таким пристальным и неблагожелательным наблюдением украинских властей, что даже выступления филологов становятся чем-то вроде политических манифестов, а статистические выкладки – предметом политических спекуляций. Неслучайно на конференции активно обсуждалась недавняя встреча представителей русских общественных организаций Украины с Верховным комиссаром ОБСЕ по делам нацменьшинств Кнутом Воллебеком и группой европейских экспертов, которым были представлены доклады о ситуации с русскоязычным образованием.

Русские общественные организации, а также местные органы власти – городские и областные советы, особенно в русскоязычных областях Украины, – не бездействуют. Во многом благодаря их поддержке еще удается, несмотря на политику Киева, худо-бедно сохранять систему русскоязычного образования. И это,

заметим, касается только школ. Ведь на Украине остался лишь один вуз – Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, – в котором преподавание ведется на русском языке. Ситуация с начальным и средним образованием также удручающая. К примеру, в восьми областях Западной Украины, где проживает 300 тыс. только русского населения (не считая русскоязычных), осталось всего 10 русских школ, а в русскоговорящем Киеве с 3,5 млн населения действует лишь одна!

Порой ситуация доходит до абсурда. Недавно общественная организация «Русская школа», которую возглавляет Александр Кондряков, завезла партию книг в одну из русских школ в Николаеве, причем это была ис-

Политолог
Виталий
Третьяков

Директор региональных программ СНГ
фонда «Русский мир» Максим Мейер

ключительно русская классика – произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. В школе были довольны: наконец-то библиотечный фонд пополнился, чего не происходило уже много лет. На следующий день в школу явились два сотрудника СБУ, допросили директора школы, потребовали у него полную опись полученных книг и объяснительную записку, почему он согласился их принять. А вот что рассказал директор украинского филиала Института стран СНГ Владимир Корнилов. Не так давно русским школам Украины были предложены российские учебники арифметики для начальных классов. Министерство образования Украины отказалось их принимать, поскольку задачку, начинавшуюся со слов «поезд идет из Петербурга в Москву...» украинские чиновники сочли свидетельством имперских амбиций Москвы.

На Украине есть еще две темы, вызывающие столь же оживленную реакцию, как и защита прав русскоязычных: это фальсификация истории и борьба с украинским шовинизмом. Именно так здесь предпочитают называть насаждаемую государством идеологию. В действительности речь, конечно, идет о разных составляющих одного процесса: защите единого украино-белорусско-российского культурного пространства. И если из Москвы эта борьба кажется чем-то не слишком существенным, то лишь на Украине начинаешь ощущать всю значительность этой задачи.

О фальсификации истории на Украине, в том числе о пресловутом Голодоморе, и без того хорошо известно.

А вот о противодействии распространению националистической идеологии и проникновению организаций украинских националистов на юго-восток страны можно было узнать из первых рук в кулуарах конференции. Такая опасность существует. Отделения и филиалы националистических организаций постепенно открываются в южных и восточных областях Украины, где у них появляются свои, правда, пока малочисленные, сторонники. Но ведь еще недавно их не было вовсе. Представители русских организаций осознают это как прямую, почти физическую угрозу. Но конкретный враг в поле зрения, вероятно, дает им дополнительную мотивацию для деятельности, которая приобретает все более практический характер. Защитить или устан-

новить памятник, сорвать факельное шествие националистов, провести акцию «Георгиевская ленточка» – все это каждодневная работа для многих организаций соотечественников, таких, например, как «Славянская гвардия» Владимира Рогова в Запорожье или «Единое Отечество» Валерия Каурова в Одессе и многих других.

На наших глазах на Украине происходит полномасштабное столкновение культур. Решается вопрос, станет ли Украина довольно закрытым государством с жесткой националистической идеологией либо останется поликультурной страной, частью общерусского,

общеславянского пространства. Конечные цели этой борьбы для русского движения Украины – признание русскому языку статуса государственного и признание русских государствообразующей нацией. Вопрос о статусе русского языка является здесь в полной мере политическим. В противостоянии с националистической политикой официального Киева происходит, по сути, самоорганизация политических, общественных и культурных сил юго-восточной Украины. Фестиваль «Великое русское слово», без сомнения, можно назвать одним из важных этапов этой самодеятельной работы.

Упоминание о тысячах нитей, связующих братские народы, стало общим местом многочисленных речей и докладов, посвященных ситуации на Украине. Но в нынешних условиях глобализации наше братство носит по преимуществу психологический характер и очень скоро может превратиться в равнодушное соседство. У нового поколения украинцев, выросших в независимой стране, эмоциональная связь с Россией уже значительно слабее. Ощущение родства, сколь бы драгоценным оно ни было, – чувство зыбкое, поэтому, если мы хотим сохранить то единое культурное пространство, которое досталось нам в наследство, нужна работа. Нужно создавать «инфраструктуру» братства – те самые реальные связи и общие институты на уровне политических элит, в гражданском обществе, образовании и т.д., которых сегодня у России и Украины не так уж много.

Борис Серов

МИНОТАВР В МИХАЙЛОВСКОМ САДУ

В честь дня рождения города Русский музей подарил в этом году Петербургу «зеленую неделю»: с 27 мая по 3 июня в Михайловском саду был устроен второй международный фестиваль садово-паркового искусства «Императорские сады России».

В МИРЕ НЫНЧЕ МОДА НА МИСТИКУ, И ПОЭТОМУ девиз петербургского ландшафтного фестиваля «Лабиринт – Орнамент – Символ», как говорится, попал в яблочко. Загадки лабиринтов, придуманные хитроумными садовниками наших дней, вызвали настоящий фурор: десятки тысяч зачарованных горожан часами бродили по дорожкам и обманчивым спиралям. Праздник получился изысканным, что неудивительно, ведь патронируют его члены королевской семьи, принц и принцесса Кентские. Страстная садовница Ее Высочество принцесса Майкл Кентская даже взялась за лопату – совместно с главным садовником Версали на специальной клумбе она посадила розы нового сорта «Прекрасная дама», привезенные на берега Невы в дар Русскому музею.

Ландшафтные дизайнеры Москвы, Петербурга, Германии, Голландии, Франции оформили 20 экспозиций на тему «лабиринт». Их творчество судил самый известный в мире «лабиринтостроитель», Эдриан Фишер, в 2008 году отличившийся тем, что построил в честь Олимпиады в Пекине лабиринт длиной 8 км. В жюри также вошли знаменитые садоводы Европы, Азии, Северной Америки, Австралии.

В сознании обычного человека представление о лабиринтах связано в основном с древнегреческим мифом о грозном чудовище Минотавре и о храбром Тесее. Между тем лабиринт как культовое сооружение возник на заре истории человечества. Лабиринты встречаются у разных народов, на всех континентах нашей планеты. Создавать причудливые «тоннели» из садовых растений позже догадались и садовники. В русских парках эти уголки получили широкое распространение в XVIII–XIX веках, с тех самых пор, как Петр I устроил в Летнем саду первый в России лабиринт со скульптурами, изображавшими героев басен Эзопа. К слову сказать, при подготовке Летнего сада к реконструкции сотрудники Русского музея, ориентируясь по старинным чертежам, попытались вскрыть культурный слой в месте лабиринта Петровской эпохи. Как выяснилось, под землей на значительной глубине сохранились не только ходы затейливой спирали, но и несколько «Эзоповых» фигурок, а также миниатюрные чаши шутейных фонтанчиков. К сожалению, как пояснил заместитель директора Русского музея по капитальному строительству Владимир Баженов, восстановлению этого экспоната в былом виде сопротивляются представители городского комитета по охране архитектурных памятников: чиновники опасаются появления в Летнем саду «новоделов».

Зато петербуржцы и гости города на Неве с удовольствием окунулись в игру с лабиринтом во время ландшафтного фестиваля: прыгали по камешкам, мосткам, бревнышкам, среди зеркал, статуй, стрижек туй, пышных рододендронов и простеньких петуний. Детский гомон звенел

ИТАР-ТАСС

PHOTOPRESS

PHOTOPRESS

над игровой площадкой, где взлетали качели в зеленых декорациях по мотивам «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

На левом берегу пруда, под раскидистым дубом, «приземлилась» на полянке композиция «Грачи прилетели!» – стая огромных кованых черных птиц, указывающих верный путь острыми клювами. На правом берегу пристроилась компания кузнецов с жаровнями и наковальнями – и ну ковать диковинные цветы!

Президент московского филиала Института Икэбана Икэнобо в России и странах СНГ профессор «Со-Катоку» Мидори Ямада привезла в Петербург настоящий японский сад камней. Народ внимательно читал сопроводительные таблички и задумчиво взглядался в «объект». Веселые длинноющие очереди выстраивались у арки, ведущей в «Сицилианский сад в Пруссии», скопированный с садов в Сан-Суси. Барышни охотно фотографировались на фоне пышного «платья с кринолином» из живых цветов. Степенные семейные пары просили проходящих мимо людей щелкнуть их рядом с кованым, в завитушках, павлином, украшенным аметистовыми друзами и опалом. Неповторимый голос Миронова и кадры доброго советского фильма по мотивам книги Джерома К. Джерома

ALEXANDER BELYAEV/EAST NEWS

«Трое в лодке, не считая собаки», мелькающие на мониторе, привлекали внимание к элегантному лабиринту «Английского парка Хэмптон-корт», упоминаемому автором. Белая собака дружелюбно поглядывала на чужестранцев из зарослей стелющейся карликовой сосны.

Самым революционным на фестивале, в буквальном смысле слова, оказался лабиринт «Авангард». Ландшафтный дизайнер ограничил тропу из простых струганных досок алыми полотнищами. В отличие от бунтарей-политиков он вовсе не призывал к смене власти, напротив, в тупиках своего сооружения расположил матросов в бескозырках, которые предлагали заблудившимся людям присесть на стулья, отдохнуть и подумать, как строить жизнь дальше. Наиболее философичной и в то же время драматичной композицией выглядел «Соловецкий лабиринт», созданный по мотивам памятников древней культуры III-I тысячелетий до нашей эры, которые и сейчас встречаются на приморских территориях Карелии и Кольского полуострова. Эта работа, по моим наблюдениям, привлекла особое внимание склонных к эзотерике тинейджеров. Они целями компаниями «зависали» у таблички с сопроводительным текстом, с любопытством читая вслух о карело-финском эпосе «Калевала», о каменных курганах и святилищах с лабиринтами, схемы которых ассоциируются с клубком из двух свернувшихся змей, о том, что лабиринт – это начало пути в царство мертвых, спуск в которое, по представлениям древних, дело вполне реальное, хотя и опасное. Кстати, на античных критских монетах изображена та же схема, по которой выложен «Большой Соловецкий лабиринт», – двойная спираль. На церемонии закрытия главный ландшафтный архитектор по проектам садов Русского музея Елена Штиглиц торжественно объявила тему третьего международного фестиваля «Императорские сады России», который состоится в 2010 году: «Во саду ли, в огороде, или Французское искусство на берегах Невы».

Наталья Шергина, Санкт-Петербург

ЛЕРМОНТОВ? ЧИТАЕМ...

195 лет со дня рождения Лермонтова Россия отметит в октябре. Но череда событий, связанных с юбилеем, уже началась.

АК В МОСКВЕ СОСТОЯЛИСЬ IV ЛЕРМОНТОВСКИЕ чтения, подготовленные столичным филиалом Межрегионального объединения «Лермонтовское общество» (Пенза) и Московской Центральной библиотекой №102 имени М.Ю. Лермонтова. К слову, библиотека в 2009 году также отмечает достойный юбилей. Ей – 90 лет. Библиотека открылась 10 мая 1919 года в том самом доме у Красных Ворот, в котором появился на свет будущий великий русский поэт. Позже дом снесли, а библиотека, поскитавшись по столице, остановилась в Сокольниках, на улице Барбюсина. Сами Лермонтовские чтения-2009 были, как обычно, полны находок и актуальных научных и культурологических разработок. Отдельно хотелось бы отметить доклад «Неизвестные портреты петербургских знакомых Лермонтова. Принц Генрих Гогенлоэ и графиня Е.И. Голубцова», и в первую

очередь потому, что уж больно интересен сам докладчик. Доктор филологических наук Колумбийского университета США Антония Глассэ живет в городке Итаке, рядом со студенческим кампусом Корнелльского университета. Место, далекое от мегаполисов, почти заповедное. По определенным причинам доктор Глассэ давно не покидает собственного дома. Однако в жизни родной ей по крови России участвует пусть на дистанции, но активно и полезно.

Другой интересной особенностью «Чтений» стал вернисаж петербургского художника Энгеля Насибулина, развернутый в Лермонтовской библиотеке. В свое время художник проиллюстрировал более 600 книг издательства «Радуга», очень много работал в Пушкиногорье, в 1997–1998 годах активно участвовал в создании музея Пушкина в Нью-Йорке. В последнее время Насибулин увлекся образом Лермонтова. На вернисаже и были впервые представлены публике графические портреты поэта, созданные в результате скрупулезных исследований различных материалов. Самая неожиданная работа – двойной портрет Пушкина и Лермонтова, названный «Смерть поэта».

Михаил Быков

Людмила Лунина

НЕСТЬКОВКИ СУДЬБЫ

Великий советский скульптор Вера Игнатьевна Мухина умерла 56 лет назад. Чем больше времени проходит, тем отчетливее заметны парадоксы ее биографии. Многие обстоятельства ставят в тупик.

КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЕДВА ЛИ НЕ лучшим советским скульптором-монументалистом, своего рода Микеланджело XX века, стала совсем не богатырского сложения дама, напоминавшая современникам директора школы или начальницу ткацкого производства? Как сложилось, что из купеческой дочки, которая выросла в Феодосии и провела юность в Курске, под присмотром бонн и гувернанток, ездила за границу на курорты, обожала танцы и верховую езду, к 35 годам получилась личность огромного таланта, железной воли и колоссальной работоспособности? Очевидно, тайный ингредиент этой судьбы – эпоха сверхвысоких рисков, трагическая, но и дававшая

РИА «НОВОСТИ»

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

шанс, которым Вера Игнатьевна сполна воспользовалась. В 1910–1920-е годы, когда шло формирование Мухиной как художника, искусства находились в привилегированном положении, заниматься творчеством было почетно. Эти десятилетия дали на редкость много выдающихся, талантливых людей. Одновременно у женщин появилось столько социальной свободы, сколько не было никогда ранее. Живи Мухина на полвека раньше, шанс стать скульптором был бы призрачно мал.

И третье ключевое обстоятельство – социалистическая революция, подарившая миру одну из самых вдохновляющих утопий. Эти объективные катализаторы сильно способствовали появлению «феномена Мухиной».

...Вера Игнатьевна родилась 1 июля 1889 года в Риге в состоятельной купеческой семье.

Мать умерла, когда девочке не было и двух лет, отца не стало, когда Vere исполнилось 14. Ее и сестру воспитали богатые курские дядюшки. Она получила хорошее домашнее образование, в которое входили и занятия живописью. В 19 лет уехала в Москву учиться на художника. Занималась у Константина Юона, в студии авангардиста Ильи Машкова и все сильнее склонялась к тому, чтобы перейти на скульптурное отделение.

Судьбоносную роль в ее жизни сыграло катание на санках в декабре 1911 года: санки врезались в дерево, Вера сильно поранила лицо. «Мне показалось, что треснул череп. Я провела рукой по лбу и лицу. Рука не нашупала носа. Нос был оторван...» Ей наложили дюжины швов и первое время опасались давать зеркало. Чтобы хоть как-то взбодрить девушку, родственники позволили ей поехать учиться в Париж. Она провела во французской столице две зимы – посещала занятия скульптора-монументалиста Бурделя, летом путешествовала по Италии. Обучение завершилось с началом мировой войны. В сравнении с академическим российским или даже традиционным советским художественным образованием это мизерный опыт. Вера Игнатьевна здраво оценивала свои университеты и говорила, что, по сути, является самоучкой.

...Первое послереволюционное десятилетие было счастливой порой для скульпторов-монументалистов. Советское правительство обеспечило их устойчивым госзаказом: по плану монументальной пропаганды в стране надо было возвести сотни памятников. Мухина принимала участие и нередко побеждала в творческих конкурсах. Программным стал кубистический памятник Якову Свердлову «Пламя революции» (1923), в котором большевик был изображен в виде аллегорической

фигуры Прометея с факелом, словно стоящий на ветру.

Во второй половине 1920-х Вера Игнатьевна постепенно перешла от чистого формотворчества к созданию реалистических образов. В лучших своих работах она сплавляла воедино присущий абстракции символизм и, условно говоря, жизнеподобную оболочку. В 1926-м она извяла статую «Крестьянка», позднее попавшую в собрание Ватикана: «Крестьянка» – и вполне узнаваемый типаж, и обобщенный образ богини плодородия.

В поздних работах, в 1950-е годы, повествовательное начало в скульптуре Мухиной окончательно победило символический строй, что совсем не лучшим образом сказалось на качестве. Например, в композиции «Требуем мира» (1950), созданной под впечатлением войны в Южной Корее, Вера Игнатьевна изобразила мать с убитым ребенком на руках, еще одну мать – с ребенком живым, а заодно и с голубем мира, а также военного-инвалида и рабочих – негра, русского и китайца. Такой буквализм превратил памятник в абсолютный курьез. Поэтому ставшие общим местом стечения, дескать, Мухина так мало реализовала проектов при жизни (памятник Чайковскому у Московской консерватории, памятник Горькому у Белорусского вокзала, скульптурная композиция «Хлеб» в парке «Дружба», скульптуры сидящих юноши и девушки у входа в МГУ), невольно провоцируют возражения.

Может быть, и к лучшему, что реализовано немного. Зато «Рабочий и колхозница» стали едва ли не самой важной скульптурой XX века.

...К 1936 году, когда началась эпопея всей ее жизни – создание «Рабочего и колхозницы», – Вера Игнатьевна подошла зрелым мастером, одним из лучших в своем цехе. Надо также добавить, что несколько лет из этого ее периода было вычеркнуто по личным обстоятельствам. Ее муж – врач Алексей Замков – подвергся преследованиям со стороны коллег, что в те времена не являлось редкостью. Обстоятельства складывались столь драматично, что семья решила бежать за границу. С подложными паспортами отправились на поезде в Среднюю Азию, но в Харькове их арестовали, допросили и чуть погодя приговорили к трехлетней ссылке в Воронеж с конфискацией имущества. Только активное заступничество Максима Горького помогло семье вернуться в Москву раньше. Наверное, соображения, что работа над важным государственным заказом, каким были «Рабочий и колхозница», дает ей шанс реабилитироваться, играли не последнюю роль.

...В истории памятника больше всего изумляют фантастически сжатые сроки его реализации. В мае 1936-го Мухина получила письмо

«ПОМИМО ДЕНЕГ ЕСТЬ ЕЩЕ ЛЮБОВЬ К ИСКУССТВУ И РОДИНЕ»

PHOTOPRESS

Вадим Церковников – руководитель реставрации «Рабочего и колхозницы», человек, на энергии которого проект во многом держится, – рассказал «Русскому миру.ру», когда памятник снова встанет на постамент и какие для этого надо преодолеть трудности.

– Вадим Михайлович, когда семь лет назад началась эпопея с реставрацией памятника, вы предполагали, что процесс так затянется?

– У меня не было радужных надежд, что все пойдет быстро и гладко. «Рабочий и колхозница» – сложнейший художественно-инженерный объект. Второго такого в мире нет. Но у меня достаточно опыта, я знаю этот материал – кованую сталь. В советские времена со скульптором Николаем Щербаковым мы делали статую Ленина в Ленинграде, она по размерам даже больше памятника Мухиной. И опыт реставрационных работ у нас есть: только что закончили реставрацию короны – навершия церкви в Троице-Сергиевой лавре.

В январе 2002 года вышло постановление правительства Москвы о реставрации памятника «Рабочий и колхозница». Надо было представить проект, смету, расчеты. Мы сделали всю документацию, прошли государственную экспертизу, что заняло целый год: в стране не было не только реставраторов нужной квалификации, но и экспертов, способных оценить задачу и варианты ее решения. За восемь лет эпопеи с памятником я овладел множеством навыков: технических, творческих, управлеченческих.

– Но почему эпопея получилась такая долгая? Ведь Мухина сделала памятник чуть ли не за полгода.

– Скульптуру Ленина в Ленинабаде мы «выколотили» в металле за четыре месяца и смонтировали за двадцать дней. Когда речь идет о новом произведении и я – автор, я могу с этим произведением делать все, что угодно. Реставрация – совершенно иное дело. Невозможно нарушить авторскую версию, иначе это будет не реставрация, а новодел. Скульптура «Рабочий и колхозница» состоит из 6 тыс. элементов. Всероссийский институт авиационных материалов (ВИАМ) провел экспертизу каждого, мы отнеслись к их экспертным рекомендациям предельно добросовестно. Тот же ВИАМ разработал специальные пасты для очистки поверхности: мы сделали все предписанные промывки и очистки, удалили коррозию. 17 июля сдали субподрядчикам оболочку для дальнейшей работы – извлечения старого каркаса и изготовления нового.

– Когда вы планируете завершить работу?

– В декабре 2009 года мы поднимем отреставрированный монумент в проектное положение – на постамент высотой 34,5 метра. Я дал слово Юрию Михайловичу Лужкову и это слово сдержу. Поднимать будем всю скульптуру сразу, а не блоками. Это уникальный подъем, который в практике изобразительного искусства не применялся. Задействуем 750-тонный кран со 100-метровой стрелой. Кран сейчас покупают в Германии, в июле он приедет в Россию, его стоимость – около 20 млн евро.

– Его специально купили для подъема «Рабочего и колхозницы»?

– Не специально, но свою работу в России он начнет именно с этого памятника.

– И какая самая большая проблема сейчас?

– Антикоррозийная защита. Лучший вариант – покрыть каждый фрагмент статуи титано-пallадиевым сплавом: сделать вакуумный плазмотрон, который бы крутился вокруг наших блоков и покрывал их тонкой пленкой. Но на создание плазмотрона требуется полтора года, которых нет. К сожалению, – и я попросил бы вас об этом написать – НПО, входящее в Росатом, оказалось ненадежным партнером. Когда мы их просили разработать вакуумную установку для антикор-

от архитектора Бориса Иофана с предложением принять участие в закрытом конкурсе на скульптурное завершение советского павильона на Всемирной выставке в Париже. Ровно через год 15-метровая композиция стала главной достопримечательностью площади Трокадеро. Иофан взял за основу знаменитую античную скульптуру «Тираноубийцы», так что четыре ваятеля, приглашенные в конкурс (Вяче-

ИТАР-ТАСС

слав Андреев, Иван Шадр, Матвей Манизер, Борис Королев), создавали вариации на тему классического образца.

Проекты были готовы в сентябре. Композиция Мухиной понравилась всем и сразу. С середины октября по начало декабря она с двумя помощницами делала метровую модель, которую потом увеличили в 15 раз и по ней отливали из нержавеющей стали отдельные куски оболочки.

Три месяца Мухина жила на заводе. Как она пишет в воспоминаниях, над скульптурой одновременно работали «150 человек медников, резчиков, слесарей, плотников, столяров. От работы двух пневматических молотов содрогалось здание. Тут же 30 медников выбивали сталь. Это был пронзительный звон, какой бывает, когда бьют металлом по металлу. В адском грохоте приходилось разговаривать, давать указания». Двенадцатого марта правительственная комиссия приняла уже собранный и сваренный из отдельных листов монумент. Какой-то доброхот написал донос, что в развеивающемся позади фигур шарфе угадывается профиль

Троцкого. Глубокой ночью Сталин приезжал на площадку, чтобы лично убедиться, что профиля нет.

Скульптуру разрезали, погрузили в 29 вагонов и отправили в Париж. Водруженная на крышу советского павильона, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Наш павильон по своей образной мощи сильно обошел стоящее напротив здание фашистской Германии. Французы хотели выкупить памятник – советское правительство ответило отказом. Демонтировали статую случайные люди:

квалифицированные монтажники, которые устанавливали группу на крышу нашего павильона, к тому времени были арестованы и расстреляны. Скульптуру разрезали, кое-как погрузили на баржи и вернули на родину, по сути, грудой металлом. Тот памятник, который мы видим сейчас, – вариант №2 – Мухина сделала заново. Его установили в Москве в 1939 году, приурочив событие к открытию ВСХВ (ВВЦ). Поскольку открытие готовилось в авральном порядке, на изготовление 34-метрового постамента (именно такой высоты был парижский павильон), не оставалось времени, поэтому ограничились 10-метровым, что для автора стало вечной не-затихающей болью. Практически до смерти Мухина регулярно писала письма в правительство с просьбой поставить «Рабочего и колхозницу» на высоту, для которой они были спроектированы.

... К 2003 году памятник оказался в аварийном состоянии. Эпопея по его реставрации длится шесть лет, что в разы больше считанных месяцев, за которые его сделали.

розийного покрытия, они стали сразу просить денег. Я их предупреждал, что, когда будут деньги, не хватит времени. Так и вышло. Открытие памятника почти всегда политическое событие. В какой-то момент власти назначают дату, и, если вы можете выдержать сроки, вам оплачивают все ваши расходы.

Вот я, например, делал работу в кредит. За пять лет наша компания истратила на «Рабочего и колхозницу» порядка 250 млн рублей, нам расходы возмещали частично. А теперь пришло время, принято политическое решение – и все долгги правительство Москвы закрыло.

– Как же вы работали без денег?

– Помимо денег есть еще любовь к искусству, родине, Москве – нашему любимому городу, есть патриотизм, который для моего поколения не пустой звук. Вот какими соображениями мы руководствовались. Я не могу сказать, что на нас не обращали внимания. Наоборот, Юрий Лужков, Владимир Ресин, Юрий Росляк неизменно подтверждали, что, если работа будет успешно завершена, расчеты состоятся.

– И как защитить памятник от коррозии?

– Сейчас мы обсуждаем запасные варианты. ВИАМ предлагает покрыть монумент ингибиторами наподобие тех, которыми покрывают самолеты, чтобы он не страдал от воздействия городской среды. Но гарантия на такую защиту – 30 лет, а мы пообещали, что памятник простоят без повторной реставрации столетие. Но у нас пока есть время подумать.

– Есть ли еще спорные моменты?

– Например, каким камнем облицовывать постамент. Советский павильон в Париже был отделан газгансским мрамором из Узбекистана. Он пористый, в трещинах, для временной облицовки, может быть, и подходит, но сейчас его использовать нецелесообразно.

Мы вынуждены использовать гранит. Гранитов в России нет. Точнее, они есть, но не тех цветов, которые нужны. У нас в основном серая гамма, карельский гранит – красный с прожилками, а другие – черные. Для постамента же необходим камень от темно-коричневого до светло-золотистого и металлического. Поэтому мы закупаем гранит в Италии. Государственные заказчики были против – дескать, это не патриотично. Но я Юрию Михайловичу Лужкову сказал твердо, что от своего мнения не отступлю и в ущерб художественному качеству работать не буду.

В результате будет камень из Италии, России, Казахстана и с Украины.

– Вы так плотно соприкасались со скульптурным шедевром – у вас есть к нему и к скульптору Мухиной личное отношение?

– Вера Игнатьевна была жестким, принципиальным, пробивным и безмерно талантливым чело-

веком. Вместе с архитектором Борисом Иофаном она сделала гениальное произведение, добилась синтеза архитектуры и скульптуры. Редко бывает, когда и скульптура, и постамент так слаженно работают на один образ.

И сама скульптура сделана неправильно – то есть с нарушением всех пропорций. Когда делаешь скульптуру по анатомии, получаются большие куклы, что мы наблюдаем сегодня повсеместно в Москве. Памятники 1990-х годов не волнуют людей. А у «Рабочего и колхозницы» отставленные назад ноги на 3,5 метра длиннее, чем те, что выдвинуты вперед, и руки все разной длины. Но ведь не заметно! Наоборот, этим достигнуто ощущение движения. Ни в какой другой работе Мухина, к сожалению, свой прорыв не повторила. А в этой работе раскрылась как великий скульптор.

– Вы не жалеете, что отдали столько лет чужой работе, может быть, в ущерб своей собственной?

– Мои амбиции лежат в иной плоскости. Я по образованию не скульптор, а инженер. По второму образованию – философ. Много работал на строительстве, потом стал инженером на скульптурном комбинате, занялся творчеством, сотрудничал с Юлианом Рукавишниковым, Львом Кербелем, Александром Кибальниковым. Я у них учился, мне никакой Строгановки не надо было. С Юлианом Рукавишниковым я проработал 20 лет. Он мне давал уроки лепки. Сделать первый портрет он мне помог, второй тоже, а к третьему даже не притронулся, нечего там было исправлять. Когда он заболел, то посоветовал мне заняться творчеством самостоятельно. Сегодня очень мало мастеров, которые могут сделать в скульптуре то, что могу я. Только в России стоит более 20 памятников моей работы. Все свои проекты – Петра I для Еревана, Бродского для Италии, Улофа Пальме для Швеции, Рахманинова и Шаляпина для Франции – я выигрывал по конкурсу.

– Трудно возражать, если учесть, что и Мухина училась на скульптора две зимы в Париже... У нас есть еще один шедевр советской эпохи – памятник «Родина-мать» на Мамаевом кургане, работа скульптора Евгения Вучетича. Вы не знаете, в каком он состоянии?

– В плачевном. По моей инициативе создана правительственная комиссия, мы уже несколько раз летали в Волгоград. «Родина-мать» отлита из железобетона, срок эксплуатации которого 50 лет. 40 лет памятникостоял, если ничего не делать, через 10 лет скульптура упадет. У нее даже нет надежного фундамента, она просто стоит на поверхности. Мы обязательно займемся Мамаевым курганом, но после «Рабочего и колхозницы».

ИТАР-ТАСС

Злоключения памятника (варварский демонтаж в Париже, неудобный постамент в Москве, наконец, нынешняя затянувшаяся реставрация) можно было бы отнести к фатальному стечению обстоятельств или (по крайней мере, выбор постамента) объяснить происками врагов Мухиной. Но невольно задумываешься о символическом подтексте происходящего. Кажется, что общество (ни нынешнее, ни современное скульптору) не в состоянии было принять этот шедевр с благодарностью. Что этот колосс многократно превосходил в смысловом и пластическом значении плебейские, мышиные по своим масштабам реалии, породившие его.

К счастью, громкий успех памятника не навредил автору. Вера Игнатьевна Мухина прожила долгую по советским меркам жизнь, была пятикратным лауреатом Сталинских премий, членом Академии художеств и при этом оставалась независимым человеком (насколько это было возможно), не занималась конъюнктурой, не лепила вождей. Она состоялась как художник и не поступалась принципами – завидная судьба во все времена. ☈

Оксана Прилепина

СОЛЕНЫЕ УШИ ГЛАЗАМИ ЗЕЛЕНОГО ВОДОПРОВОДЧИКА

«Русский мир.ru» составил топ-10 самых странных российских памятников.

РАНЬШЕ СКУЛЬПТУРНЫМ ЛиЦОМ города считались памятники Ленину, Карлу Марксу или «освобожденному пролетариату». А теперь – пельменям, огурцам, водопроводчикам, собакам... Именно их тиражируют люди в блогах, рассказывают о них друзьям, ради них едут в тот или иной город. Кажется, теперь чувство юмора – главная составляющая профпригодности скульпторов, если они хотят быть милыми народу. В общем, для скульптуры – одного из самых консервативных видов искусства – настало время малых жанров.

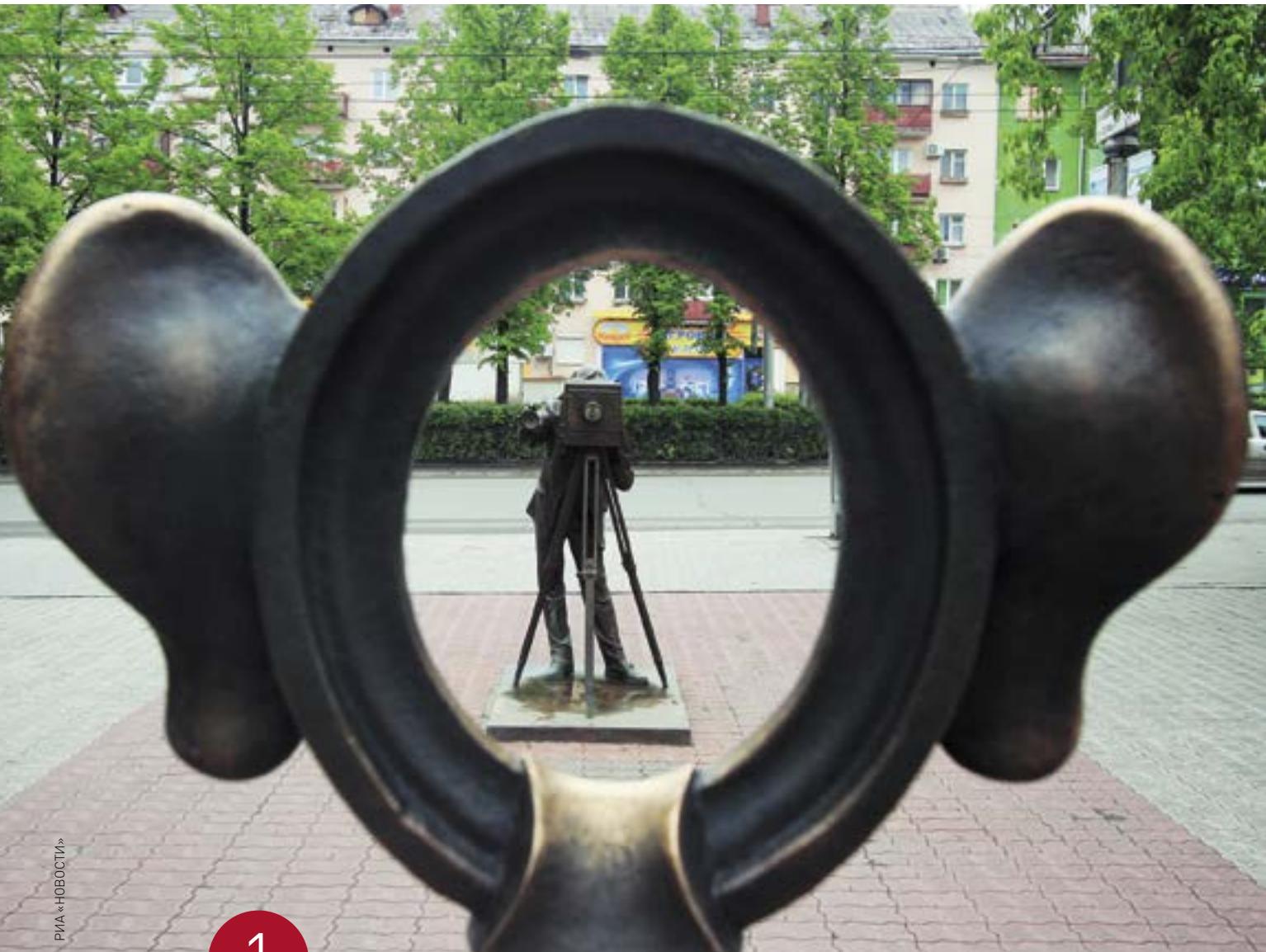
Конечно, развлекательная скульптура существовала и раньше. В XIX веке это были фонтаны-штухи или забавные композиции в дворянских усадьбах. Но в крупные города, да еще в таком количестве, они ворвались впервые. Сегодня творцы-создатели чаще всего изображают пресыщенных или, наоборот, вызывающих жалость кошечек-собачек. Хотя есть и «штучное» зверье – например, веселая коза в Нижнем Новгороде, семейство уток в Москве, конь в Воронеже – определенно самец. Не меньшей популярностью пользуются и гастрономические мотивы. В этой сфере лидируют огурцы, хотя можно найти и другие угождения с российского стола: «Пельмень» в Ижевске, «Картошку» в Великом Новгороде, «Водку» в Самаре, «Блин» в Сенгилее. Увековечивают сегодня и технику: можно полюбоваться на памятник катку на шоссе Петрозаводск – Мурманск или «копейке» в Москве, а также электрическим фонарям в Вологде.

Кажется, человек как объект изображения потерял ценность. А если уж скульптор за него и берется, то выбирает такого, кто был бы всенародно «любимым» фольклорным персонажем: гаишника, сантехника, водопроводчика... Ну, может, еще сделает снисхождение кокетке, вертящейся перед зеркалом (Ижевск, Нижний Новгород). Иногда, впрочем, художник за-махнется на классику («Нос майора Ковалева», Санкт-Петербург; «Басни Крылова», Москва), однако для изображения выбирает все те же малые жанры, чаще детские мультфильмы («Котенок с улицы Лизюкова», Воронеж; «Счастье», Томск). Скульптура съежилась до

уютных размеров – и моментально стала маленькому человеку родной, вызывающей теплые чувства. Однако есть и такие создания рук человеческих, которые у непосвященного могут вызвать смешанные чувства. Чем руководствуются авторы и власти, устанавливая их в региональных и федеральных центрах? Загадка, да и только!

ИТАР-ТАСС

РИА «Новости»

1

«Пермяк соленые уши», Пермь

На Комсомольском проспекте Перми установлены большие металлические уши, прикрепленные к овальной рамке. Дополнение композиции – фотограф. В пустое пространство любой желающий может сунуть голову и получить снимок на память. Так при случае и поступает каждый житель округа. В данном контексте «пермская голова» особенно ценна, потому что, считает глава города Виктор Шубин, скульптура несет в себе «пермскую идею», призванную объединить всех горожан:

– Уверен, скоро фотографии с «солеными ушами» будут храниться в каждой пермской семье, – говорит он.

По преданию, жителей Пермской области называли «пермяки соленые уши» с начала работы соляных приисков в Соликамске. Добыча соли была основным промыслом для Урала. Сам процесс добычи был сложным и трудоемким. Существовала даже такая профессия –

носильщик соли. Носильщик таскал мешки до баржи на плечах и неизбежно получал профессиональную травму: соль сыпалась на голову, попадала на уши, разъедала кожу, кожа становилась красной, шелушилась, ухо воспалялось. По красным ушам легко читалась «прописка». И прозвище «пермяк соленые уши» распространялось на всех жителей Прикамья.

РИА «Новости»

2

«Клизма», Железноводск

Бронзовый памятник весом 350 кг и высотой 1,5 м изображает ангелочеков, которые несут на себе огромную золотистую клизму. Над композицией почти год трудились два скульптора – Светлана Авакова и Давид Бегалов, – затратив на это дело почти миллион рублей спонсорских денег.

– Тема эта, сами понимаете, щекотливая. И я придумала: пусть клизу держат три мальчика в виде ангелочеков, – раскрывает творческие секреты Светлана Авакова. – Если поставить туда взрослых, это будет выглядеть насмешкой. А ангелочки тут в самый раз: они же охраняют здоровье человека, и клизма в руках таких созданий воспринимается с юмором. Хотелось сделать отношение к этой процедуре приятнее и веселее. Творческий процесс не оставлял равнодушным никого, кто мог быть причастным к делу, так что у произведения появилось несколь-

ко звучных названий: «Торжество главного медицинского прибора», «Торжество главной медицинской процедуры» и простенькое – «Клизма». В итоге был выбран будничный вариант, без «торжеств», поскольку в важности объекта изображения и так не сомневается ни один клиент санатория «Машук Акватерм» с гастроэнтерологическим профилем. Это первый в мире памятник клизме, чем главный врач санатория Александр Харченко гордится особенно:

– Мы даже лозунг у себя повесили: «Ударим клизмой по разгильдяйству и заторам!» Но если без шуток, то в прошлом году я был в Белгороде, и там мне понравились небольшие памятники: гаишнику, бабушке, вяжущей чулок. Я вернулся и подумал: а чем славятся наши Кавминводы? Лечением желудка и кишечника! Следовательно – клизмой. Так что она как ничто другое достойна бытьувековеченной здесь.

3

«Чехов глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и ни разу не читавшего «Каштанки»,

Томск

Скульптура представляет собой бронзовую карикатуру на великого писателя в человеческий рост. С искаженными пропорциями, лишенный явного портретного сходства и без той духовной составляющей, которой образ Чехова принято наделять. Металлическую фигуру выставили в центре города в отместку за нелестные отзывы писателя о городе. По свидетельствам томичей, в 1890 году во время путешествия на Сахалин Антон Павлович отобедал в ресторане на набережной реки Томи и написал: «Томск гроша медного не стоит... Скучнейший город... и люди здесь прескучнейшие... Город нетрезвый. Красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское... Грязь невылезная... но возникают и зачатки цивилизации – на постоялом дворе горничная, подавая мне ложку, вытерла ее о зад...

Замечателен сей город тем, что губернаторы здесь мрут словно мухи...

Обеды здесь отменные – в отличие от женщин, жестких на ощупь...» А в книге «Остров Сахалин» Томск упомянут только раз: классик пишет, как

увидел пьяного мужика, который лежал в канаве и смотрел на Чехова.

«Ответ» писателю было решено поставить к 400-летию Томска на средства, которые «собрал народ». Инициатором этой акции и автором памятника стал известный томский скульптор Леонтий Усов. Произведение вызвало волны недовольства, не все хотели возражать классику, некоторых коробила форма. Летом 2005 года председатель комиссии ЦК КПРФ по военно-патриотической работе генерал-майор Копышев от имени советских офицеров выразил «решительный протест против такого опошления русской культуры». Разгорелся скандал, область ходила ходуном, споры проникли в федеральные СМИ. Защитники идеи собрали ироничный комитет по защите монумента, Леонтий Усов в сотый раз повторял, что «дело не в мести», а в чем – и сам толком не знал. Наверное, все дело в оригинальности: никому в мире еще не пришло в голову отвечать классикам литературы на критику.

Помимо «Чехова...» Томск может похвастаться и другими неординарными памятниками: «Счастье», «Домашние тапочки» у гостиницы и «Детки в клетке» у роддома.

РИА «Новости»

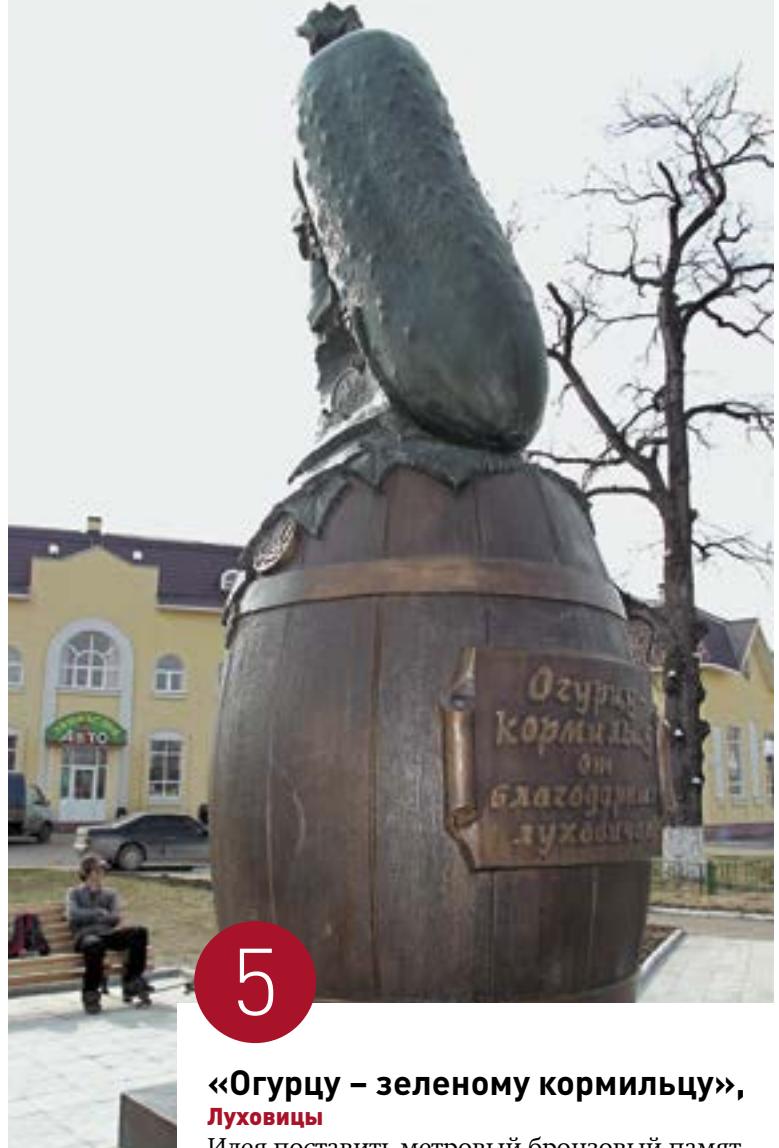

ИТАР-ТАСС

4

**«Клавиатура»,
Екатеринбург**

Лэнд-арт скульптура расположена на набережной реки Исеть и представляет собой 86 бетонных клавиш весом от 100 до 500 кг. Она стала культовой в городе еще до монтажа: гость Екатеринбурга профессор Никлаус Вирт – изобретатель языка программирования Паскаль – выразил желание посетить проект даже тогда, когда он был готов лишь наполовину. Ну а после завершения монтажа инициатор проекта Анатолий Вяткин стал молодежным «супергероем» и первым «креативщиком» губернии. В екатеринбургских кругах его творению приписывают почти мифические черты: «Памятник повлиял на символическую переинтерпретацию всего окружающего пространства и резкое повышение его креативности. Расположенный вблизи старый каменный дом теперь называют системным блоком». «Художественное решение проекта уникальным образом соединяет ценности западной и восточной цивилизации. По сути, это не только воплощение определенной стадии развития западной технологической культуры, но и сад камней, глубоко символическая структура, отражающая философию и смысл существования». Вот что, иными словами, приходит в голову молодым мыслителям, когда они сидят на «монументе, который вписывается в международный контекст». А Вяткин думал, что здесь будут в основном назначать свидания.

ИТАР-ТАСС

5

**«Огурцу – зеленому кормильцу»,
Луховицы**

Идея поставить метровый бронзовый памятник овощу на главном перекрестке города родилась в недрах районной администрации. Московская областная администрация идею одобрила и выделила \$20 тыс.

«Не заниматься огурцами в Луховицах преступно! – говорят местные жители. – Они растут сами!» Сами не сами, а до 30-х годов прошлого века в Луховицах не выращивали великую русскую закуску. Но несчастье помогло. Жили бедно, начали торговать тем, что растет, так и выжили. Луховицкий район расположен в низовьях Оки, здесь невероятно благоприятные условия для выращивания огурцов. Огурец сажают в землю – и все, больше никакого ухода. Внутри Луховицкого района своя градация местности: в Луховицах огурцы растут хорошо, в селе Дединово – 10 км от райцентра – очень хорошо, а в поселках Горетово, Фруктовая, Двуглинка – прекрасно. Все вместе они называются «огуречным царством», то есть основным поставщиком огурцов на рынки Москвы и Подмосковья. Это оказалось выгоднее, чем делать самолеты МиГ на Луховицком машзаводе. Завод и сегодня работает, он всегда был для города и страны настолько значимым, что привнес в герб города крылья. В общем, раз пошло такое дело, другие районы Московской области тоже захотели поставить себе по огурцу: «Белая дача» подмосковного Люберецкого района, село Истобенск Оричевского района (высотой 6 метров)...

6

«Нос майора Ковалева», Санкт-Петербург

Стокилограммовый «Нос майора Ковалева» выполнен из цветного мрамора и прикреплен к фасаду дома №11 по Вознесенскому проспекту. Инициаторами идеи выступили организаторы фестиваля «Золотой Остап». Автором памятника является не менее знаменитая личность – Резо Габриадзе – известный художник, скульптор, режиссер, драматург. Но вот незадача: так у нас повелось, что народная любовь проявляется в основном вандализмом. Сколько раз крали «Чижика-прыжика»! И тут не обошлось без хулиганства. В первый раз «Нос майора Ковалева» ушел погулять по Петербургу в тот день, когда на набережную Фонтанки в очередной раз вернулся пропавший «Чижик». Тогда барельеф с изображением носа ушел совсем недалеко, его обнаружили на лестничной площадке дома №15 по Средней Подъяческой улице. Как шутят жители Петербурга, он просто по привычке иногда отправляется прогуляться. В общем, «чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия: вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шума в городе, очутился, как ни в чем не бывало, вновь на своем месте».

7

Памятник сырку «Дружба», Москва

Из 150 проектов, поступивших на конкурс Московского завода плавленых сыров «Карат», выбрали персонажей из басни «Ворона и лисица» Крылова. В состав жюри входил известный карикатурист и психиатр Андрей Бильжо, который оценил и другие метафоры примирения на грани безумия: корову и колхозницу, держащих сырки над головой, земной шар на вершине пирамиды из сыра. «Но сырок «Дружба» – это больше, чем сырок, и больше, чем дружба, – это плавленый кусочек жизни, юности», – философствует художник. Завод, который 45 лет назад выпустил продукт-символ эпохи, потратил на произведение \$500 тыс. и установил композицию перед проходной. И продолжает популяризацию памятника, устраивая около него ежегодные фестивали сыра или приглашая туда молодоженов съесть на двоих сырок – «На лад в доме!». Скульптура была создана двумя авторами – отцом и сыном Щербаковыми – по «народному» проекту профессора Алексея Семенова и художницы Марины Лесковой. В общем, всем весело на этом празднике, кроме московских властей. Комиссия по монументальному искусству Мосгордумы высказалась против «Дружбы», усмотрев в этом открытую рекламную кампанию. Комиссия не видела бы нарушений лишь в том случае, если скульптура будет стоять на территории предприятия. В общем, дело замяли, «Сырок» установили и даже разбили вокруг него сквер.

ЮРИЙ МАРТЬЯНОВ/КОММЕРСАНТЪ

8

**«Водопроводчик»,
Омск**

В скобах по профессиональному признаку безусловное лидерство у водопроводчиков: Омск, Сочи, Красноярск... Петрозаводск не стал переходить на личности и установил памятник водопроводному крану, а подмосковные Мытищи – водопроводу. Видимо, тема водоснабжения для россиян по-прежнему болезненна. Омская же скульптура – образ собирательный. И получилось она у автора, Сергея Нарышева, настолько характерной, что в первые же дни ее ласково окрестили «Степанычем». «Степаныч» высунулся из канализационного люка прямо на центральной улице города и замер в задумчивости, глядя на беспокойно мельтешащие ноги. Этакий русский философ «от водопровода». Потому, может, он и обрел впоследствии столько подражателей.

**СЕРГЕЙ ПОЛОВИНКИН,
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА
ОХРАНЫ ХУДОЖЕСТВЕН-
НОГО НАСЛЕДИЯ ПРАВИ-
ТЕЛЬСТВА МОСКВЫ:**

«Памятники должны устанавливаться по закону. К сожалению, в Москве целый ряд скульптур, установленных инициативными группами без участия городских структур. Всякие Холмы, Ватсоны, сырки «Дружба»... Мы не можем знать, сколько их, потому что они не входят в реестр, который мы открываем ежегодно. В любой момент мы можем эти скульптуры просто демонтировать. Но мэрия пока делает вид, что ничего не замечает, поскольку это может вызвать скандаль-

ную реакцию. Хотя все понимают, что художник, слепив скульптуру, может свободно поставить ее только у себя на даче. Если же автор хочет установить свое творение в Москве, он обязан пройти все процедуры, прописанные в законах города. Иначе что получается? За незаконными памятниками никто не ухаживает, они не стоят на балансе какой-либо организации, их, извините, даже от птичьего помета никто не освобождает. Мы не обсуждаем качества самовольно установленных скульптур. Более того, мэрия не имеет ничего против памятников. Но спланированной политики устанавливать

памятники плавленым сыркам у нас нет. И порой они выглядят настолько уродскими, что я лично даже и не знаю, должны они быть или нет».

**НАДЕЖДА ЕФРЕМОВА,
ЗАМДИРЕКТОРА ПО НА-
УЧНОЙ РАБОТЕ ГОСУДАР-
СТВЕННОГО МУЗЕЯ ГО-
РОДСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ:**

«Малая скульптура не хороша и не плоха сама по себе. В каждом отдельном случае все определяется местом расположения, вкусом и талантом сознательного. Но у нас в Санкт-Петербурге идеи часто принимают не те формы. Нельзя на одной маленькой улице в историческом

центре совмещать и ре-продуктор, посвященный блокаде, и собак, и кошек! Дворник неуместен на улице зодчего Росси с классическим ансамблем. Но на 4-й Красноармейской улице, в маленьком садике, уже несколько лет существует забавный абстрактный дворник, вызывающий умиление, – он стал достоянием всех малышей, которые гуляют под его надзором. Вероятно, такие скульптуры должны хорошо внедряться в ткань современных спальных районов, они даже могут нести социальную нагрузку и делать уникальными безликие дворы. Однако я ни в коей мере не призываю

9

«Ё», Ульяновск

Вытеснение буквы «ё» из печатной речи подвигло администрацию Ульяновска на установку памятника из красного гранита. Он сразу же привлек внимание общественности своей необычностью, и история отечественного алфавита пошла на ура. Букву изобрел великий земляк ульяновцев, Николай Карамзин, в 1797 году она была впервые напечатана в альманахе «Аониды» на странице 166 в слове «слёзы» вместо привычного «слюзы». Гранитную «Ё» художник Александр Зинин решил изобразить как увеличенную копию печатной: с неровностями типографского шрифта. Работая над памятником, Александр Зинин сделал для себя некоторые личные открытия:

— Наша «Ё» — возвращение к нечаянно забытым нами ценностям. Буквы не просто обслуживают человека, они несут более глубокий смысл. Древние тексты — это загадки, решая которые мы становимся мудрее.

Зинин уже не первый год занимается изучением алфавитных систем и пишет на эту тему книгу. Его единомышленники-филологи бьют тревогу: размываются орфоэпические нормы. А вместе с ними и душевная теплота. Вдохновитель проекта Игорь Сид пишет, что буква «ё» олицетворяет собой все живое, что есть в языке: теплое, веселое, клевое, смешленое, ядреное, плевое... Без нее невозможна поэтическая отечественная лексика. Видимо, как раз поэтому филологический фестиваль, который предполагается проводить ежегодно, назвали «Ё-бал».

10

«Влюбленные собаки», Краснодар

По замыслу скульптора Валерия Пчелина две собаки — он и она — встретились на первом свидании под зданием с часами и пошли гулять. Речь идет о двухметровых собаках в нарядах 20-х годов прошлого века, памятник создан благодаря одной крупной строительной корпорации. И вот гуляют они, гуляют по «собачиной столице», как называл Краснодар Владимир Маяковский в одном из стихотворений. Между делом исполняют желания, о чем ответственно заявляет с телеэкранов сам главный архитектор кубанской столицы Александр Кузнецов. Надо только потретить собакам лапы. Мэра Краснодара Владимира Евланова также умиляет композиция:

— Когда смотришь на эту скульптурную группу, сразу улучшается настроение, хочется улыбнуться и на душе становится светлей. Это здорово.

убрать их из центра, перенести в парки. Мне очень жаль, что вообще есть такая идея взять скульптуру и перенести куда-то. Этим ее можно просто разрушить! Кроме того, как говорил Лев Успенский, плохие памятники в нашем городе не живут. Меняется время, приходят новые люди, и время все расставит по местам.

Думаю, сейчас жанровая скульптура вошла в моду потому, что проста, не содержит заданности для автора и не требует больших затрат. Ведь монументальная скульптура — очень сложный вид изобразительного искусства. Она несет идеалы, вечные для всех времен и народов, устанав-

ливается на высокий постамент, требует работы души и мысли. Тематическая же скульптура конкретна, не предполагает пьедестала и таким образом снисходит до нас. Отсутствие глубины современной публике нравится, потому как это проще. Такое сейчас время. Но все равно надо использовать эту моду, чтобы оттавивать вкус».

ЛЕОНИД КИТАЕВ-СМЫК, СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ:

«Сейчас время безвременья. Что в безвременье главное? Утрата смыслов. Нет у нашего народа смысла жизни. У нас утрачен смысл большого и малого, значимого и малозначимого. И эти утраты

отразились в том числе в изобразительном искусстве. И самое скверное, что вот эта утрата, это искашение смыслов вырвалось на улицы наших городов, сел и деревень. В виде памятников пустякам. Все эти носы, уши, пельмени и сырки — пустяки преувеличенные. Они сделаны так, будто в этом есть смысл. Допустим, ссылаются на великого Гоголя, который сделал свою повесть «Нос» именно как демонстрацию утраты значимых задач. А ведь уже тогда писатель понимал, что Русь несется не туда, куда надо. В наше же время происходит уже некое любование пустяком.

Увлечение и восхищение этими памятниками, с одной стороны, демонстрация душевной или даже духовной деградации. Радость и увлечение пустяками может быть опасной. С другой — это механизм деградации. Пустяки влекут к пустякам, они побуждают человека к неважным вещам в жизни — он перестает задумываться о том, что будет с ним через 10 лет, ради чего он живет, как он прожил нынешний день, как относится к другим людям, к детям, к себе. Пустячок-пустячок-пустячок... и вся жизнь идет пустячком. А эти памятники оправдывают поведение человека, радуют и толкают дальше по пути пустяков».

Вера Медведева, Париж

«XXI век дает России шанс определиться со своим местом в мире»

В числе сорока «бессмертных» членов Французской академии еще недавно было три человека с русскими корнями. Сейчас из них осталась только Элен Каррер д'Анкос, потомок графов Паниных. Историк, автор книг по истории России, она несколько лет назад была избрана членом и Российской академии наук, а в мае нынешнего года в Москве получила высшую награду РАН – Золотую медаль им. Ломоносова. Эта почетная российская награда впервые вручена женщине-историку. В июле у Элен Каррер д'Анкос юбилей – ей исполняется 80 лет.

– В последнее время крепнет тенденция к переписыванию истории. Изменился ли ваш взгляд на отдельные исторические периоды развития России?

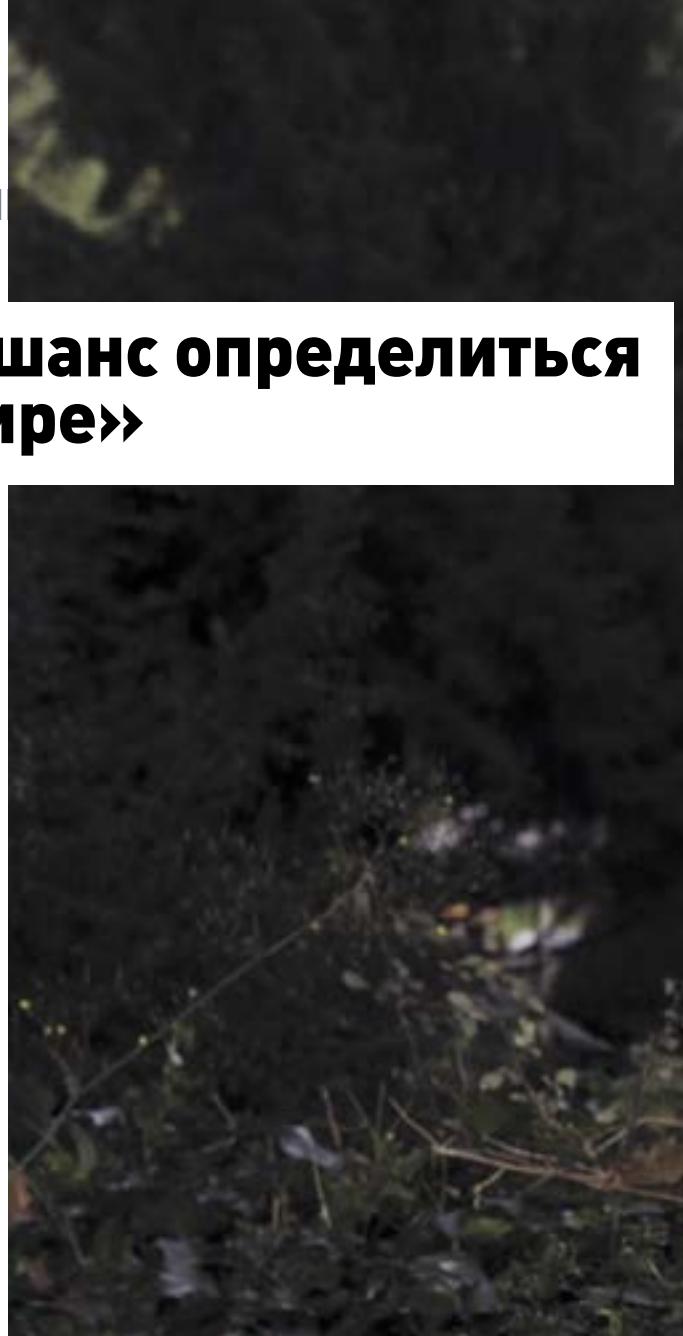
– Я думаю, в русской истории существуют определенные константы, и они для понимания России важны гораздо больше, чем некая череда фактов, трактовка которых может меняться. Во-первых, необходимо отметить, что поступательность развития России постоянно прерывалась. В истории страны явно выделяются периоды катастроф и периоды прогрессивного развития. А второй принципиальный момент заключается в той экстраординарной специфики России, которая очень сильно повлияла на русский менталитет. Я имею в виду огромные российские пространства. Конечно, этот факт постоянно упоминается при изучении особенностей российской истории, но я хотела бы обратить внимание еще и на то, что русское коллективное сознание привыкло воспринимать свою страну как огромное пространство, и это мне представляется чрезвычайно существенным. Если же говорить о трансформациях моего отношения к каким-то моментам российской истории, то раньше я была более критично настроена по отношению к советскому режиму. Это не означает, что сейчас я его одобряю или со жалею о нем, вовсе нет, но настроение

на уже не столь критически. Кроме того, сегодня я с большим пониманием отношусь к тем особенностям, которые отличали XIX век в России. Я всегда считала, что царствования Александра I и Александра II были двумя великими, прогрессивными правлениями, которые позволили России серьезно продвинуться вперед. С точки зрения экономического развития царствование Александра III мне также представляется очень позитивным. Таким образом, я особо не изменила свои взгляды. И мне кажется, самое главное, на что необходимо всем обращать внимание в российской истории, и в российском менталитете, это особенности, которые, несмотря на катастрофы, позволяли России вновь возрождаться и двигаться вперед, к новым периодам прогресса.

– Вы упомянули Александра III, которого уважали и французы, неслу-

чайно самый красивый мост в Париже назван его именем. Александр III когда-то правильно говорил, что Россия должна руководствоваться своими собственными интересами. Не кажется ли вам, что Россия зачастую стремится изменить весь мир, тогда как думать нужно в первую очередь об обустройстве своей собственной страны?

– С одной стороны, это верно, но одновременно не очень справедливо. Российская элита все время, особенно в XIX веке, размышляла о том, каковы недостатки России, и о том, каких качеств ей недостает. И, похоже, одним из недостающих качеств россиян является как раз критичный настрой по отношению к самим себе. Россияне не очень себя любят. Хотя встречаются и противоположные примеры. Так, Достоевский полагал, что Россия обладает особой, «очистительной»

FOTOBANK/SIPA PRESS

способностью, а россияне являются народом-мессией. Однако в массе своей россияне не очень-то уверены в себе. Это утверждение мне кажется достаточно справедливым.

И также мне кажется верным то, что россияне не всегда отдают себе отчет в том, что же является их реальными национальными интересами. Вспомним, Александра II, который был одним из самых великих реформаторов в истории России: чего стоит отмена крепостного права! Этот царь произвел своими реформами настоящую социальную революцию. И он все время спрашивал себя: что именно является подходящим для России? Что пойдет ей на благо? Сегодня российские руководители задаются теми же вопросами.

Я думаю, это очень хорошо, но нужно делать акцент на тех моментах в российской истории и менталитете, которые всегда позволяли России

продолжать двигаться вперед, и отдавать себе отчет в тех положительных качествах россиян, которые могут помочь им построить достойное будущее. Главный вопрос: что нужно сделать, чтобы прекратить раз за разом начинать все сначала, перечеркивая сделанное ранее?

В данном случае показателен пример XIX века. Практически весь этот век был для России временем прогресса. Даже правление Николая I, несмотря на Крымскую войну, вписывается в канву поступательного

развития. Александр II проводил реформы, Александр III развивал промышленность. И начало XX века характеризовалось поступательным движением. Так, Николай II, вопреки своим внутренним убеждениям, вынужден был принять созыв Думы и допустить эволюцию политической жизни страны. Но поступательное движение России в сторону большей прогрессивности было прервано революцией и тем разрывом с прошлым, который за неё последовал.

**Россияне не всегда
отдают себе отчет в том,
что же является их реальными
национальными интересами.**

— Мы-то с вами согласны с Александром III в том, что Россия всегда должна помнить о своих интересах, но печально, что он не смог своего сына, Николая II, воспитать на этих же принципах. Ведь именно Николай II в Париже подписал катастрофический для России военный договор *Entente* (Антанта), который вовлек нас в Первую мировую войну.

— Николая II очень интересно сравнить с Александром II. Посмотрите, отец Александра II, Николай I, был, скажем так, не без недостатков, однако сумел воспитать из своего сына настоящего правителя. Александр II получил самое лучшее образование, какое только можно было себе тогда представить. В противоположность ему Николай II был образован средне. Я серьезно изучала его биографию и могу сказать, что он был очаровательным молодым человеком, его любил и собственный отец, и окружающие. Но все наблюдатели отмечали, что образование Николая II отличалось явным консерватизмом. Оно не позволяло ему серьезно размышлять об эволюции России. Александра II его отец отправлял путешествовать по стране, прививая ему стремление непосредственно знакомиться с жизнью России. Тогда как будущий Николай II путешествовал в основном за границей.

Можно предположить, что у Николая II отсутствовали некоторые необходимые правительству качества. Кроме того, его жена Александра, обладая многими достоинствами, к сожалению, имела проблемы со здоровьем, передав единственному наследнику царского престола гемофилию. И, кроме того, она отличалась истеричным характером. Александра Федоровна так никогда до конца и не поняла православие, ударившись в экзальтированность. В свое время Александр III был совсем не в восторге от этого брака своего сына.

Возвращаясь к сравнению Александра II и Николая II, можно отметить, что в юношестве и тот, и другой были достаточно слабохарактерными. Но у Александра II эта особенность была преодолена воспитанием. По крайней мере, он научился реагировать на проблемы, а не наблюдал

за ними безучастно, как это зачастую было свойственно Николаю II. К чему последний по-настоящему был привязан, так это к своей семье. Получается, его отец, Александр III, который был так же умен, как и Николай I, воспитавший Александра II, тем не менее не отдавал себе отчета в том, насколько велика для будущего правителя роль специального образования и воспитания.

— Как вы полагаете, можно ли провести какие-то параллели в истории России и Франции?

— Мне кажется, никакая другая страна не прошла таких тяжелых испытаний, как Россия. Я думаю, историческое развитие Франции было более легким, чем историческое развитие России. Прежде всего

носительно своего места в мире. Самые крупные российские историки постоянно задавались вопросом: европейская страна Россия или нет? Всегда была некая неуверенность. В XVII веке, когда российская история в определенном смысле опять «началась сначала», Россия должна была догонять европейские страны. Франция никогда никого не догоняла, поскольку всегда была страной, которая, как считалось, находится в авангарде. Может быть, далеко не всегда она этому соответствовала, но, по крайней мере, сами французы всегда считали ее таковой. Россия же и россияне постоянно должны были что-то доказывать и себе, и окружающим. Петр I, который европеизировал Россию, не избежал разрыва с тогдашним обще-

Найти свою новую идентичность очень непросто, и я с большим восхищением отношусь к российскому народу, который смог пережить все выпавшие на его долю испытания.

потому, что история Франции развивалась относительно связным образом. Французская государственность сформировалась достаточно рано, причем вся история Франции фактически была «организована» именно вокруг процесса формирования государства и вокруг гуманизации французского общества. История же России многократно прерывалась, и страна раз за разом вынуждена была начинать свое движение сначала. Когда-то историческая последовательность была прервана тем, что центр государства из Киева переместился на север, затем два с лишним столетия Россия находилась под игом монголо-татар. И так далее, вплоть до Октябрьской революции. Иногда россияне даже не знали, являются ли они европейцами или нет. Русский национальный характер явно отличается этим постоянным рефлексированием от-

ством. Большинство своих реформ он утверждал с помощью силы, а вовсе не само российское общество приходило к осознанию необходимости этих преобразований. Петр считается великим реформатором, но многие из известных российских историков сравнивали происходившее тогда с катастрофой.

Французы, например, тоже говорили, что реформатор Людовик XIV слишком много воевал, но все сходятся на том, что правление этого короля являлось периодом естественного развития Франции и, более того, французского величия. То есть французские правления не прерывали поступательного развития страны. В российской же истории нет такой последовательности. К лучшему или к худшему, но страна многократно сворачивала с того пути, по которому двигалась, и начинала все сначала.

И мне кажется, XXI век дает России шанс определиться со своим местом в мире. Сейчас она уже не представляет собой империю, не окружена сателлитами, а действует только от своего собственного имени. Найти свою новую идентичность очень не просто, и я с большим восхищением отношусь к российскому народу, который смог пережить все выпавшие на его долю испытания.

— Вы уже упоминали огромные российские пространства, которые определили наш менталитет. И все-таки — это благо или проклятие?

— Этот же вопрос неоднократно задавали себе и российские императоры. Когда Александр II на специальном заседании одобрил идею продажи Аляски, возможно, он как раз отдавал себе отчет, что российским владениям совершенно незачем распространяться так далеко. Хотя многие россияне до сих пор его в этом упрекают, считая, что никогда нельзя расставаться даже с пятым русской земли.

Сейчас мы рассматриваем российские земли как нечто фиксированное, неизменяемое. Это пространство консолидировано самой историей. Вся русская литература и все русские историки, явно или неявно, основываются на огромности России, на связи с российской землей. В русском обществе такого рода взрения всегда были выражены гораздо больше, чем во всех других европейских странах. И, наверное, можно сказать следующее: такие огромные пространства в определенной мере проклятие, но проклятие, которое дает потрясающую возможность всегда быть серьезной силой в мире. В современном мультиполлярном мире Россия всегда может найти свой собственный «полюс»: и с европейской стороны, и с азиатской, и с мусульманской. И мне кажется, Россия сейчас как раз учится использовать свои сильные стороны и свои особые возможности.

— Недавно у нас завершился проект «Имя России». Если бы вы участвовали в нем, то кого бы назвали?

— Я наверняка выбрала бы Александра II, поскольку считаю, что его правление было одним из наиболее прогрессивных в российской истории. По поводу этого опроса

разгорелись немалые дебаты, но в целом проект мне кажется довольно забавным. Я бы хотела также назвать и Столыпина, который, без всякого сомнения, является одним из наиболее блестящих персонажей в российской истории. Хотя некоторые мне говорят, что я ошибаюсь, и более великим реформатором был не он, а Витте. Но если искать истоки российской современности, то нужно выбрать Александра II. И я удивляюсь, почему он не популярен у россиян. Вообще же, Россия не испытывает недостатка в знаменитых персонажах. Взять хотя бы великую русскую литературу. Но мне кажется, россияне не всегда отдают себе отчет в огромности их собственного культурного наследия. И это обидно.

— Когда в XVII веке Ришелье основал Французскую академию, то вряд ли мог предположить, что когда-нибудь

в ней окажутся женщины. Трудно ли вам было избраться? Эмиль Золя десять лет пытался это сделать, но так никогда и не стал «бессмертным».

— К сожалению, не только Эмиль Золя, но и Бальзак, и Бодлер не были избраны. Мой путь сюда был гораздо более легким, поскольку меня избрали с первого же раза, большим количеством голосов. Почему — я не знаю.

— Может, потому, что вы — очаровательная женщина?

— Не думаю, поскольку, когда я избиралась, женщины еще не занимали такого места в общественной жизни. Я бы сказала, что выбирать везде женщин еще не вошло в моду. Наверное, просто академики заинтересовались моими книгами. Причем это была не моя идея — подать свою кандидатуру во Французскую академию. Мне предложили это сделать, и все прошло на удивление легко.

EAST-NEWS/GAMMA

женский триумф на рабочих местах. К счастью, сейчас это заканчивается. Лично мне кажется, что быть женщиной – это шанс. Шанс быть приятной для остальных и для себя самой. Я люблю яркие цвета и элегантную одежду. Мне очень не нравится, как сейчас выглядят женщины на парижских улицах. У большинства на ногах кроссовки, а в одежде они вообще перестают прикладывать какие-либо усилия. Когда я гуляю по Москве и вижу много очень красиво одетых женщин, то думаю про себя: «Боже мой, все это выглядит так, как на парижских улицах тридцать лет назад!» Сейчас большинство российских женщин очень ухоженны и прекрасно одеваются, а француженки, наоборот, в большинстве своем перестали стараться выглядеть элегантно.

Когда я была избрана в академию, до меня там была еще одна женщина.

в нашей семье есть и шведские корни, и итальянские, и немецкие, но по происхождению я себя воспринимаю русской. А интеллигентно отношу к русско-французской культуре.

– У каждого члена Французской академии должна быть своя собственная шпага. Это – часть ритуала. У вас в кабинете – целых пять шпаг. Какая из них является той самой, «академической»?

– Та шпага, которую я надеваю в особо торжественных случаях, находится у меня дома. Когда-то я была первой женщиной-академиком, которая стала обладательницей шпаги. Две женщины, которые до меня избирались академиками, никогда даже не ставили такого вопроса, настолько это казалось нереальным как им, так и мужчинам-академикам. И знаете, кто настоял, чтобы у меня тоже была шпага? Морис Дрюон. Он недавно

**Мне кажется, россияне
не всегда отдают себе отчет
в огромности их собственного
культурного наследия.
И это обидно.**

Во Французской академии сорок кресел, и каждое имеет свою «генеалогию». Например, мое нынешнее кресло когда-то занимал Виктор Гюго. Для меня это чрезвычайно почетно, поскольку считаю Виктора Гюго исключительно важным для Франции человеком.

– В ваших нарядах непременно присутствует какой-нибудь яркий, жизнерадостный цвет. И это притом, что большинство француженок давно уже носят черный цвет и какие-то тусклые оттенки. Может, в этом скрываются ваши русские корни?

– У меня оптимистичный характер, наверное, именно поэтому я выбираю жизнерадостные цвета. Меня всегда пугали американские и французские феминистки, которые считали, что женщина должна маскировать свою женственность и представлять собой существо среднего рода, чтобы олицетворять

И могу сказать, что серьезные академики всегда замечали наши наряды. Им было явно приятно, когда рядом находились хорошо одетые женщины. Я для себя поняла, что выглядеть элегантно – это своего рода вариант женской вежливости по отношению к окружающим.

– Как вы сами ощущаете, чего в вас больше: русскости от ваших предков или чисто французских качеств?

– Я родилась во Франции и могу сказать, что ментальность у меня французская, несмотря на то, что я свободно читаю на русском, английском и немецком. И я очень привязана к Франции. Президент Ельцин когда-то предлагал дать мне и российское гражданство, однако я сказала, что люблю Россию, но хочу иметь только одну национальность. Мой отец был грузином, поэтому мне предлагали и грузинское гражданство, но по-грузински я даже не говорю. Хотя

ушел из жизни, и для меня это – личная потеря, поскольку мы с ним очень дружили. Когда он предложил, чтобы я также обладала шпагой, то вначале это вызвало много шума. С того же момента, как все было решено, остальные женщины-академики тоже имеют свои шпаги.

Мою шпагу сделал один из самых известных современных ювелиров, грузин по происхождению – Гуджи. Когда-то он украшал алтарь Шартрского собора. Для изготовления «академической» шпаги Гуджи нашел настоящий клинок XVII века, а на рукоятке изобразил Андреевский крест и святого Георгия – символы России; галльского петуха – символ Франции; музу Клио – напоминание о том, что я историк, и золотое руно, олицетворяющее Грузию. Получается, на рукоятке моей «академической» шпаги отражены и мои корни, и моя профессия. ☺

Василий Голованов, фото Андрея Семашко

ОДИН ШАГ ВВЕРХ

Просчитавшись в километраже маршрута, вместо 380 километров мы отмахали почти 500: уж и Валдай, и Крестцы остались позади... Ну вот наконец и Кулотино – конечный пункт назначения.

– Ну, кажись, приехали. – Мой спутник Андрей, повозившись в своем кофре, достал какую-то бумажку. – Отсюда надо позвонить...

Разговор был короток. Нас уже ждали.

– И что?

– Сказал, пришлет ребят.

Ребята и правда не заставили себя ждать, минут через десять подруливш на видавшем виды «узике»; выссыпали кучей, с любопытством оглядели, передзоровались и тут же махнули бегом через переезд к ларьку за сигаретами.

– Смотрел «Пацаны»? – спросил меня Андрей.

– Нет.

– Вот такая же братва. Лет 16–17. Там Приёмышов в главной роли – за предводителя.

Я давно уже пытался представить себе, каков он, Владимир Васильевич Белый, к которому мы держали свой путь. Потому что с тех пор, как в России возникло такое явление, как воспитание в семьях приемных детей из переполненных детдомов, каждый случай, который выбывает из ряда обычных опытов подобного рода, заставляет воображать в центре сюжета пассионария и даже своего рода гения, ведь управляться с двенадцатью приемышами (а именно столько на счету Владимира Васильевича) может только человек необычный, сильный, чистый и едва ли не святой.

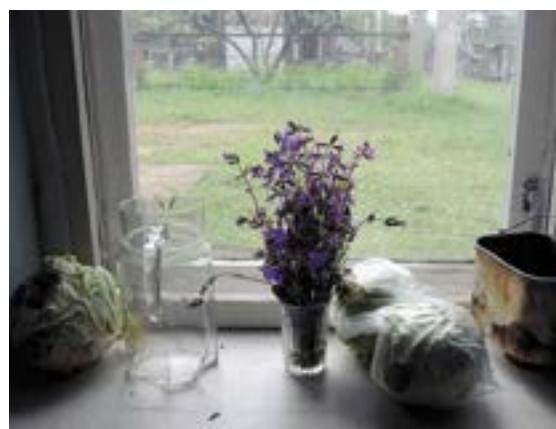
Ребята меж тем загрузились обратно в свой УАЗ, предупредив, что на дороге есть разбитое место, закрытое настилом из бревен, велели не отставать и, явно демонстрируя свою удалость, рванули вперед лесной дорогой. В конце концов наши фары чиркнули по вывеске: «Семейный детский дом. Без надобности не беспокоить». И вот уже мы останавливаемся возле трехэтажного дома из силикатного кирпича, расположенного

на высоком берегу реки, залившей в этот час, как и все ложбины вокруг, молочным туманом. Владимир Васильевич оказывается невысокого роста, лысым, пожилым (в этом году исполнится 72) человеком с удивительно спокойными глазами и крепкими, узловатыми руками. В общем-то похожим на обычного пенсионера, а не на пассионария.

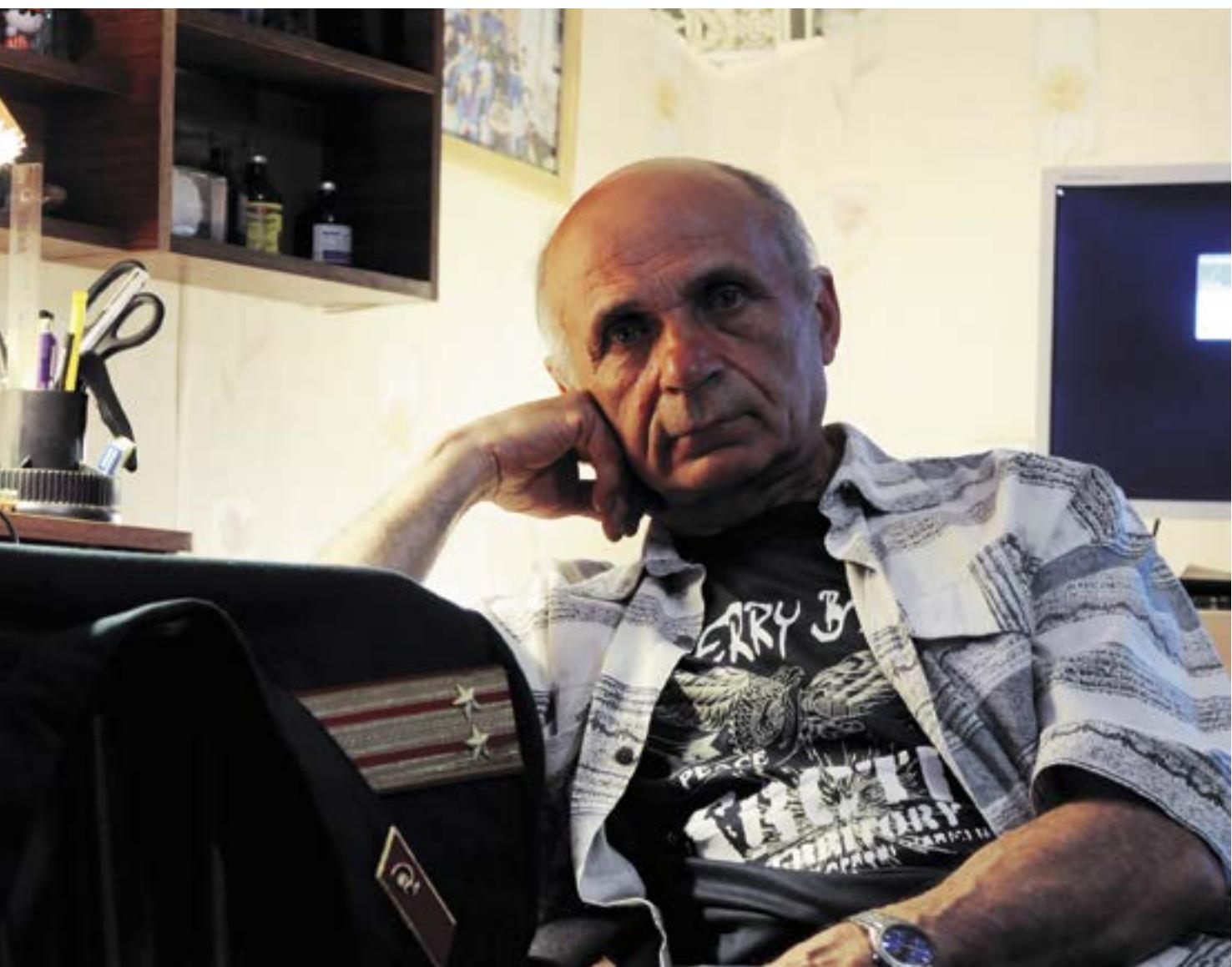
Солнечный ветер

Сейчас трое воспитанников Владимира Васильевича – самые первые, взятые из детдома в Боровичах в 1994-м, еще до постановления о приемной семье, – что называется, «выпустились», вылетели из гнезда, вступают в активную жизнь, и, в общем, получается это у них неплохо. Все уехали в Петербург. Старший, Андрей (21 год), учится в Политехническом институте; средняя, Оля (20 лет), – в медучилище, замуж собирается; младшая, Алина (19 лет), – в школе швейного производства. И что характерно, денег у папы не тянут: знают, каково ему тут на госпособие и собственную пенсию с оставшимися девятым управляться. Бедновато живут, но самостоятельно и достойно, что и в нормальных-то семьях не такое уж частое явление. А главное, с любовью живут, с душой. Душа-то – она у всех. Искра Божия... Нет. Душа может спать. И искра Божия может погаснуть.

Мать этих ребят родилась в тюрьме, воспитывалась в том же самом детском доме в Боровичах. И вышла оттуда с представлением, что так оно и правильно: ее дело рожать и отдавать детей в детдом на «воспитание». Хотя что за «воспитание» в детдомах, она-то, казалось бы, должна была знать. И знала. Но добро от зла ее никто отличать не научил, что такое материнская любовь, она отродясь не ведала, жизнь за стена-

ми детдома представлялась ей даже не праздником, а этаким загулом, который она, в общем, и разыграла как по нотам, пока были молодость и здоровье. Работать пыталась сообразно детдомовским навыкам – билетершей на танцплощадке. Жизнь не сложилась, так и кормилась при мужиках, что с нею жили от пусто-

ты души. А уж дети ее меньше всего волновали. После первых трех она еще четверых родила и всех сдала в детдом. Сразу. И, значит, душу в Андрея, Олю и Алину вдохнул «папа»; и грел ее, не давал замерзнуть — тоже «папа»...

У Владимира Васильевича не было пафосного решения посвятить себя детям. И вообще, героизм Владимира Васильевича вырос из несбывшихся надежд, из безжалостно складывающихся обстоятельств, из забубенной обыденности, трагических сломов на всех уровнях: страны, семьи, судьбы отдельного человека. Но прежде всего — человеческих взаимоотношений, понятий о долге, достоинстве, милосердии и любви...

Короче, был Владимир Васильевич военным врачом, перед выходом в запас служил в Таллине. Благополучно жил. Еще держался

Союз, но веяния уже были, так что, поразмыслив, понял подпольщик запаса Белый, что в Эстонии оставаться ему не хочется. Да еще, видно, глубокая память взыграла – родился-то на Дальнем Востоке, в семье высланных кулаков, так что идея первоначально была такая: вернуться в Россию, осесть на земле и заняться себе пчелами, лекарственными травами, нетрадиционной медициной... О детях и мысли не было: своих двух дочерей вырастил – и слава богу... Как решил – так и сделал. Поехал в Новгородскую область, пожил, огляделся, понравилось. И прежняя мечта стала убежденностью, что можно, можно здесь обустроить свой рай. Подыскал место. Написал жене: «Приезжай, нашел». Та приехала. Владимир Васильевич привел ее на это самое место, на освещенный солнцем высокий берег Мсты:

– Вот, – говорит. – Здесь будет город заложен.

– Что ж, опять с нуля все начинать? – невесело спросила жена. – Семь раз переезжали...

– А хоть бы и с нуля. Ты посмотри только...

– Тогда без меня, – не стала она доложивать. И отрезала: – Надоело, прости...

Страна рушилась. Семьи рушились. Совхозы. Всё. Только мечта жила. И нашлась для воплощения мечты соратница. Из Москвы, скрипачка. После развода вернулась к матери, в Кулотино. Люди подшучивали: ты – врач, она – скрипачка, кому еще, как не вам, фермерством заниматься? Зря шутили. Совпали они в чем-то главном. Видимо, в мечте. Летом в палатке жили, потом в машине, потом, когда хлев построили, – в хлеву, со скотиной, и только к зиме, когда Владимир Васильевич дом закончил, туда перебрались. А силы? Владимир Васильевич смеется: «Солнечный ветер стебанул».

Я в первое же утро обошел постройки бывшего хутора: хлев, сарай для техники, пилораму, сенник, баню, дом... Это все одним мужиком в два года было построено. Не шутка. На подъеме жили, все было по плечу. Тогда-то и возникла впервые

детская тема. Самим рожать поздновато, а без детей скучно. «Давай, – говорит новая жена Владимира Васильевича, – из детдома детей возьмем? Что они пропадают? Подыщут нам хороших, не обвыкших там еще...». Он знал: у нее своих до развода было пятеро, да муж отсущили. А детей в дом для умственно отсталых. А они нормальные...

– Ладно, поехали...

Заведение для умственно отсталых малышей – это даже не детдом. Плач, грязь, вонища, дети под себя ходят, все в зеленке, в гнойниках, ракитичные. Привели двоих – те

дил, за границу увез, у нее эмоциональный дефицит колossalный.

– Ладно, – говорит. Чего не сделаешь для любимого человека? Они поехали и вернулись с Андреем, Олей и Алиной.

Через год жена опять:

– Знаешь, – говорит, – я от кулотинских узнала, там два мальчика хороших пропадают, мать их прав ли-

плакать стали. Боятся. Не говорят...

– Я думаю: ну-у, мама дорогая, – рассказывает Владимир Васильевич. И я, слушая его, молча соглашаюсь: ясное дело, «мама дорогая»... Это ж не картошку посеять – урожай собрать. Это – на всю жизнь... Но Владимир Васильевич доканчивает по-своему: «Надо было, конечно, их оттуда вытаскивать...»

Так появились в доме Паша с Сережей – те самые «пацины», что приезжали на «узике» нас встречать. Отличные выросли ребята. А тогда только плакали и талдычили: «Коля, Коля» – видно, маминого сожителя вспоминали. Владимир Васильевич в доме двухъярусные кровати сделал, чтоб хоть немного свободного места осталось. А когда на следующий год

к пятерым малышам прибавилось еще двое (Сереги и Паши старшие брат и сестра, волей случая угодившие в детдом), Владимир Васильевич опять внял аргументам жены («их разъединять нельзя – ты понимаешь?»), но жить перешел в баню. Три года в бане прожил. Но дети-то растут, причем, что характерно, одновременно. Понял он, что без дома

– большого – не обойтись. Решил ссуду взять. Пока ходил по инстанциям, слух до областной администрации дошел. Его вызвали. Приехал.

– Тебе, – говорят, – государство должно этот дом построить. Слыхал, постановление вышло? А у тебя семеро – не шутка. Будем это дело продвигать...

Четыре года продвигали. Четырех подрядчиков сменили. Но все-таки построили: большой дом, трехэтажный. С отдельными комнатами для всех, с просторными холлами, кухней, столовой, с водопроводом и канализацией... Может быть, с этого дома все и началось: не захотела жена Владимира Васильевича, чтобы дети тут жили. Необъяснимо! Тот настоял. Ссоры пошли, ругань. Кто скажет, отчего умирает любовь?! «Мачеха» (с тех пор в памяти детей она так «мачехой» и осталась) стала бить детей. Жестоко. В кровь. Они

же взросльеть начали, у них желания стали появляться, суждения, всякие реакции сложные... Последовал разрыв. И так Владимир Васильевич Белый остался в большом, еще не обжитом как следует доме один с семьёй детьми. Мечта о счастливой любви рухнула. И о тихом рае лекаря-пчеловода – тоже. Какие тут пчелы...

– Знаете, – в своей обычной спокойной манере признается Владимир Васильевич, – был ведь момент, когда руки опустились. И я сижу, смотрю на них и думаю: «Ну что делать? Отдать их опять, что ли, в детский дом? Не я первый, не я последний»... И они на меня смотрят. И понимают, о чём я думаю.

– Значит, был все-таки момент решения?

Владимир Васильевич поднимает палец к потолку: «Решение принималось там».

Короче, Господь сказал: «Теперь ты сам будешь за них отвечать».

Дать шанс

Владимир Васильевич неверующий. Но волю «космического разума» (как он это определяет) принял безоговорочно. И уже десять лет

исполняет ее. Один. Первые годы еще предпринимал попытки найти себе помощницу, а может быть, и спутницу на остаток дней. Но после нескольких проб оставил это дело: сказано было сам – значит, сам. Ну а дальше представьте круг ежедневных забот при абсолютном минимуме средств. Постирать – приготовить ребята, подросши, быстро научились. На завтрак при нас была яичница, на обед – суп из свежей крапивы и картошка, на

ужин – картошка с тертым морковью и запахом бобов. А вот вытащить из диагноза Пашу и Серегу – это задача была отдельная. Это нам со стороны видно, что ребята – золото. Они еще хуторскую пору застали, умеют все: машину водить, лошадь запрягать, дрова заготовить, печную трубу прочистить, на тракторе поле вспахать... Когда их в школу брали, Владимир Васильевич «умственную отсталость» поднял до ЗПР («задержка психического развития»). Угово-

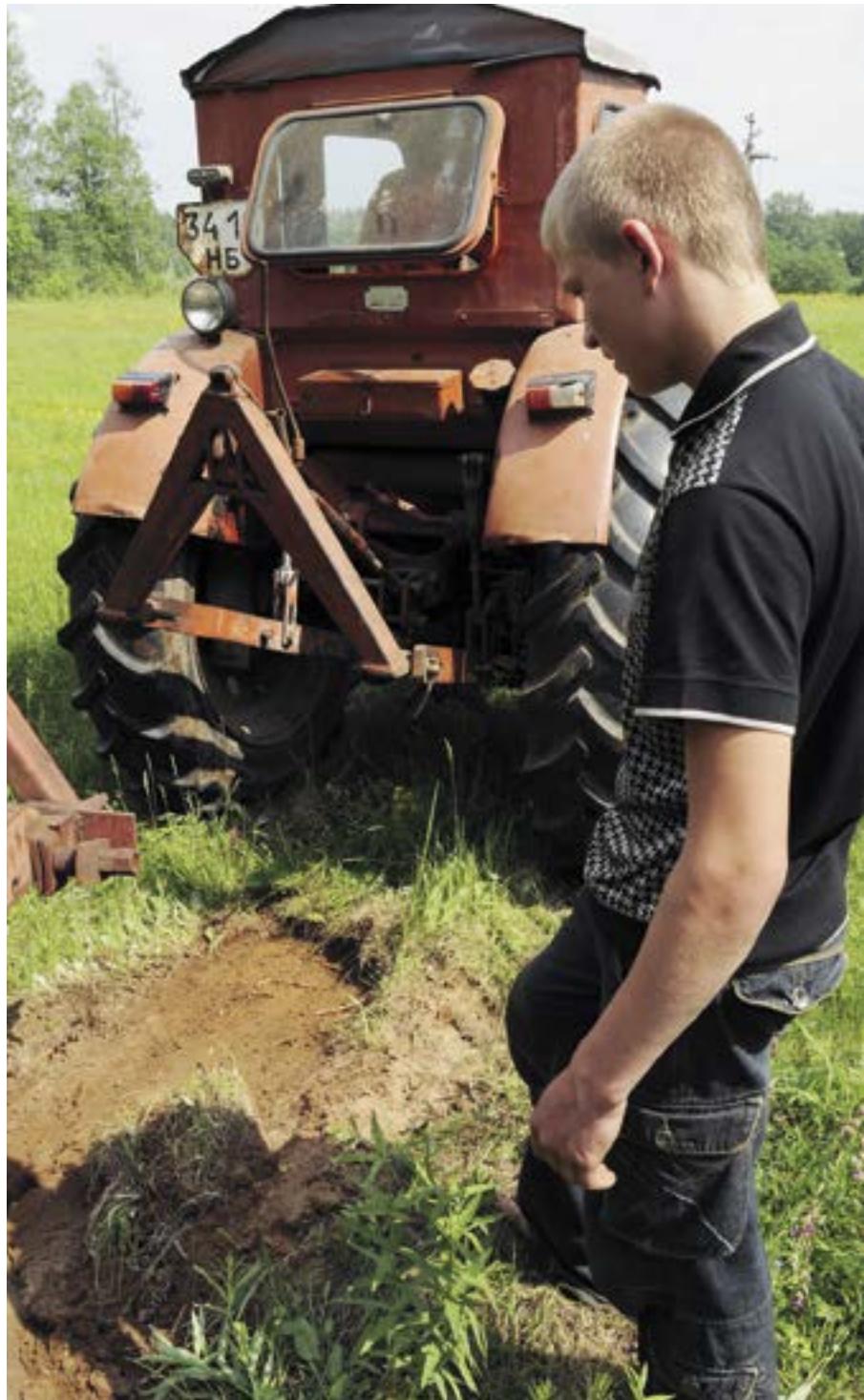

рили его копья не ломать и дать им спокойно проучиться по облегченной программе. Ну и вроде ничего. Но дальше-то в ПТУ на механизатора поступать. Паше первому. А там психиатр, старый пень, хвать его – диагноз! Спрашивает: «Сколько будет дважды два?» – «Четыре». – «Нет, не четыре...» – Анекдотичный вроде случай: «Таблицу умножения не знает, в ПТУ не годен». На целый год было дело. Владимир Васильевич понял: оставят диагноз – погибнут ребята, не выучатся, работы не найдут. Все силы положил и отбил их. Оба сейчас в этом ПТУ учатся, успевают отлично. Короче, пацанам своим папа помогал и словом, и делом: Толик в армии отслужил – он его в соседнюю воинскую часть водителем устроил, чтоб тот три года стажа откатал и шел дальше, на дальнобойщика, чтоб перспектива у каждого была...

А вот с девчонками беда. Особенно трудно пришлось с теми, кого Владимир Васильевич взял на место старших, уехавших в Питер: опустел дом, вот он и решил пополнить ряды. Пришлось считаться с собственным возрастом, маленьких не брать. А 14–15-летние – они уже

коренные детдомовцы, они «хутор» не проходили, у них убежденный взгляд на собственную жизнь как никому не нужную, и в связи с этим душевная глухота. К тому же они помнят своих родителей и все, часто ужасные, обстоятельства жизни, с ними связанные. И предательство своих родителей помнят. И благодарности они – не знают. Не научены. Взял Владимир Васильевич еще ребят: Татьяну, Диму, Катю, Настю, Андрея и сестру его, Екатерину, тоже. И скоро выяснилось, что послана Татьяна ему во испытание. Пришла в дом добровольно и сразу делать что-либо отказалась. На отрицании жила. В жизнь семьи входить не хотела. Училась – лучше всех. На лошади гарцевать – равных ей нет. Стихи пишет про любовь. И вот на этом диком замесе подняла мятеж: прихватив двух девчонок с собой, сбежала. Нашел их Владимир Васильевич в Котово, у алкоголички, торгающей китайским ширпотребом, в который беглянки тут же и обрядились, в компании двух сорокалетних кавалеров-уголовников. Двух девочек нашел, а Татьяна удрала. От уголовников насилиu отбился. Говорят: «Тебе чего от них надо, ты кто такой?» – «Я-то, – отвечает им Владимир Васильевич, – их приемный отец, а вы вот кто такие?» – «Мы, – говорят, – с ними из одного деръма вылезли, так что ты не очень...» – «Да нет, – по-военному строго отрезал Владимир Васильевич, – вы из деръма, ребята, не вылезали. Вы в нем сидите по уши. А вам, девчонки, нечего тут делать, пошли...» Те, почувствовав папину твердость, ушли за ним без скандала и тут же повинились, так что им, может, эта история во благо пошла, переосмыслили собственное положение. А Татьяна уперлась. Через несколько дней объявила: «Так и так, – говорит. – Надоела мне эта «нормальная» жизнь. Не хочу здесь». Сколько ни уговаривал ее Владимир Васильевич, стоит на своем: «Уйду». – «Куда уйдешь? В детский дом опять? Ты же знаешь, куда оттуда дорожка...» – «Зато погуляю». Тяжело было Владимиру Васильевичу все это рассказывать. С тех пор как «космический разум» его на де-

тей повернулся, он никого не «сдавал», до последнего бился. Но и принцип главный в воспитании был: никого ни к чему силой не принуждать. Кончилось тем, что он Татьяну спросил: «Так ты серьезно, что ли, возвращаться надумала?» – «Серьезно». – «Ну тогда давай, – говорит, – собирайся. Прямо сейчас. Собирай вещи – и поехали». И в детском доме все легче легкого

обернулось: отказаться от ребенка – всего-то бумажку написать. Тут она сообразила, что это все не игра, – и в слезы... Оставил Васильевич Татьяну в детском доме, а на душе покоя нет: все вспоминал, как она уходила от него туда. «Как в склеп», – уточняет он. То есть ощущение было такое, что он, опытный, взрослый, умный человек, с девчонкой не справился, не су-

мел убедить, достучаться до души, до разума, «сдал» ее, будто похоронил. Она потом звонила, умоляла взять ее обратно. Все ребята против были, и даже подружки ее. Но он им сказал: «Нельзя быть такими жестокими. Надо дать ей шанс». И привел обратно в дом. В таком положении мы ее и застали. Она забегала на кухню, где мы сидели, показно скандалила,

но в целом видно было, что на душе у нее не сладко, и толком непонятно, какую партию в этом спектакле она играет.

Летающий мальчик

Фотосессии Андрея проходили неизбежно успешно: всем нравилось не доить корову, поить молоком теленка, вынимать яйца из-под кур,

кормить гусей, пахать на тракторе, скакать на коне, купаться, прыгать с кувырком через голову. Тут чемпионом вышел одиннадцатилетний Димка, перекувырнувшись в воздухе раз одиннадцать по просьбе Андрея, которому все хотелось снять «летающего мальчика». И когда это удалось – Димка парит над землей в синем небе с распростертыми руками, – Андрей показал ему снимок на дисплее фотоаппарата. Тот был поражен до самой глубины души. Да и другие рассматривали то снимок, то Димку, будто прежде его не видели. Так что наш визит внес в жизнь семейной общины идиллическую ноту и, надеюсь, дал Владимиру Васильевичу лишние час-полтора отдыха.

Вечер. Много игр, крика, девчонки постарше прилипли к парням, ремонтирующим машину, а на кухне на электроплитке готовят ужин Катя

и Алина, трава у дома скошена, курам насыпано, черный бык водворен в стойло, все насущные дела, значит, переделаны. Я невольно вспомнил «Китеж» Дмитрия Морозова – удивительное поселение, где приемные семьи живут общиной: у них и школа своя, и учителя свои, и психологи, и дети свои с приемными перемешаны: там много молодых ребят, свежих сил, бурлящей энергии, там здоровый микросоциум, мир в миниатюре – то, что называется «развивающей средой»... А Владимир Васильевич – один во всех лицах: и отец, и учитель, и психолог, и лекарь... А «развивающая среда» для этих ребят – это вот, Котово, Кулотино, Окуловка. Деревни как деревни. Только там мир – он жестокий, без жалости. Зашла детдомовская корова на чужой огород – в нее из ружья саданули. В лошадь кинули топором. Ребят как только не

обзывают! На Васильича самого таких чертей вешали – по-деревенски, заполошно: мол, Белый опять детей набрал, все ему денег мало, он жадный, копейки не даст, все в швейцарский банк кладет... А пособие на каждого ребенка – 4,5 тыс. в месяц.

Если бы не хозяйство свое – нечем бы и кормить ребят было.

Достучаться

– Знаете, – говорит Владимир Васильевич, – у них возраст такой. Любви ищут. Хорошей и чистой. А под-

ворачивается, что обидно, Ванька какой-нибудь. У меня с Ольгой как было. Как только не уговаривал я ее! Говорю: Оля, что я тебе сделал? Ты скажи, если обидел, если ты на зло так себя ведешь. Мне больно, пойми, что не смог я ничего с тобой сделать, не смог тебя нормаль-

ты искренне, добровольно подставляешь плечо и протягиваешь руку. Сейчас старшие мои ребята уже на меня работают – они мне верят, и новенькие тоже этой верой заражаются.

– Знаете, – говорю, – Владимир Васильевич, у бывших алкоголиков и

нечно же, за стеной, у папы в комнате! Это, значит, каждый день девчонки приходят к нему – и о своем, о девичьем... И он с ними говорит! Я стал думать о том, какой объем любви должен быть влит в душу подрастающей женщины, чтобы потом она смогла верно любить, стать терпеливой матерью... Непредставимый, колоссальный объем! Такой, что и в благополучной семье, по временем века вброшенной в бесконечный круговорот «дел», его не так-то просто получить даже единственному ребенку... А тут – один на четверых, и отнюдь не благополучных, жестоко обделенных любовью... Я подумал, что не зря Владимир Васильевич всю жизнь был военным: во всяком случае, возникла аналогия с солдатом, который продолжает защищать разбитую снарядами позицию, несмотря ни на что. Даже зная, что он перед этим чудовищным напором не устоит и наверняка погибнет. В прямом смысле – наверняка. Ибо 72 года – не шутка. И все равно, пока у него остается день или час хотя бы, он все свои силы, всю свою любовь отдает детям. Он знает – они хорошие, просто их неправильно отформатировала жизнь, научила обидам, озлобленности, зашвырнула в такие судьбы, где все нереально, где все – наоборот. И ему, чтобы отпойти эти ростки недоли, нужно, не щадя, тратить себя, защищая территорию человечности.

Утром мы уехали. Провожали трое: Серега, Владимир Васильевич и Димка, который, со вчерашнего дня завороженный волшебными уменьшениями Андрея, увидался за ним хвостом. Напоследок он пальцем нарисовал на пыльном багажнике нашей машины крылья. Ощущение полета не покидало его. И прозвище – «летающий мальчик» – безусловно, лъстило. Глядя в его голубые глаза, как-то хотелось верить, что однажды, когда, может, и папы уже не будет, он взправду взлетит над всей этой вывернутой наизнанку жизнью и приземлится где-нибудь над пропастью во ржи, чтобы в свой черед спасать бегущих навстречу гибели несмысленых.

Бывает ведь. Взлетают. Ⓜ

но воспитать. Но ты дочка моя, и, если ты гулять будешь, ты мне просто боль причинишь – и все. Давай вместе решать, вместе думать, я же тебе ничего плохого не желаю и никогда не делал... И достучалась все-таки! Когда меня бык пободал – она ведь меня выхаживала. Хорошая девочка. Много нежности в ней, сочувствия... И с Танькой так же будет.

– Вы сами-то в это верите?

– Конечно верю. Не верил бы – ничего бы у меня с ребятами не вышло. Они каждого насквозь видят. И знают, что я не предам. А это главное для них. Потому что их предали, бросили. А некоторых еще и дважды: приняли в семью, поглядели – «не такой» – и обратно в детдом. Как игрушку. И что у них остается? Все люди сволочи и гады – только такое понятие. И пока ты их не переубедишь – они ведь не верят, что

наркоманов есть программа – «Двенадцать шагов», по которой их ведут, – от простого воздержания до божественных переживаний, очень высоких смыслов. Это методика, которой целые коллективы занимаются, клиники. А вы – один. И что вы можете?

– Знаешь, – наклонился вперед Владимир Васильевич, – мне бы их на одну ступеньку хотя бы поднять, вытащить из этой трясины, на твердое поставить. Двенадцать шагов этих мне все равно не одолеть. А вот один шаг вверх – хотелось бы. И получалось пока что...

В этот момент в дверь постучали:

– Папа, можно? – За дверью стояли две девочки.

– Минуту подождете? Я только договорю...

Мы быстро закончили интервью и улеглись спать. И вдруг я услышал... Какой-то лепет в темноте. Слева? Справа? За стеной? Ну, ко-

Михаил Быков

ПАВЛОНЫ, КОНСТАПУПЫ И ДРУГИЕ

Полковник Булюбаш собрал батальон юнкеров и спросил:

– А зачем вы пришли в училище?

Полетели ответы:

– Чтобы Родину защищать!

– Неверно!

– Чтобы не допустить германцев на нашу землю!

– Неверно!

Юнкера отвечали все медленнее и неувереннее.

А полковник знал твердит: «Неверно!»

Наконец повисла пауза. И тогда Булюбаш ответил сам:

– Вы пришли сюда затем, чтобы стать офицерами...

...«Хочу быть на всю жизнь воином-офицером»...

И где-нибудь, и как-нибудь

Вплоть до так называемой милитаристской военной реформы 1860-х годов четкой системы учебных заведений по подготовке командного состава в России не было. А было ассорти из различных школ и корпусов, готовивших и выпускавших офицеров по собственным методикам, зачастую весьма оригинальным.

Первыми регулярными офицерскими учебными заведениями можно считать бомбардирскую роту лейб-гвардии Преображенского полка с ее Школой Пушкарского приказа да учрежденную в 1701 году в Москве Школу математических и навигационных наук. Несколько позже, но еще при Петре Великом, открыла двери Академия морской гвардии, вобравшая в себя и Навигацкую школу. Задались Инженерная и Артиллерийская школы. Правда, последние хоть и готовили специалистов, но выпускались они в полки унтер-офицерами.

Собственно строевых офицеров до появления в Петербурге по предложению Павла Ягужинского Сухопутного кадетского корпуса либо «приобретали» за границей, либо «растили» в полках. К примеру, в лейб-гвардии Измайловском полку существовали две кадетские роты для подготовки дворянских детей к офицерскому патенту.

С первого года занятий штат корпуса был рассчитан на 360 кадет.

Принимали дворянских детей от 13 до 18 лет, причем знание грамоты было обязательным. По выходе из корпуса офицерский чин подпоручика получали не все, а только отличившиеся в науках и боевой подготовке.

При Екатерине Великой Сухопутный корпус вырос в два раза и к концу века выпустил в общей сложности свыше 3 тыс. офицеров. Модернизированные графом Шуваловым и объединенные Екатериной Инженерная и Артиллерийская школы превратились в Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус. Отсюда служить отправились 1600 офицеров.

Это, скажу так, парадная сторона. А вот изнанка выглядела ужасно. Указ императора Петра III «О вольности дворянства» спровоцировал появление огромного числа малолетних поручиков и юных полковников. Пользуясь льготами, дворяне записывали сыновей в полки чуть ли не с рождения, и к моменту обязательного появления недорослей на службе отроки приобретали весьма высокие чины. Так, впоследствии фельдмаршал Петр Александрович Румянцев зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк в 6 лет, а в 15 – он уже подпоручик. Будущие герои войны 1812 года Александр Тучков и Александр Кутайсов стали соответственно капитаном в 16 лет и полковником лейб-гвардии в 19 лет. Учиться военному ремеслу им пришлось на практике. Хорошо, если Бог давал талант и доблесть. А ведь попадались такие, кто армии больше вредил, чем помогал.

Император Павел I внес в военно-образовательный процесс принципиальные изменения. Фальшивое производство отменил. В офицеры производил только выпускников кадетских корпусов и унтер-офицеров дворянского происхождения, прослуживших не менее трех лет, а недворянского – не менее двенадцати. Открыл Пажеский корпус, Топографический и три кадетских. А также Военно-сиротский дом. Тот самый, что впоследствии преобразится в Павловское военное училище, которое в

1894 году в чине портупей-юнкера окончил Булюбаш.

Первое Павловское военное училище основано в 1863 году в Санкт-Петербурге. Название получило в честь Павла I. Дух сурового императора витал в стенах училища вплоть до его расформирования в 1917 году. Это отмечали все павлоны. Так на военном сленге называли юнкеров и выпускников Павловского пехотного. Именно здесь готовили лучших строевых офицеров русской армии. На последней русско-турецкой войне они в очередной раз доказали силу традиций училища. Выпуск 1877 года был целиком влит в состав 4-й стрелковой бригады, получившей вскоре название «Железной».

Свою традиционную выдержанку павлоны демонстрировали не только на

войне. Один из выпускников Пажеского корпуса вспоминал о непримиримом соперничестве двух учебных заведений, особенно разгоравшемся на летних маневрах в Красном Селе. «Павлоны, идя на стрельбище, должны были пересечь парадную линейку у нашего барака и пройти по дороге, отделяющей нас от лейб-гвардии Финляндского полка. Как только раздавался крик дневального «Павлоны несут!», мы были готовы к их встрече. Предшествуя и следуя за ними, мы «дезинфицировали» какой-то невероятно плохо пахнущей жидкостью дорогу их прохождения. Великолепно дисциплинированные и во всех отношениях блестящие павлоны, свято сохраняя неприкословенность своего строя, ничем не могли реагировать против наших выходок...» –

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

писал камер-паж и знаменщик 1913 года выпускка князь Барклай-де-Толли Веймарн.

Дети двенадцатого года

Наполеон Бонапарт кружил по Европе, и в России понимали, что столкновение с ним неизбежно. Военно-сиротский дом готовил 200 человек. Благородное училище в городе Шклове, созданное гусарским генерал-майором Зоричем на собственные деньги, воспитывало до 250 человек. После оно оказалось в Гродно, уже в качестве государственного заведения, потом – в Смоленске, Твери, Москве, где и осело окончательно, превратившись в Московский кадетский корпус. Работал, как уже говорилось, Пажеский корпус. В 1801 году от-

крылось Александровское училище в Туле на средства местного дворянства, в 1802-м – в Тамбове. Это были первые проекты программы, представленной шефом 1-го Кадетского корпуса графом Платоном Зубовым по обустройству офицерских школ в 17 губернских городах на деньги губернского дворянства. В 1805 году император Александр I распорядился реализовать другую программу – по разворачиванию в Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Смоленске, Твери, Тобольске и Ярославле 10 военных училищ. Программа получила философическое название «План военного воспитания».

Но офицеров все равно не хватало. В 1807 году дворянам разрешили обучаться на офицеров в полках

в унтер-офицерских чинах. Тремя годами позже при армиях открылись временные школы колонновожатых. Так назывались в то время штабные офицеры. В общей сложности к 1812 году армия насчитывала 17 тыс. офицеров.

В том же 1807 году осуществили и проект, названный «Дворянский полк». 14 марта вышел рескрипт, из которого следовало, что дворяне от 16 лет могут, минуя полки, являться в Санкт-Петербург для знакомства с навыками офицерской службы и последующего получения офицерского чина. В Дворянский полк принимали не только недорослей из имений, но и выпускников университетов и прочих гражданских вузов, а также студентов. Уже год спустя новое заведение выпустило 260 офицеров. Впоследствии штат Дворянского полка вырос до 2 тыс. в пехотных батальонах и 236 человек в кавалерийском эскадроне. За 25 лет существования он выпустил около 10 тыс. офицеров. А потом, не успев привыкнуть к новому положению в качестве Константиновского кадетского корпуса, в 1859 году был преобразован в Константиновское военное училище.

28 июля 2007 года в здании Санкт-Петербургского кадетского ракетно-артиллерийского корпуса на Московском проспекте состоялась встреча выпускников Ленинградского Высшего артиллерийского командного училища. Повод был пресеръезнейший: 200-летие создания Дворянского полка... Даром что выпускники ЛВАКУ носили на форме знаки различия, соответствовавшие советской символике, а юнкера-константиновцы гордились желтыми вензелями великого князя Константина на парадных эполетах. Да и у нынешнего

А.П. Брюллов.
Портрет
Н.Д. Черткова,
генерал-майора,
воронежского
помещика,
основателя
Михайловского
кадетского корпуса

Михайловский
кадетский корпус.
Воронеж

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Пажеский корпус.
Санкт-Петербург

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Алексей
Андреевич
Аракчеев

поколения офицеров рядом с орлами красных звезд хватает. Но важно другое – не забыли, не растеряли, не променяли ни на что... Потому как все перечисленные военно-учебные заведения родом из 1807 года, из рядов первого набора Дворянского полка. Резонно спросить, почему констапутам наследовали артиллеристы? Ведь даже шутливое прозвище юнкеров этого заведения расшифровывается как Константиновское пехотное училище. А все потому, что к концу XIX века выявился в империи дефицит артиллерийских офицеров, и в 1894 году училище перепрофилировали. Как раз в этот период юнкера-константиновцы – теперь уже артиллеристы – носили красные погоны с черной выпушкой. За что немедленно получили закономерное дополнение к констапутам. А именно: «похороны по пехоте». Сейчас у здания на Московском проспекте, 17 замерли монументами старинные орудия, подчеркивая характер будущей службы нынешних воспитанников. Остается только добавить, что Дворянский полк формировался 202 года назад в казармах 2-го кадетского корпуса. Да-да, кадетского! Все вернулось на круги своя...

Господа юнкера, кем вы были вчера?

После милютинских реформ ответ был прост: господа юнкера в боль-

шинстве были кадетами. А вот после войны 1812 года и до 60-х годов XIX века юнкерских учебных заведений не было, если не считать знаменитую Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и несколько школ при армейских и корпусных штабах. Юнкерами называли по большей части молодых дворян, записавшихся вольноопределяющимися в полки и ожидавших производства в результате практического обучения. Таким юнкером был лермонтовский Грушницкий из «Героя нашего времени», спрятавшийся под солдатской шинелью, чем так огорчил романтически настроенную княжну Мери.

В офицеры выходили прямо из стен кадетских корпусов. За дело принялись с размахом. И географическим, и финансовым. Корпуса возникли в Царском Селе и Финляндии, на Урале и в Оренбурге, Полтаве и Воронеже, Полоцке и Бресте, Киеве и... Москве. Да, не удивляйтесь, Москва по каким-то невнятным причинам оказалась на обочине внимания Главного управления военно-учебных заведений, и так продолжалось, собственно, до 1917 года. Достаточно сказать, что в Петербурге в разгар Первой мировой войны имелось 13 военных училищ, в Киеве – 4, а в Москве – всего 2. Столько же, сколько и в периферийной Одессе. Помимо кадет-

ских корпусов на государственный кошт открылись и общественные и частные заведения. Пример подали граф Аракчеев, учредивший Новгородский кадетский корпус своего имени, и отставной полковник Бахтин, организовавший аналогичную структуру в Орле. Постепенно громоздкая образовательная сеть обросла правилами и регламентами, что, безусловно, способствовало эффективной работе. Все корпуса разделили на две части. В первой – элитной – воспитанник после 8–9 лет обучения выходил офицером. Во второй учились пять лет, а потом переводились в специальные классы первой группы. При наличии достойных результатов, разумеется. В противном случае путь-дорога лежала в подразделения внутренней стражи. Как видим, и тогда кадровый подход был не в пользу МВД. В кадетский корпус принимали только дворянских и офицерских детей. Исключение составляли Сибирский и Оренбургский корпуса. В Финляндский корпус мог поступить только уроженец Великого княжества Финляндского. На поляков в отношении корпусов на территории Великого княжества Польского подобная льгота не распространялась. В корпусе изучали не только военные предметы, но и иностранные языки, Закон Божий, математику,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Москва.
Знаменка.
Александровское
военное училище

Праздник
спорта в Морском
кадетском корпусе.
Фехтование
гардемарин

историю, географию, физику, химию, юриспруденцию, статистику, черчение и, конечно, русский язык и литературу. Посему абсолютно неслучайен тот факт, что начиная со второй трети XIX века русского офицера в обществе всегда считали за человека просвещенного и неглупого. Лишним тому доказательством является то, что в середине века отселялись и попали в нижними чинами в армию и на службу во внутреннюю стражу менее 10% воспитанников. Это притом, что в среднем за десятилетие пополнение офицерами составляло более 5 тыс. человек.

Профильных специалистов готовили в гражданских заведениях — Царскосельском лицее, Институте инженеров путей сообщения, Горном и Лесном институтах. Отдельно император Александр I позаботился о гвардии. В 1823 году в Петербур-

ге возникла Школа гвардейских подпрапорщиков, спустя три года расширенная в результате прикомандирования к ней эскадрона юнкеров гвардейской кавалерии до 300 человек.

Именем одного из воспитанников этой школы назван проспект, на котором располагается комплекс зданий, принадлежавших наследовавшему ей Николаевскому кавалерийскому училищу. Во дворе главного корпуса находится бюст этого воспитанника, созданный скульптором Микешиным и установленный в 1916 году. В самом училище с 1883 года работал мемориальный музей, переехавший в Институт мировой литературы АН, более известный как Пушкинский Дом, в конце 1917 года. А вплоть до 1917 года в Николаевском кавалерийском училище одной из самых популярных команд

при строевых занятиях на парадном плацу была следующая: «От памятника корнету Лермонтову по линии в цепь бегом марш!» К слову, тут же — бюст Модеста Мусоргского, который также учился в школе, но на пехотного прапорщика, коим и выпустился в лейб-гвардии Преображенский полк.

Существует легенда, согласно которой на полу курительной комнаты в здании училища на Лермонтовском проспекте до наших дней сохранилась борозда, прочерченная самим Лермонтовым с помощью острой кавалерийской шпоры. «Лермонтовская борозда» — это граница, за которую доступ «зверям» (младшим воспитанникам. — Прим. авт.) был категорически запрещен.

Правда в том, что Михаил Юрьевич учился кавалерийскому делу в гусарском взводе школы довольно далеко от Измайловской слободы — рядом с Исаакиевским собором. В начале 30-х годов XIX века школа находилась на Мойке, у Синего моста, во дворце графа Ивана Чернышева. Там, где затем вырос дворец, подаренный императором Николаем I дочери, великой княгине Марии Николаевне, в связи с выходом ее замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Да-да, Марининский дворец, в котором сейчас заседает Законодательное собрание Санкт-Петербурга. Но все равно приятно, что легенды, связанные с именем великого поэта, живут теперь не только в книжных мемуарах, но и на самых современных сайтах и форумах.

Из приказа: «Его Императорское Величество в присутствии своем в Риге, ноября 22-го дня 1834 года соизволил отдать следующий приказ... по кавалерии: производится по экзамену из юнкеров в корнеты Кавалергардского Ее Величества полка Тизенгаузен 2-й в тот же полк и Мартынов в лейб-гвардии Кирасирский Его Высочества наследника... лейб-гвардии Гусарского полка: Лермонтов. Подписан: за отсутствием военного министра генерал-адъютант Адлерберг».

«Зверское» образование
Теперь об упомянутых «зверях». Так называемый цук, то есть неуставные отношения между старшими

и младшими курсами, процветали прежде всего в Николаевском кавалерийском и в Пажеском корпусе. «Звери» – это младшие. «Корнеты» – старшие. У каждого новичка при поступлении в Николаевское кавалерийское училище был выбор: принять традицию или жить строго по уставу. Уставных именовали «красными» юнкерами или «навозом», и отношения с ними строились сугубо официально. А остальным, коих оказывалось подавляющее большинство, первое время приходилось туго. Зато «навоз» получал сполна сразу после выпуска. В полках быстро узнавали о «красных принципах» новоиспеченного офицера, и дороги в хорошую часть ему не было.

Испытания остальным выпадали тяжкие. Тут и бесконечные приседания, и вскакивания во фрунт, и обязательность ответов на совершенно идиотские вопросы, задаваемые по поводу и без. «Корнеты» вели себя в юнкерах уже как офицеры, рожденные из «пены Дудергофского озера», около которого каждое лето разбивался Красносельский летний лагерь. А «звери» в лучшем случае могли рассчитывать на должность старшего трубача в полку, и не раньше, чем через 75 лет. Так трактовал ситуацию школьный фольклор. Но специальный «корнетский комитет» строго следил за тем, чтобы старшие никогда не переходили на личности, не унижали младших и уж тем более не смели их касаться. Рукоприкладство исключалось. Воспитанник Николаевского училища Марков писал по этому поводу: «Немыслимы были столкновения юнкеров меж собой с применением кулачной расправы или взаимных

оскорблений. В подобных случаях обе стороны подлежали немедленному отчислению независимо от обстоятельств, вызвавших столкновение». Учились не только «звери» и «корнеты», но и «майоры», и «полковники», и даже «генералы». К последним относились юнкера, просидевшие в школе пять лет. Однако «звания» присваивались сокурсниками вовсе не за равнодущие к наукам или систематические дисциплинарные проступки, а за личные качества. Двоечников и тушиц меж собой звали «калеками». Не жаловали и юнкеров, лишенных приличных манер. Страдающих чревоугодием отучали от греха с помощью «скрипки», то есть такого обильного обеда в полковой лавоч-

ке, когда после арбуза предлагалось отведать килечки, затем – винограда, следом – кефира. Юнкер-гурман заканчивал трапезу, как правило, «поездкой в Ригу», что в специальных пояснениях не нуждается.

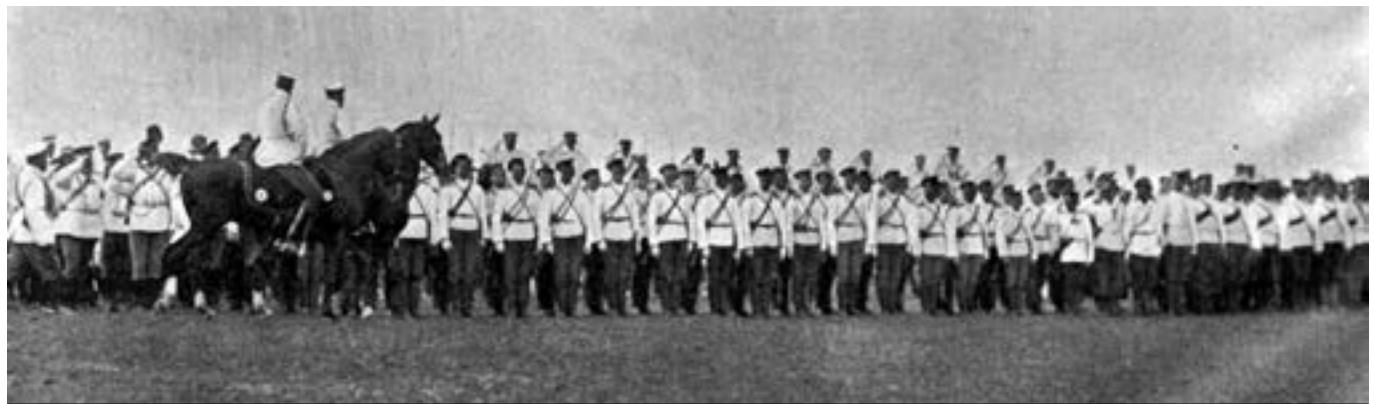
«Цук» николаевцев и пажей так и не был искоренен. Иногда эту тему поднимали на страницах газет, но толку так и не добились. Тем удивительнее, что в других военных училищах Российской империи такая практика почти отсутствовала. Антон Деникин, окончивший Киевское юнкерское, писал, что в крайнем случае новичкам-«козерогам» устраивали шуточные отпевания. Писатель-маринист Константин Станюкович сохранил в памяти детали стычки с другим воспитанником

Дмитрий
Алексеевич
Милютин
(1816–1912) –
генерал-адъютант,
военный министр
при Александре II.
Гравюра И.
Пожалостина.
1885 год.

Большие
маневры
под Пskовом.
Его Императорское
Величество
в последний
день маневров
поздравляет
юнкеров
с производством
в офицеры.
Август 1903 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

Морского корпуса в самом начале обучения и «бунты» гардемарин против проворовавшегося кухонного эконома, следствием чего было умывание последнего то ли кашей, то ли щами.

А училищ тем временем становилось все больше. Но куда важнее, что военное образование приобрело отчетливую системность.

В 60-е годы кадетские корпуса потеряли право прямого выпуска в офицеры и превратились в «среднюю школу». Роль «вышки» стали выполнять военные и юнкерские училища. Разница между ними была в том, что в военные училища принимали из кадет, а в юнкерские – из унтер-офицеров, выпускников гражданских гимназий и так

восемь училищ, а помимо того все семь существовавших академий и пять из семи специализированных высших офицерских школ, то распределение по военным округам выглядело логичным. Кроме привычных Москвы и Киева военному делу учили в Вильно, Елисаветграде, Иркутске, Казани, Новочеркасске, Одессе, Оренбурге, Ташкенте, Твери, Тифлисе и Чугуеве.

Если хотите проверить, кто перед вами – коренной петербуржец или такой же турист, как вы сами, спросите его, как пройти к Михайловскому замку, и добавьте, что в Инженерном замке вы только что были.

В годы своего недолгого царствования император Павел I был среди

Этому замку-дворцу император Павел отдал жизнь и в переносном, и в прямом смысле. Здесь он в роковой мартовский вечер под давлением графа Палена отдал приказ о снятии караула лейб-гвардии Конного полка, единственного, в составе которого не было офицеров-заговорщиков. Здесь и был убит спустя считанные часы.

В том же 1801 году, только полтора месяцами ранее, отметила столетний юбилей существования Школа Пушкарского приказа, та самая, где по прямому приказу Петра Алексеевича появился первый в России спецкласс военных инженеров. В 1712 году Петр писал: «...школу инженерную умножить, а именно учеников из русских, которые учены цифри, для сего учения посыпать... и держать всегда полное число 100 человек или 150...» Потом волею судеб, а чаще – монархов школа то хирела, то обединялась с другими учреждениями, но дожила до начала следующего века в составе Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса.

Война 1812 года показала, как трудно армии обходиться без должного числа офицеров-инженеров. Не спасал даже специально учрежденный для решения инженерных задач лейб-гвардии Саперный батальон. Саперы-понтонеры имелись, офицеров-специалистов не хватало. 24 ноября 1819 года, спустя 18 лет после кончины Павла, его сын Александр I повелел учредить Главное инженерное училище. Его разместили в пустующем Михайловском замке. И с того дня было велено замок именовать Инженерным. А училище со временем получило вензельное название – Николаевское. В нем преподавали великий фортификатор Тотлебен, великий физиолог Сеченов и учился великий писатель Достоевский. Только во время Первой мировой войны военно-инженерных училищ в России стало больше – ровно в два раза. В Киеве начало работу Алексеевское инженерное.

...И бал последний

В самом начале Северной войны в составе русской армии числилось 2078 офицеров. Весной 1914 года офицер-

Юнкера
Александровского
военного училища

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

называемых вольнoperов – вольноопределяющихся. Появилась и четкая специализация. К 1916 году в России насчитывалось 26 училищ: 13 пехотных, 3 кавалерийских, 4 артиллерийских, 2 инженерных, топографическое, 2 казачьих и универсальный, но жутко элитный Пажеский корпус. Географический охват тоже впечатлял. Если исключить подавляющее преимущество Петербурга, в котором работало

прочего озабочен строительством собственного дворца в Петербурге. Нажившись в ожидании трона в Гатчине и Павловске, он мечтал о доме на Марсовом поле. Была ли это идея фикс царя-эксцентрика или глубоко просчитанная мысль – кто теперь узнает? Но благодаря упорству Павла мы можем видеть сегодня строгий и прекрасный ансамбль Михайловского замка на стыке Мойки, Фонтанки и канала Грибоедова.

ские погоны в армии носили примерно 42 500 человек. Плюс флот, на котором вместе с механиками и военврачами служило 2750 офицеров. А дальше – была война... Но потребности в офицерских кадрах только увеличились. Причем в

старших поколений, чтобы согласно традиции многих полков русской армии перейти на ты. Зато юнкера, как никто другой, сохранили романтические представления о чести и присяге в дни трудного выбора в 1917 году. Приняли бой с новой вла-

стью. Владимирское пехотное училище в Петербурге и Александровское пехотное – в Москве, Константиновское пехотное – в Киеве и Одесское юнкерское, Новочеркасское казачье на Дону и Морской корпус в Петрограде. Разбирали учебные винтовки в арсеналах кадетских корпусов по всей России.

Во время Гражданской войны несколько училищ приступили к работе на территории, контролируемой Добровольческой армией. В частности, Киевское Константиновское и Московское Александровское. После завершения Гражданской войны некоторые военные училища возродились в эмиграции. Николаевское кавалерийское первые занятия провело еще в лагере Кутеповского корпуса в заброшенном турецком Галлиполи, а позже базировалось в Югославии. Болгария стала приютом для Алексеевского пехотного из Москвы, Сергиевского артиллерийского из Одессы, Николаевского инженерного из Петрограда и Николаевского артиллерийского из Киева. Морской кадетский корпус обосновался в тунисской Бизерте. Русское военное училище работало в Китае. А на внушительной базе императорских военных училищ в самой России начали быстро возникать курсы красных командиров. Победители нуждались в качественном офицерском составе. Нуждалась в офицерах и страна.

Казанский кремль живет сегодня полной жизнью. Среди прочих мест, популярных среди туристов, выставочный центр «Эрмитаж-Казань» (филиал Государственного Эрмитажа. – Прим. авт.), Национальная художественная галерея, Музей Великой Отечественной войны. Все это находится в массивном здании, реставрация которого шла 11 лет и завершилась в 2005 году. Здание, стоящее по пути от Спасской башни к Тайницкой, было построено в середине XIX века. В 1866 году здесь спровоцировано новоселье Казанское юнкерское училище.

Один из самых кровавых фрагментов боев за Петроград в октябре 1917 года связан вовсе не с Зимним дворцом, который был захвачен красными отрядами почти бес-

В.Н. Лавров.
Юнкер Школы
гвардейских
подпрапорщиков
и кавалерийских
юнкеров.
1854 год [там же
учился Лермонтов].
12 октября 1877 года
в чине генерала
смертельно ранен
в бою с турками

Юнкера
защищают
Кремль.
1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

разы. Печальные цифры: к моменту, когда Россия фактически выбыла из Первой мировой, в частях осталось не более 4% старого офицерского кадра. В то время как общая численность офицерского корпуса приблизилась к 200 тыс.

Пополнение шло благодаря краткосрочным курсам военного времени – школам прапорщиков. В течение войны была открыта 41 такая школа. 90 тыс. таких прапорщиков шли на фронт без особых изысков, свойственных при выпуске офицеров традиционным военным училищам в мирное время.

Не расписывались яркими красками стены и потолки бараков под Красным Селом, чтобы нести в будущее имена и фамилии только что произведенных корнетов. Не пили на брудершафт в офицерских сорниях в гарнизонах с офицерами

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кровно. Юнкера-инженеры никакого сопротивления не оказали. Кровь лилась при штурме Владимирского военного училища на Петроградской стороне. Рабочие отряды ворвались внутрь училища только после того, как подвергли его обстрелу из 3-дюймовых гаубиц. А когда ворвались, перекололи оставшихся в живых юнкеров уже после капитуляции. Погибло более 200 владимирцев. Примечательно, что в честь этого события около здания было установлено аж два памятника. Один из них совсем недавно отремонтировали. А вот здание ремонтировать не стали. Попросту снесли. И было ему всего-то сто лет. А казармы при царе-батюшке у нас строить умели. Впрочем, что уж говорить о доме какого-то Владимирского училища, если чуть ранее власти Петербурга дали разрешение на снос Преображенских казарм!

20 декабря 2007 года в крохотном украинском городке Чугуеве Харьковской области отпраздновали День георгиевских кавалеров. Повод был. В Чугуеве убеждены, что именно местное юнкерское училище, которому в этот день исполнилось аккурат 142 года, имело в своих рядах наибольшее число награжденных офицерским орденом Святого Георгия. Собрались, энтузиасты-реконструкторы продемонстрировали публике воинские ритуалы стоявшего когда-то в городке 11-го Уланского Чугуевского Ея Императорского Величества Марии Феодоровны полка и развесили на домах таблички с прежним названием улицы, по которой флантировали когда-то чугуевские юнкера.

...2 октября 1967 года в далеком североамериканском штате Виргиния скончался русский генерал Булюбаш. Он прожил 94 года. 12 из них служил в родном Павловском военном училище. Незадолго до смерти Евгений Георгиевич, возглавлявший «Общество выпускников Павловского военного училища», на правах старшего павлона обратился к современникам и по-томкам:

«Еще при поступлении в кадетский корпус я решил для себя – хочу быть на всю жизнь воином-офицером»...❶

Что сегодня находится в зданиях бывших военных училищ

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. МОСКВА	МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РФ
АЛЕКСЕЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. МОСКВА	ВОЕННЫЙ ОРКЕСТР ОБЩЕВОЙСКОВОЙ АКАДЕМИИ ВС РФ, РЕСТОРАН, ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ КЛУБ, САЛОН КРАСОТЫ И ПР.
АЛЕКСЕЕВСКОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ. КИЕВ	ЖИЛОЙ ДОМ
ВИЛЕНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. ВИЛЬНО	ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ВИЛЬНЮССКОЕ ВЫСШЕЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ ПВО
ВЛАДИМИРСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	ЗДАНИЕ СНЕСЕНО
ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	ВЫСШЕЕ КОМАНДНОЕ ВОЕННО- ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ
ЕЛИСАВЕТГРАДСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ	ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕТНАЯ АКАДЕМИЯ УКРАИНЫ, КИРОВОГРАД
ИРКУТСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	ИРКУТСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ АВИАЦИОННО- ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ
КАЗАНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ И МУЗЕИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ
КОНСТАНТИНОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ АРТИЛЛЕРИЙСКО-РАКЕТНЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС
КОНСТАНТИНОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. КИЕВ	КИЕВСКИЙ ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ
МИХАЙЛОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	ВОЕННЫЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИКОЛАЕВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ. КИЕВ	НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ ОБОРОНЫ УКРАИНЫ
НИКОЛАЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. КИЕВ	ЖИЛОЙ ДОМ
НИКОЛАЕВСКОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	ФИЛИАЛ РУССКОГО МУЗЕЯ – МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК
НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	ОФИСЫ БОЛЕЕ 40 РАЗЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ
НОВОЧЕРКАССКОЕ КАЗАЧЬЕ УЧИЛИЩЕ	ГОСТИНИЦА ДЛЯ ВОЕННЫХ, В/Ч
ОДЕССКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	ШТАБ 5-Й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ ВВС УКРАИНЫ
ОРЕНBURГСКОЕ КАЗАЧЬЕ УЧИЛИЩЕ	ФИЛИАЛ ВОЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ВОЙСКОВОЙ ПВО
ПАВЛОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. ПЕТЕРБУРГ	ВОЕННО-КОСМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМ. МОЖАЙСКОГО
ПАЖЕСКИЙ КОРПУС. ПЕТЕРБУРГ	С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ СУВОРОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ
СЕРГИЕВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ. ОДЕССА	ОДЕССКИЙ ИНСТИТУТ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК (ЗАКРЫТ УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ В 2007 ГОДУ). ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ, ТЕРРИТОРИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА
ТАШКЕНТСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	ТАШКЕНТСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБЩЕВОЙСКОВОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМ. ЛЕНИНА («ЛЕНИНСКОЕ»)
ТВЕРСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ	ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПВО
ТИФЛИССКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	ТВИЛИССКОЕ ВЫСШЕЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ЧУГУЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	ЗДАНИЕ ТРЕБУЕТ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА, ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ПОД ВРЕМЕННЫЕ ВЫСТАВКИ, В ПЛАНАХ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ОТКРЫТИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Примечание: в связи с военной спецификой большинства объектов справка может содержать неточности.

Анна Гамалова

ОКНО В ВЕЧНОСТЬ

Изображение – это только изображение. Но глаза иконы смотрят в душу глубже, чем живые человеческие, а любовь, нежность и печаль – самые настоящие. Владимирская икона Божьей Матери – открытое окно в историю, в вечность, в другое измерение.

ПО ПРЕДАНИЮ, ИКОНУ ЭТУ написал сам апостол Лука, взяв доску от стола, за которым некогда ели Христос, Богородица и праведный Иосиф. Рассказывают, что Мария, увидев икону, сказала: «Отныне ублажат Меня все роды. Благодать Рождшегося от Меня и Моя с этой иконой да будет».

Считается, что до 450 года икона находилась в Иерусалиме, а затем при императоре Феодосии ее перевезли в Константинополь. Там она провела еще полтысячелетия и только потом оказалась в поле зрения летописцев и позднейших историков. Искусствоведы считают, что на самом деле икона была написана не в апостольские времена в Иудее, а целым тысячелетием позже в Константинополе, во времена так называемого комнинаского возрождения, охватывающего половину XI и большую часть XII века. Некоторые православные источники называют икону списком с той, что была написана апостолом.

Чего хочет икона

Историки предполагают, что в 1131 году эта икона, относящаяся к иконографическому типу «Елеуса» («Умиление»), попала из Константинополя, где хранилась во Влахернском монастыре, в Киев вместе с другой известной иконой – Пироговой. Иконы были присланы в дар киевскому князю Мстиславу. Часто пишут, что константинопольский патриарх Лука Хризоверх подарил будущую Владимирскую Юрию Долгорукому, князю Ростово-Суздальскому, но тот начал княжить в Киеве куда позже – в 1154 году. Находилась икона на первых порах не в самом Киеве, а под ним, в Вышгороде, где княжил сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский.

С его именем и связано первое упоминание иконы в русских летописях – в 1155 году.

Историк Костомаров пишет: «Была в Вышгороде в женском монастыре икона Св. Богородицы, привезенная из Цареграда, писанная, как гласит предание, Св. евангелистом Лукою. Рассказывали о ней чудеса, говорили, между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, показывая как будто вид, что желает уйти в другое место. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумал похитить ее, перенести в сузальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что над этой землею почтят особое благословение Божие. Подговоривши священника женского монастыря Николая и диакона Нестора, Андрей ночью унес чудотворную икону из монастыря и вместе с княгинею и соумышленниками тотчас после того убежал в сузальскую землю».

Другая версия тех же событий такова: князь давно вынашивал план основать в сузальских землях новые, независимые от Киева владения, и чудо, когда икона повисла в воздухе посреди храма, воспринял как одобрение его замыслов (которые отец его, кстати, не одобрял). По дороге на север князь служил перед иконой молебны. Во Владимире случилось новое чудо: лошади встали и отказались идти дальше; лошадей заменили, но и новые никаку не пошли. Князь счел, что Богоматерь желает, чтобы Ее образ остался во Владимире.

Остался в маленьком городе на Клязьме и сам князь, перенеся в него столицу Ростово-Суздальского княжества. В 1158 году он велел

строить для иконы собор Успения Божьей Матери, и уже через два года новый храм был освящен. По сообщению летописца, «создана бысть церквь святая Богородица в Владимире благоверным и боголюбным князем Андреем, и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгим каменьем бе-щисла и сосуды церковными и верх ея позлати по вере же его, и по тщанию его к святыи Богородице, приведе ему Бог из всех земель все мастера и украси ю паче инех церквии».

Икону, которую с тех пор зовут Владимирской, поместили в соборе в великолепном окладе, на который, по преданию, князь потратил больше 30 гривен золота (около 12 кг), а помимо того серебро, драгоценные камни и жемчуг.

Уже через три года Владимирская впервые покинула стены собора: Андрей Боголюбский взял ее с собой в поход против волжских болгар и молился перед нею Богородице в ожидании решающей битвы, в которой его войско победило. Когда в 1175 году начался мятеж и князя убили, священник Николай совершил крестный ход с иконой по владимирским улицам, и мятеж утих.

13 апреля 1185 года пожар уничтожил все роскошное убранство Успенского собора, но икона, свидетельствует летописец, осталась невредимой. Слава иконы, а с нею и всего города, росла и укреплялась.

Постояли и разошлись

Затем началась многовековая история борьбы с татарами. В 1230-х годах Владимир был разорен, жители перебиты, Успенский собор разграблен. С иконой ободрали ризу, но сама она уцелела.

В 1395 году на Москву шел Тамерлан. Московский великий князь Василий Дмитриевич просил митрополита Московского Киприана призвать паству к покаянию и молитвам о помиловании, молился и сам, собирая войско и отправляясь в поход. Во Владимир за чудотворной иконой послали священников. Перед Владимирской иконой Божьей Матери отслужили литургию и молебен – и понесли ее в

Москву крестным ходом. Люди по сторонам дороги стояли на коленях и молились о спасении своей страны. А москвичи вышли иконе навстречу на Кучково поле.

Легенда гласит, что Тамерлан в это время спал и увидел во сне гору, с которой к нему спустились святители с золотыми жезлами. Между ними в золотом сиянии женщина, которая велела ему уходить с Руси, – а за нею неслись сонмы ангелов с огненными мечами. Тамерлан вскочил в ужасе и спрашивал приближенных, что это значит. Ему объяснили, что это Божья Матерь, защитница христиан. Тогда он решил, что христиан ему не одолеть, и приказал войскам повернуть обратно.

Полки Тамерлана в самом деле не пошли на Москву от взятого уже Ельца, а вернулись назад. Москвичи восприняли чудесное избавление от завоевателя как знак заступничества Богородицы. На месте встречи иконы основали Сретенский монастырь; улица и сейчас называется Сретенкой.

И когда в 1451 году на Москву пошел ногайский царевич Мазовша, москвичи, естественно, взмолились Богородице, прося о заступничестве. Мазовша переправился через Оку, жег подмосковные посады и собирался штурмовать город. Жители его готовились к обороне. Но однажды утром увидели, что Москву больше никто не осаждает: татары ночью ушли. Как говорит летопись, они услышали великий шум и подумали, что на них несется с огромным войском московский князь, – и поспешили убраться восвояси, хотя малое войско князя Василия II стояло от них далеко. Князь плакал у Владимирской иконы и благодарил Богородицу.

Новое нашествие на Москву случилось в 1480 году: ордынский хан Ахмет, которому московский князь Иван III отказался платить дань, пришел ее требовать. Войска москвичей и ордынцев целый месяц стояли друг против друга на реке Угре; москвичи наконец отошли, чтобы занять выгодную позицию на случай, если ордынцы перейдут реку. Те, однако, двинуться через реку не решились, отступили и ушли. Так внезапно и мирно разре-

шилось месячное противостояние обеих сторон.

Похожая история случилась в 1521 году с войском крымского хана Махмет-Гирея, который тоже уже начал жечь московские предместья, но был испуган видением огромного войска и обратился в бегство. С тех пор в русском православном календаре сохранились три праздника, посвященных Владимирской иконе Божьей Матери: 21 мая (3 июня) – в честь избавления от Махмет-Гирея; 23 июня (6 июля) – в честь избавления от Ахмета; 26 августа (8 сентября) – в честь сретения иконы в Москве и избавления от Тамерлана. Стихиры (песнопения) к последнему празднику писал лично Иван Грозный: он еще 11-летним мальчиком молился у Владимирской, прося спасения от крымского хана

Сталина эту икону осенью 1941 года возвели в самолете над Москвой. Каждый случай, когда икона покидала стены, где она находится, – особый. Среди многочисленных историй о Владимирской – чудесное избавление кремлевского Успенского собора от пожара в 1547 году. Тогда, говорят, икону пытались спасти, вынести из собора, но она будто не желала покидать его. Летописец сообщает: «Сама Богоматерь соблюдала не только Свой образ, но и церковь и весь мир, покрывая и защищая его»; он упоминает, что люди видели Богородицу в небе над собором: она молилась и осеняла храм. Пожар утих сам собою.

В 1812 году икону вывезли из Москвы во Владимир, затем в Муром, спасая от наполеоновского нашествия. 26 августа, в день ее празд-

**Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!**

Саип-Гирея в 1541 году, а в 1552-м – благословения перед казанским походом.

Примечателен, пожалуй, особый почерк этих чудес: бескровное и милосердное разрешение безнадежного военного конфликта: постояли-постояли враги... постояли-постояли... и пошли себе восвояси.

Особый случай

«Здесь в Успенском –
в сердце стен Кремлевых,
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...»

Максимилиан Волошин.

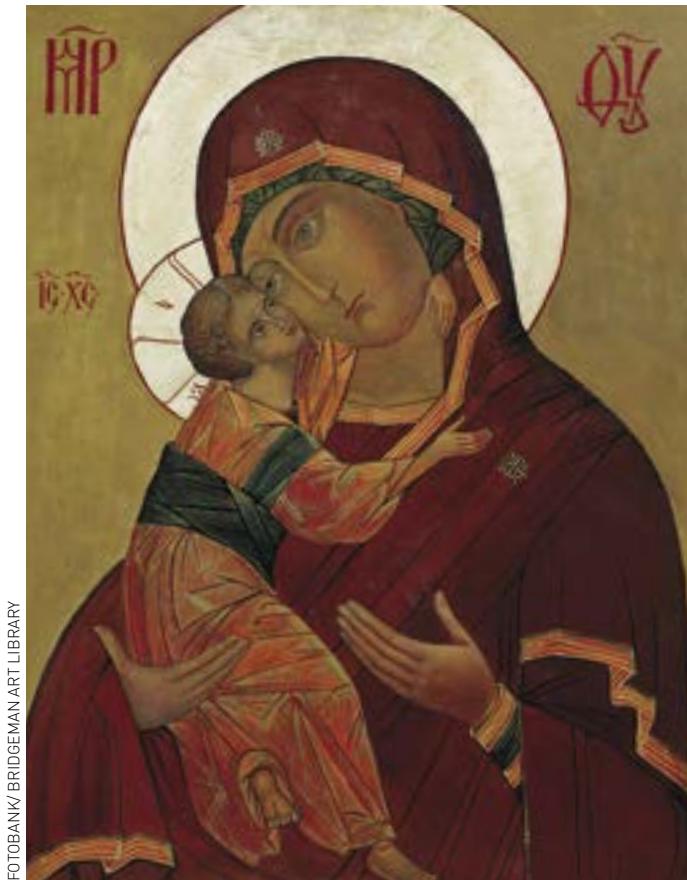
«Владимирская Богоматерь»

Перед Владимирской иконой избрали митрополитов и возводили на трон патриархов. Перед ней молились при национальных бедствиях – ходят легенды и о том, что по приказу

нования, русские войска победили французов при Бородине. А вскоре и Владимирская вернулась обратно в Успенский собор.

За несколько столетий, проведенных иконой в Успенском соборе Кремля, ее несколько раз доставали для реставрации, которая, впрочем, никогда не затрагивала ликов. Несколько раз сменили драгоценную ризу; в итоге не закрытыми ризой оставались только лица и руки Богоматери и Младенца; саму икону поместили в глубокий киот со створками, которые открывали только по большим праздникам. Наконец, место иконы в киоте занял ее список, который и сейчас находится на этом месте, а саму Владимирскую перенесли в алтарь, откуда выносили лишь по важнейшим случаям вроде коронации императора.

После Октябрьской революции икону из Успенского собора изъяли. В 1919 году ее отреставрировали под руководством художника Игоря Грабаря. Несколько лет она провела в му-

FOTOBANK/BRIDGEMAN ART LIBRARY

зейных запасниках – Исторического музея, затем Третьяковской галереи; только в конце 1930-х годов икона попала в экспозицию Третьяковки. А ризу отправили в Оружейную палату, где она находится и сегодня.

Новый особый случай, требующий присутствия Владимирской иконы, наступил осенью 1993 года: страна стояла на грани гражданской войны, Белый дом горел, в Москве шла перестрелка и гибли люди. Патриарх Алексий II попросил руководство Третьяковской галереи ненадолго предоставить икону верующим для молитвы. Владимирскую икону на несколько часов привезли в кафедральный Богоявленский собор, где перед ней молился и патриарх, и паства. Алексий II позднее говорил, что именно общие молитвы удержали тогда Россию от войны.

Православная церковь много раз просила государство вернуть Владимирскую икону в Успенский собор; музейщики, опасаясь за сохранность национального достояния, категорически возражают. Пока решение достигнутое компромиссное: иконе можно поклониться в храме Николы в Толмачах, который входит в комплекс Третьяковской галереи.

От глада и труса

Это очень мирная икона, тихая и нежная: с детской рукой, обнимаю-

щей материнскую шею, с трогательной «пяточкой» – отличительным признаком Владимирского образа. С печальными огромными глазами, которые все понимают, все знают и сострадают. Недаром на обороте нежной и мирной иконы изображены орудия страстей Христовых: крест для распятия и копье, которым тычут под ребра и пронзают насквозь.

И обращенные к Богородице слова молитвы «о еже избавитися нам от всякого зла, и сохранитися всякому граду и веси и всей стране нашей от глада, губительства, труса, потопа, огня и меча, нашествия иноплеменных и междуусобных бран» – это рыдания и вопли измученных, истерзанных людей в большой беде: «К кому убо прибегнем, аще не к Тебе, Владычице? Кому принесем слезы и вздохания, аще не к Тебе, Пресвятая Богородице? Не имамы бо иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Небесная Царице, – умилосердись, помилуй, ходатайствуй, заступись перед Христом».

И Она заступается. И чудеса у Богородицы такие же тихие: конфликты гаснут, пожары стихают, войска расходятся без перестрелки.

И беда уходит, а остается тишина и покой и детская щека – к материнской. ☩

«К кому убо прибегнем, аще не к Тебе, Владычице?»

В православной иконописи существуют следующие основные типы изображений Богородицы:

«Елеуса» – «Умиление»: Богородица с сидящим на ее руке Младенцем Христом, который нежно прижимается щекой к ее щеке. Любовь Матери и Сына безгранична. В греческой иконографии этот тип также назывался «гликофилуса» – «Сладко лобзаящая» или «Сладкое лобзанье». К типу «Елеуса» относятся, например, Владимирская, Донская, Гребневская, Ярославская, Почаевская иконы Богородицы.

«Оранта» – «Молящаяся»: Богородица изображается с поднятыми и раскинутыми в стороны руками ладонями наружу, что означает заступническую молитву. Христос обычно изображается в медальоне на уровне груди Богородицы. Тип «Оранта» – это, например, иконы «Неуиваемая чаша», Ярославская Оранта, Новгородское «Знамение» и т.д.

«Одигитрия» – «Указующая путь», «Путеводительница»: Младенец сидит на руках у Богородицы, правой рукой Он благословляет, а в левой – держит либо свиток, либо книгу. Богородица указывает на Младенца. В отличие от близкого типа «Елеуса» в «Одигитрии» центр композиции – Христос. К типу «Одигитрия» относятся такие почитаемые в России иконы, как, например, Тихвинская, Смоленская, Казанская, Иверская, Троеручица, Споручница грешных и т.д.

«Агиосоритисса» – по названию часовни при Халкопратийском храме Богородицы в Константинополе. Изображение Богородицы без Младенца. Как правило, Богородица изображается в три четверти с руками в молитвенном жесте. Иконографически «Агиосоритисса» восходит к дейсусной композиции, на которой обычно Богородица обращается к Иисусу Христу с мольбой за род человеческий. Поэтому еще одно наименование такого типа – «Заступница». К типу «Агиосоритисса» относятся, например, Боголюбская икона Божьей Матери, тверская дейсусная икона Богородицы и т.д.

НАСЛЕДИЕ | РУССКИЕ БОРЗЫЕ

Евгений Резепов, фото Антона Беркасова

КНЯЗЕВА ОХОТА

Русская псовая охота издавна считалась одним из самых удивительных зрелищ. А какая псовая охота без русской борзой?

РУССКИХ БОРЗЫХ ДАРИЛИ ИНОСТРАННЫМ ПОСЛАМ, награждали ими за усердную службу, называли на целые деревни, подносили в виде подарка. Неслучайно поговорка «взятка борзыми щенками» популярна до сих пор. Покидая страну после революции, многие аристократы вместе с фамильными драгоценностями увозили и русских борзых...

Жену отдашь, а борзую – нет

Ни отец, ни дед Лени Князева ни к аристократам, ни к охоте отношения не имели. Иногда дед, ветеран войны, рассказывал внукам, как прежде в их чувашском селе Лащ-Таяба богатые люди охотились с борзыми на зайцев. А случалось, и волка брали...

Однажды пятилетний Леня вышел на крыльцо и увидел охотника, за спиной которого болтался большой заяц. Охотник, не торопясь, шел по деревенской улице, а его с лаем преследовала стая местных собак. Ружья у охотника не было. Но не это удивило Леня. Он не отрывал взгляда от высокой красивой собаки со стройными ногами, которая не давала приблизиться к своему хозяину деревенским бобикам. Шерсть на ней переливалась, как шелк. Спина была выгнута. Не оглядываясь по сторонам, она только рычала, но и этого было достаточно, чтобы дворняжки рассыпались в стороны, уступая ей дорогу словно особе королевских кровей. Именно такой она и осталась в памяти Лени. Вместе с ним этой сценой любовалась и сосед, вышедший почистить крыльце от снега. Когда охотник и необычная собака скрылись из виду, он сказал с завистью: «С такой борзой голодным не останешься!» Вернулся Ленька домой с таким чувством, будто повстречал иностранца.

«Псовая охота с русскими борзыми может быть удовольствием для людей достаточных и благовоспитанных». Эти слова князя Петра Мачеварианова применимы к Леониду Князеву

затравленных зайцев. Любителям русской псовой охоты требуется выносливость, физическая сила, способность переносить дождь, снег и стужу. Всего этого у Леньки было в избытке. Немало он помогался с учителем физкультуры по оврагам и балкам в полях, прежде чем научился тонкостям и уловкам псовой охоты.

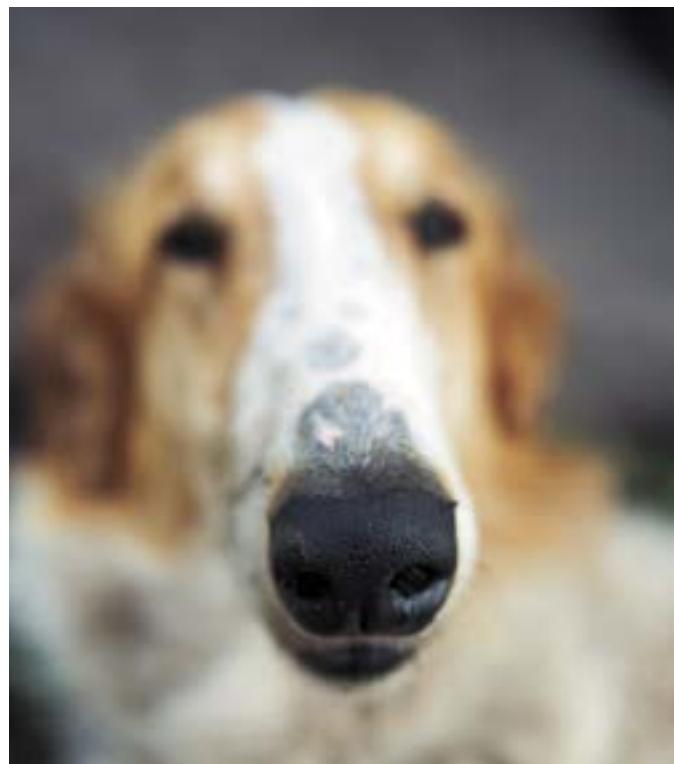
Когда наставник Леньки не мог выпросить для охоты чужих борзых и уводил их со двора без спроса, сила молодого ученика была для него верной подмогой, так как с похитителямиправлялись жестоко. И хотя юному помощнику не нравились проделки его учителя, он молчал, так как уже успел влюбиться в этих красивых собак и не представлял жизни без возможности любоваться их стремительным бегом, изящными мордочками и умными глазами.

Отец Лени, который трудился шорником на колхозной конюшне, не одобрял увлечения сына. Время, что Ленька тратил на уход за борзыми, считал потраченным зря. Первую борзую, которую сын принес домой, глава семейства не жаловал, называл «горбатой», при случае пинал и презирал за аристократи-

«В XVIII веке каждый самостоятельный помещик, подмосковных губерний в особенности, вменял себе в обязанность держать борзых сотнями».

Л.П. Сабанеев

Французские знатоки в XIX веке писали: «Из всех пород собак самая прекрасная – русская псовая борзая. Фигура могучая, поза гордая!»

Катастрофой для русской псовой охоты стала отмена крепостного права. Свободные крестьяне не хотели работать на помещичьих псарнях. Сейчас для желающих поработать в государственном питомнике русской борзой в Лаш-Таябе, в Чувашии, устраивается конкурс

ческую выдержку и благородную неспособность облавивать чужих людей, входивших во двор. На отношение отца не повлияло и то, что борзую его сын взял у колхозного бригадира, пользовавшегося у родителей большим уважением. Спор кончился категорическим требованием расстаться с борзой. Леня требованию подчинился, но с мечтой

иметь русских борзых не расстался. Еще больше в этом чувстве его укрепила очередная охота с учителем осенью в отъезжем поле.

Там впервые на его глазах борзая охотника из другого села затравила крупную лисицу. Учитель Леня побежал к владельцу удивительной собаки, долго разглядывал лисицу, еще дольше награждал борзую лестными эпитетами, выказывая ее хозяину восхищение, и стал просить продать ее за большие деньги. Расценив молчание владельца как желание поторговаться, он все увеличивал цену. Но тот в конце концов прервал его словами: «Жену отдам, а борзых – нет».

Леонид запомнил этот ответ на всю жизнь. Видел он потом жену этого охотника. Красивая молодая женщина с модной стрижкой и ухоженными руками – редкость для сельских жительниц того времени. Обратил на нее внимание Леонид во время визита к владельцу борзых домой. Еще тогда в поле охотник пообещал продать юному любителю щенков борзых. Обещания он, конечно, не сдержал. Борзых подарил районному начальству. Но, глядя на расстроенное лицо гостя, посоветовал обратиться к другому любителю борзых, и тот, по рекомендации, наделил Леню щенком. С ним вышла такая же история, как и с первым. Разгне-

После революции борзых, как «пережиток прошлого», безжалостно расстреливали на помещичьих псарнях

ванный отец требовал убрать собаку. Так что Леониду снова пришлось пристраивать борзую к соседям. Отец, кстати, до конца жизни негодовал из-за увлечения сына, сулил неприятности и ставил в пример старшую сестру, которая окончила школу с золотой медалью. Даже когда шорник понял, что сын решил с борзыми связать свою жизнь, превратить увлечение в профессию, все равно, приходя к Леониду в гости и сидя на крыльце с папирской, брюзжал: «Борзые – барское занятие. А у тебя отец кто?» – «Зато фамилия княжеская!» – отшучивался Леонид. К этому времени он уже жил отдельным домом, имел семью, за спиной была служба в морфлоте, заочная учеба в московском вузе на охотоведа и свора лучших борзых в Чувашии. Собак он покупал в Москве, куда ездил сдавать сессии. Русскую борзую ценили, стоила она много. Часто нехватку денег при покупке Леонид возмещал шкурками бобров, лисиц, куниц, добытых в родных лесах. В этом ему помогали земляки, которые хотели, чтобы в их селе были лучшие борзые. В отсутствие Леонида они присматривали за его собаками, так как жена Князева разделяла мнение его отца. Правда, свое отношение столь категорично не высказывала. Ведь из пойманных борзыми зайцев Князев сшил трем маленьkim дочкам шикарные шубки.

«Равняшка» и «сворки»

Возрождением традиций русской псовой охоты в своем родном селе Лаш-Таяба Леонид Князев занялся с 1997 года. Располагали к этому не только энергия и преданность делу молодого энтузиаста, но и исторические обстоятельства. Ведь Чувашия была, наверное, одним из тех редких мест в стране, где уцелевшую породу русских борзых все еще использовали на охоте, в то время как в той же Москве русскую борзую расценивали, скорее, как декоративную собаку.

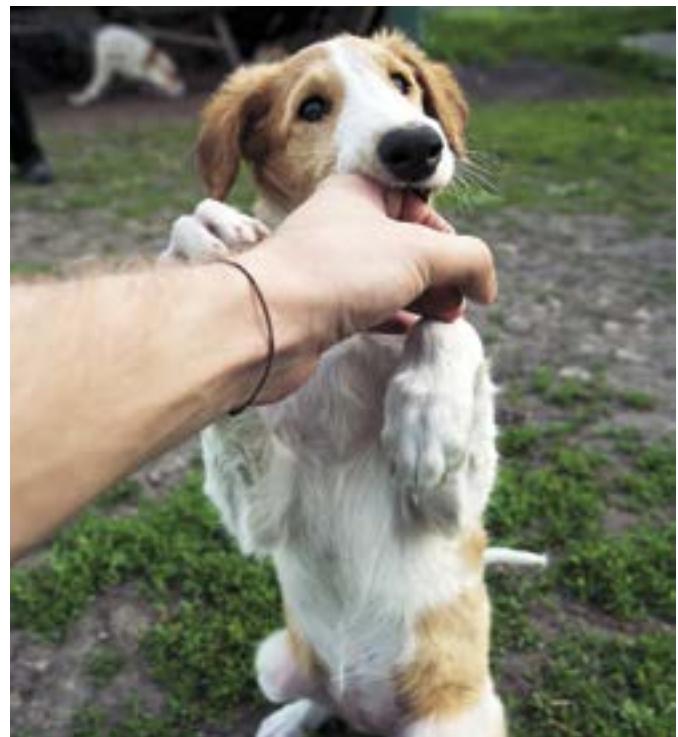
До революции на чувашских землях жил знаменитый князь Петр Мачеварианов, известный в России тем, что держал огромное количество борзых. В конце жизни он написал

От борзятников перешло в нашу речь слово «однокашники». Так назывались борзые одного года рождения, то есть выращенные на каше, которую ели из одного корыта

книгу о русской борзой – «Записки псового охотника Симбирской губернии». Князь считался одним из самых больших авторитетов в разведении борзых и псовой охоте.

После революции борзых, как «пережиток прошлого», расстреливали на помещичьих псаарнях. Тогда была разгромлена знаменитая псаарня в Першино в Тульской губернии, где держал псовую охоту великий князь Николай Николаевич Романов. Эта же участь постигла и псаарни чувашского князя. Но часть борзых была вывезена за границу эмигрантами, а часть – расхищена и скрыта жителями чувашских селений, которые продолжали охотиться с помощью благородных собак. Стоили борзые больших денег, от властей их скрывали. В голодные годы они спасали не только своих хозяев, но и их соседей от пустого супа с пшеном на воде. Именно та-

«Борзые пользуются таким почетом и ласкою господина, едят с одной с ним тарелки, спят на мягких диванах».
Е.Э. Дриянский. «Записки мелкотравчатого»

смотреть на эту орду собрались чуть ли не все жители Лаш-Таябы. Зрелищем остались довольны.

На следующий год народу собралось больше. А через два года в затерянную среди полей Лаш-Таябу приехали любители русской псовой охоты не только из Москвы, но и из Италии и Америки. Гостей Леонид размещал по соседям. Колхоз за отдельную плату выделил охотникам лошадей.

«Чтобы охота, эта забава, которая сближает нас с природой, приучает нас к терпению, а иногда и к хладнокровию... долго бы еще процветала в нашей родине!»
И.С. Тургенев

Потом лошадей стали «сдавать внаем» и частные владельцы. Но внешний вид охотников все равно не дотягивал до аналогов с картинок из книг. Правда, у Леонида появился старинный охотничий рожок, которым он давал начало охоте. Уезжали из Лаш-Таябы охотники с намерением обязательно сюда вернуться с новыми любителями. И скоро на псовую охоту в Лаш-Таябу свозилось уже до 150–200 собак – лучшие представители породы из Омска, Нижнего Новгорода, Воронежа, Иванова, Волгограда... Приезжавших полюбоваться на старинную русскую забаву иностранцев восхищали добытые без единого выстрела зайцы и лисицы. Московский журналист Вячеслав Федоров, первым описавший русскую псовую охоту под руководством Князева в Чувашии, не скupился на восторженные слова: «Равняшка» – цепь борзятников – за-

мерла в ожидании послепривального сигнала. Егеря Леонид Князев поднял медный рог. Звук получился простуженный, с хрипотцой.
– Вперед! Пошли! Пошли! Равнение! Борзых держат на «сворках» – длинных тонких веревочках, пропущенных в кольца собачьих ошейников. Стоит выпустить один конец веревки из рук – и собаки свободны. Правила охоты таковы: свору спускает тот, перед кем выскочит заяц. Борзые должны видеть добычу, запах они не улавливают. Заяц лежит в бороздах плотно и выскакивает прямо из-под ног. Реакция охотника должна быть мгновенной. Промедли чуток – и заяц наберет скорость. Он потянет свору к кустам, а там собаки беспомощны.

– Заяц! Ату! Ату! Серый комочек выстрелил из-под ног и сразу же бросился к заросшему ивняком овражку. Рывок борзых

стремителен, они словно полетели над землей бело-рыжими стрелами. Все замерли: достанут ли?

– Оп! Оп! Оп! – Кто-то не утерпел и стал подбадривать борзых.

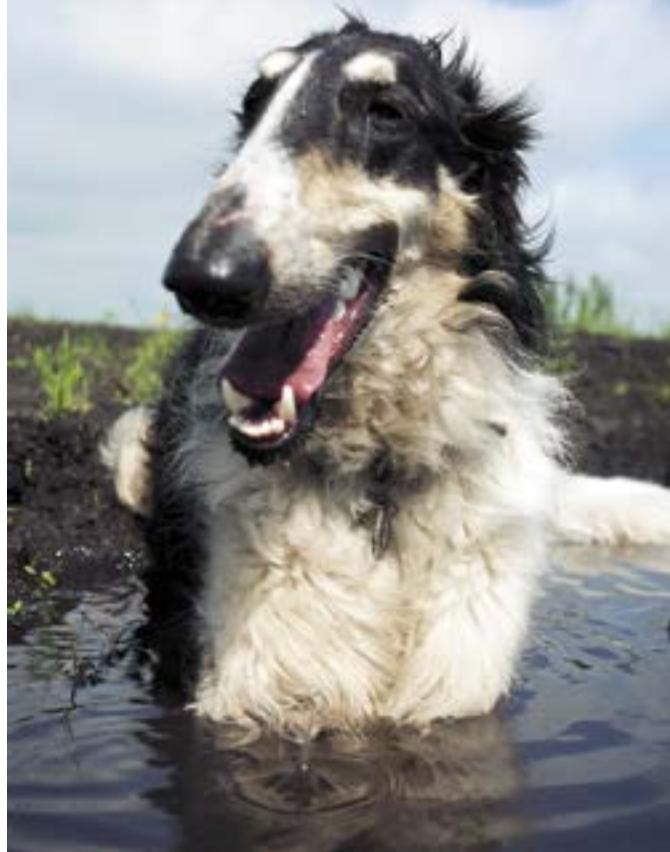
Борзые достали зайца у самой границы балки. Егеря стеганул лошадь и поспешил за добычей. Вернувшись к хозяину борзые были уже абсолютно спокойны, и черные вишины глаз ничего не выражали. Даже похвалу собаки приняли как-то застенчиво.

На спонсорские деньги Леонид организовал изготовление медалей и дипломов. Но главным событием стало решение департамента Охотничьего хозяйства и рыболовных ресурсов РФ о создании в Лаш-Таябе государственного питомника русской борзы – единственного в стра-

На Руси псовая охота с борзыми получила «гражданство» во времена Ивана Грозного и сразу затмила соколиную

не. Кстати, претендовали на это звание многие, в том числе и село Першино, самый известный центр русской псовой охоты дореволюционной России. Как удалось победить Князеву? Леонид сразил наповал приехавшую из Москвы комиссию азартной охотой с борзыми на волка. После открытия питомника в Лаш-Таябу стали приезжать не только на соревнования и охоту, но и

Выведенная на Руси порода в Западной Европе была в большой славе благодаря своей резвости и работе по волку

скаакунами. Даже рисовать их к нему приезжали художники. А когда здоровье позволяло, то Вениамин Панфилович со своими борзыми каждый охотничий сезон преодолевал по 1200–1500 км по степи.

«В поле нельзя, так посмотреть дайте!» – просили охотники. «Это – пожалуйста!» Похвастаться своими борзыми стариk всегда был готов. Гости заходили во двор, где к ним тут же подбегала свора борзых, начинала тыкаться острыми мордочками в колени и ласкаться. Насмотревшись и наговорившись, гости вздыхали и уходили. Вечером они проходили мимо ворот Волокитина, который уже ждал охотников с вопросом о добыче. Те отводили глаза и говорили о сильном тумане, липкой грязи, перечисляли другие причины, которые помешали их собакам затравить зайца. А потом все же признавались: «Вот если б ваших борзых, Вениамин Панфилыч, то и у вас бы на ужин зайчатина была!» – «Я им говорю: вы из ружьи! Из ружьи!» – хитро улыбаясь, рассказывал стариk Леониду о том, как подтрунивал над неудачливыми охотниками... Те на насмешку Волокитина не отвечали. Все они знали, что сам Волокитин в прежние годы сроду не выходил в поле с ружьем. Он вообще считал, что для владельца русских борзых ружье в доме даже держать зазорно. «Соколиная охота – княжеская, псовая – боярская, а ружейная для псарай», – любил повторять Волокитин поговорку XVII века, несомненно, причисляя себя к элите русских охотников.

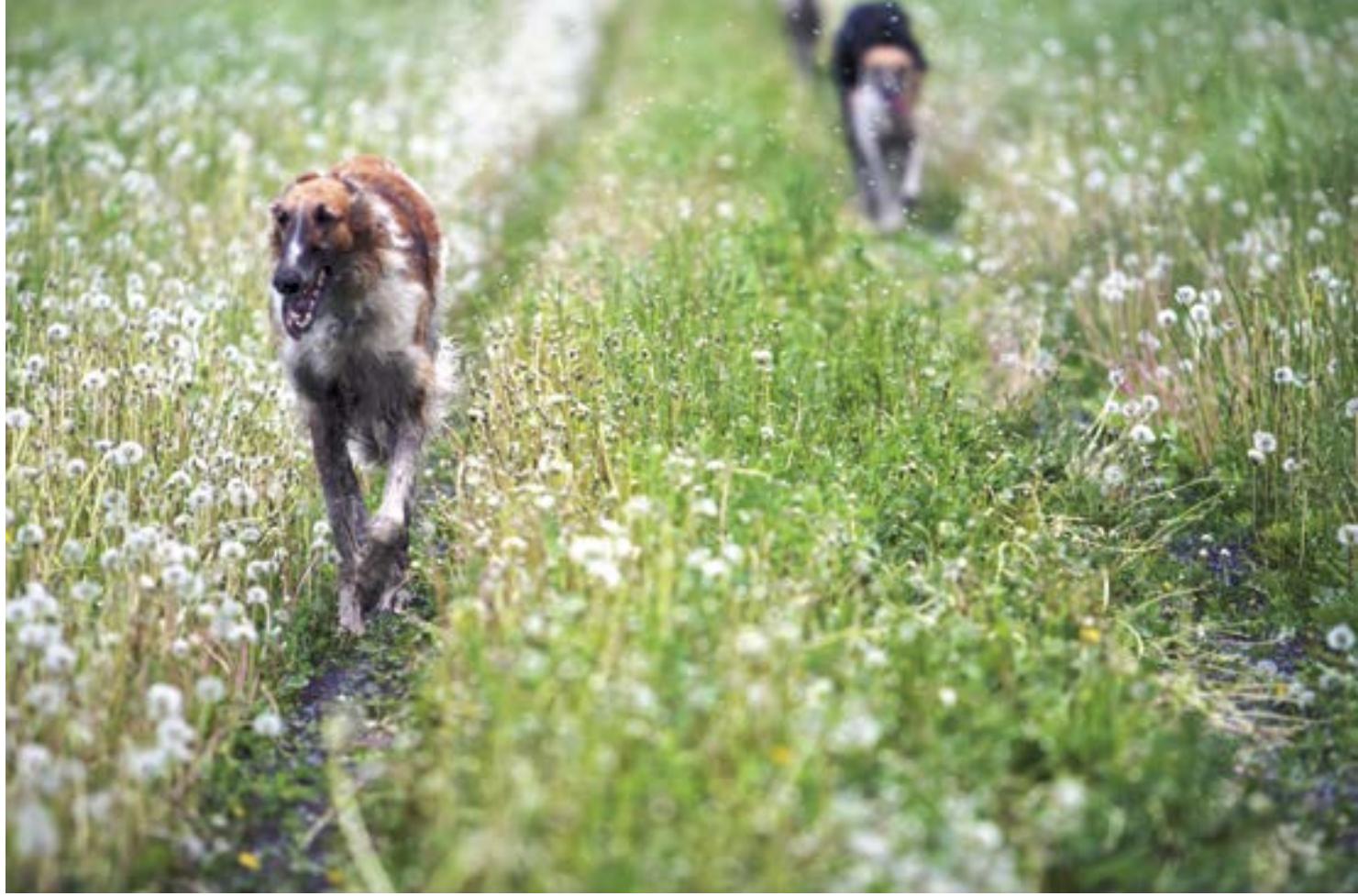
А ружье он недолюбливал еще с советских времен. Тогда он прятал своих борзых от городских охотников-начальников, которые, вальяжно опираясь на свои ружья, говорили Волокитину: «Барских со-

Подарок Волокитина

В ту осень стариk Волокитин не затравил ни одного зайца. Рассказывал он об этом Леониду с грустью. Причина была не в собаках и не в зайцах, которых было предостаточно, а в ревматизме, полученном еще в окопах. С такой неприятностью не больно-то поскакешь по оврагам и балкам в отъезжих полях. А Волокитин еще с молодости знал, что держать борзых можно до тех пор, пока ноги носят. Стариk смотрел то на свои ноги, то на собак, которые, просясь на охоту, жалобно скулили. «Таких собак и дома держать!» – упрекали Волокитина другие охотники, ведь он не давал своих собак в чужие руки, несмотря на длительные уговоры. Борзы Волокитина слыли лучшими не только в области, но и во всей стране. Собак Волокитина по скорости сравнивали с пущенной стрелой, по красоте – с арабскими

просто так: посмотреть собак, пообщаться. Приходили письма. Одно из них он открыл с особым трепетом: «Леня, приезжай, забирай моих борзых. Даром отдаю. Бери. Жалеть не будешь. Кроме тебя, во всей России некому больше отдать». И подпись: Волокитин. Леонид Князев читал письмо, не веря своим глазам. Волокитин! Знаменитые волокитинские борзы будут у него?!

«Иному и дворянину
не худо бы про-
менять усадьбу на
любую здешнюю
конурку. Ему было б
и сытнее и теплее».
А. Пушкин.
«Дубровский»

бак держиши! Скажи спасибо, что ты ветеран». Только то, что он был на фронте, служил в разведке, имел награды, спасало его собак от расправы... А у многих его знакомых русских борзых отобрали и дели неизвестно куда только потому, что охота с русской борзой была главной забавой русских аристократов! Но, к счастью, Волокитин дожил до тех времен, когда русских борзых надо было прятать только от воров. Появилось так много любителей этих собак в городах и селах, что приходилось отбиваться от желающих получить щенка русской борзой от Волокитина. А сколько жадных и нечистоплотных рук к борзым тянутся – насмотрелся за свою жизнь достаточно. Видел даже, как борзых проигрывают в карты, меняют на

машины и квартиры. «Тыфу! – попенял на это Леониду старик во время прощальной беседы. – Вот это точно барство!»

Когда Волокитин почувствовал, что не сможет больше выйти со своими борзыми в отъезжее поле, он начал искать по всей стране человека, которому мог бы передать своих собак. Так и родилось это письмо к Князеву: «Леня, приезжай, забирай моих борзых. Даром отдаю. Кроме тебя, во всей России некому больше отдать! Бери, жалеть не будешь... Настоящих русских кровей!» Далее старик писал о своих болезнях.

Отдавал собак Волокитин со слезами. Обнимался с каждой на прощание как с родным человеком и требовал в письмах сообщать о жизни его борзых в питомнике. Сколь-

ко зайцев взяли, какой величины. Леонид все описывал обстоятельно. Даже рассказал о том, как его борзые лисицу взяли. Старик был тронут. «Не ошибся! – написал он в ответ. – Наши русские еще покажут себя в мире!» Только об одном умолчал новый хозяин: о том, как одна из волокитинских борзых однажды так разогналась, что не заметила столб, врезалась и убилась насмерть. Такое с борзыми, вошедшими в азарт, бывает... А потом и некому стало сообщать... На память о Волокитине у Князева висит фотография на стене: худой старик в пижиковой шапке, в куртке с расстегнутыми карманами в окружении своры борзых.

Таких, как Волокитин, было мало в стране. Именно они и сберегли знаменитую русскую борзую, занявшую почетное место в истории стра-

ны, в русской литературе, бывшую одним из символов имперской России в XIX веке. О том, откуда у Волокитина взялись эти великолепные собаки, ходили легенды. По одной из них, он якобы привез борзых из Германии в качестве трофея.

«Возьмите борзых – тоже переродитесь»

Первое, что бросается в глаза при общении с Князевым, – сдержанное щегольство в одежде и ненавязчивая изысканность в манерах. Без крика, без шума распоряжается он работниками псарни. Для охоты у него закуплена отменная экипировка, вся сплошь из дорого выделанной кожи. По его признанию, с недавних пор он стал замечать в себе «аристократические наклонности». Даже знакомые ему об этом говорят.

В русских борзых нет раболепия, ничего от подобострастного исполнителя в духе «чего изволите?»

мят его подчиненные псари, вот они и голосят ночами.

На самом деле кормят борзых отличной кашей с мясом. Кстати, от борзятников перешло в нашу речь слово «однокашники». Так назывались борзые одного года рождения, то есть выращенные на каше, которую ели из одного корыта. А воют борзые по ночам из-за волков, которых в питомнике держат для притравки собак. Борзые из Лаш-Таябы единственные в России, которые специально натаскиваются для охоты на волков.

...Вышли в поле. Псарь спускает борзых со своры, и собаки, беснуясь как черти, убегают далеко с залипистым лаем...

Петр Александрович, сидя на лошади, свистит борзым, крутит кнутом над головой, оглядывает поле,

Юный император Петр II, вкушив азарта охоты с русскими борзыми, забросил все государственные дела и перебрался из Северной столицы в Москву, где в окрестностях водилось больше зайцев.

Он в ответ смеется: «Возьмите борзых – тоже переродитесь!»

...Утром главный псарь, Петр Александрович Денькеев, готовит собак в поле. Раньше он был трактористом, а теперь работает с борзыми. Прежде в доме супруга и дети морщились из-за его пропитанного соляркой и маслом ватника. А теперь он может в своей рабочей одежде садиться за обеденный стол, и никто ему слова не скажет. От аристократических собак никакого запаха.

Раньше псари в поле спиртное пили из горлышка, потом стали использовать фляжки, затем на конькя перешли, а в последнее время поднос в поле берут. «Дядя Петя у нас аристократом стал с этими борзыми!» – смеются над Денькеевым старые знакомые, когда видят его идущим по селу с огромной сворой борзых. Одно время на него наговаривали, что собак плохо кор-

в котором затравил немало дичи... Говорят виновато: «Спит заяц!» От вернувшихся борзых – горячий пар. Комья грязи вылетают из-под лап. Невольно ждешь, затаив дыхание: вот сейчас, сейчас они появятся – скакуны с всадниками в нарядных кафтанах, потертых ботфортах и лихих охотничих шапках с лисьими хвостами. Будут скрипеть седла. Будут щелкать хлысты. Будет петь охотничий рожок. Прозвучат слова: «Ваше сиятельство! Ваше превосходительство!»...

...Псарь тронул за руку, прогнав сон наяву: «Вы осенью приезжайте! Осенью!» И пустился в длинный рассказ о затравленной дичи, дорогих винах, вкусной закуске, кожаных седлах и том уважении, которое будут к нему проявлять съехавшиеся со всех концов России любители русской псовой охоты...

Людмила Лунина, *фото Антона Беркасова*

Музей со вкусом

Необычный музей открылся в этом году в подмосковной Коломне – Музей пастилы.

КОЛОМНА, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ОСОБЕННЫЙ ГОРОД Подмосковья. Чуть больше 100 км от столицы – и вы попадаете в пространство, напоминающее киностудию, где все эпохи, как декорации к разным фильмам, идут вперемежку. В городе прекрасно сохранился исторический центр с самой большой в России шатровой звонницей XVII века. А в двух шагах от звонницы построили ультрасовременный Центр конькобежного спорта... Коломна заставлена церквями, время не тронуло живописный посад, а еще в городе ходит трамвай, что для Подмосковья большая редкость! Есть свой ЦКПиО – парк Мира, созданный ме-

Коломенская пастила ручной работы. Изготовлена из натуральных яблок по рецепту XIX века

тодом народной стройки в 50–60-х годах, когда на пустыре высадили 8 тыс. деревьев и 30 тыс. кустарников. Коломна известна и Новоголутвинским Свято-Троицким женским монастырем, настоятельница которого помимо прочего поощряет монахинь получать высшее образование. В монастыре разводят редчайшую породу бурят-монгольских волкодавов – хотошо-банхаров – и вятских лошадей. Нет ничего удивительного в том, что в дополнение ко всем этим «чудесам» добавился Музей пастилы, едва ли не первый гастрономический музей в России.

Пастила и пастильница

Музей пастилы находится в самом центре посада – квартале малоэтажных домов XVIII–XX веков, спускающихся к реке. Войдя в открытые ворота, вы оказываетесь в крохотном дворике, потом на крылечке, в сенях, где вам продают билет за 200 рублей, и далее в «зале» – просторной комнате с низкими потолками, с расставленной по стенам мебелью XIX века и большим круглым столом. Сидя за этим столом, попивая чаек и лакомясь фирменной коломенской пастилой, вы слышите рассказы любезной хозяйки (язык не поворачивается назвать экскурсоводом даму, списанную с кустодиевских купчих, в таких же платье и шали) – о том, как рядились в старицу и как у одной из церквей рухнул свод, потому что местные купцы хотели сэкономить и не позвали столичного архитектора. Блаженствуя в этой обстановке, невольно вспоминаешь традиционные музеи, утомительные пристаивания у экспонатов за глухими витринами и понимаешь, что коломенский Музей пастилы обречен на успех.

Трудно поверить, но революционный по своей сути Музей пастилы – результат личной инициативы двух очаровательных женщин – Елены Дмитриевой и Натальи Никитиной. Одна занимается бизнесом, у нее небольшая компания по налаживанию инженерных систем для частных домов, вторая – научный сотрудник лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии. То, что сто-

лет назад Коломна была одним из трех городов Российской империи, производившим пастилу, Елена и Наталья узнали случайно. В 2007 году они готовили проект «Ледяной дом: русские потехи от Ивана Лажечникова» (специально для этих потех знаменитый московский художник Николай Полисский построил в Ко-

Главные документы музея – старинная этикетка последней пастильной фабрики купца 1-й гильдии Петра Карповича Чуприкова и рецепт коломенской пастилы

ломне гигантские горки и качели). Первый русский романист Иван Лажечников, уроженец Коломны, оставил подробные описания города и традиций первой половины XIX века. Среди прочего он очень ярко нарисовал образ «пастильницы» – торговки пастилой: «сорока-ведерная бочка» в штофном с золотом сарафане, голубых шерстяных чулках и в башмаках без задников, но на высоких каблуках. Лицо нарумянено, брови дугой, огромный кошачник в виде лопаты вышит жемчугом, изумрудами и яхонтами. Костюм воспроизвели точно по описанию. Нашли необыкновенную даму, и коломенская пастильница точно сошла со страниц старой книги. Именно в этот момент возник вопрос: а какая тогда была пастила? Ведь водоросли агар-агар, с помощью которых сегодня делают зефир и пастилу, 100 лет назад в пищевой промышленности не применялись. И началась грандиозная эпопея под названием «Коломенская пастила».

Где бы рецептк добыть?
Чтобы разработать рецептуру, Елена Дмитриева и Наталья Никитина

Наталья Никитина (слева) и Елена Дмитриева (справа)

обошли полдюжины производств: фабрику «Ударница», «Воскресенскхлеб», «Озерский сувенир», ЗАО «Коломчанка». Никто не хотел связываться с мелким и хлопотным заказом. В конце концов справились собственными силами. Пастила рождалась буквально на домашних кухнях, проблемой был каждый шаг: из чего делать (из яблочного пюре или свежих яблок), как формовать, сушить, резать. Постепенно весь этот, казалось бы, неразрешимый клубок вопросов удалось распутать и получить все необходимые сертификаты на производство. Свежие яблоки в январе – сырье для пастилы – нашли рядом, в Речкинских садах.

Консультанты проекта – профессор Коломенского пединститута Владимир Викторович и главный хранитель Коломенского краеведческого музея Алевтина Дымова – отыскали в архивах оригинальную этикетку: точно такая была на последней пастильной фабрике Чуприкова. Упаковку для пастилы разработали по аналогии с дореволюционными коробочками, найденными на блошиных рынках. Сложно было отыскать людей, которые бы взялись клеить эти картонные ларчики. Сегодня их делают в Люберцах, в цехе по производству подарочной продукции, где трудятся и инвалиды. Организаторы музея счастливы, что дали

Так варили пастилу в Коломне с XVI века

работу тем, кто в ней нуждается больше других.

Сегодня в коллекции музея 15 видов пастилы. Многие вкусы можно пробовать во время чаепития в музейной гостиной. Можно купить музейный сувенир – вкус прошлого. Фирменная коробка ручной работы, реплика с коробки последней кондитерской фабрики Петра Карповича Чуприкова, стоит 350 рублей, что, несомненно, дорого. Но даже за такую цену пастилу раскупают очень быстро. Это ведь уникальный сувенир, и в мире нет ничего похожего.

Наставлять или просвещать?

А кто, собственно, дал на музей деньги? Наталья Никитина и Елена Дмитриева получили грант Благотворительного фонда Владимира Потанина. Фонд поддерживает немало культурных и образовательных

В вазе –
музейная
коллекция
исчезнувших
вкусов

Экспонат музея –
сладкий символ
Коломны «Пастила
ягодная»

проектов, один из них называется «Меняющийся музей в меняющемся мире». Его цель – способствовать развитию и реформированию музеиного дела в России.

Музеиному делу в России просто необходимо меняться. Нынешняя модель (по которой функционируют ГМИИ им. Пушкина или Третьяковская галерея) была создана в 20-х годах и копировала прусскую систему XIX века. Система эта называется «храм искусств», Temple der Kunst, и предполагает, что музей создан для торжественного благоговения. В Мюнхенской глиптотеке скульптуры водружали на пьедестал, чтобы посетители за-дирали головы. В храмах-музеях чудодействуют священники-искусствоведы. Зрителей приравнивают к пастве или студентам, которых надо учить.

200-летняя история музеев – это борьба посетителей за свои права: за

тематическое разнообразие, широкие входные двери, вместительные гардеробы, магазины сувениров и музейный общепит. За то, наконец, чтобы в музее было интересно.

С этой точки зрения коломенский Музей пастилы, несмотря на его крохотные размеры, абсолютно революционная институция. Он, конечно, учит и воспитывает, но не назидательно, а очень дружелюбно. Путь к сердцам посетителей ведь

тоже лежит через желудок. Музей пастилы вписался в модный тренд так называемых sight-museums – музеев истории на месте ее действия. Чем больше они отдалены от крупных городов, тем лучше. Рядом строят отели, открывают магазины, рестораны и кафе, словом, создают рабочие места и привлекают туристов.

У Натальи Никитиной и Елены Дмитриевой много планов. Они хотят открыть в городе музейную фабрику пастилы, где будет показан процесс производства пастилы и его эволюция: от кустарного до современного, провести исследования и отыскать горскую зеленку – утерянный местный сорт яблока, из которых раньше готовили пастилу, и устроить исторический сад. Они мечтают создать уникальный музейный квартал на коломенском посаде и сохранить для будущих поколений старую Коломну как образец провинциального старорусского города. Наталья и Елена привлекают к своим проектам творческих людей, власть, науку и бизнес. Ищут поддержку проектам у благотворительных фондов России и Европы. Они знают, как сформулировать идеи и организовать процесс. Их энтузиазм и энергия изумляют. И, попивши чаю с коломенской пастилой, тепло разливается по телу, и рождается чувство гордости за русскую землю. ☀

Евгений Верлин

Такое возможно только в России

Как только не называют театральные критики Романа Григорьевича Виктюка! И «самый скандальный режиссер России», и «неповторимый экспериментатор», и «классик театральной провокации». А еще «выдающийся русский режиссер», хотя сам Виктюк говорит, что он – украинец и греко-католик.

— Критики неоднозначно восприняли вашу недавнюю премьеру — «R&J. Ромео и Джульетта». Что вы хотели этим спектаклем сказать?

— Я хотел воплотить свой вариант, не похожий на те, что пользовала наша культура. Мне кажется, сам материал, воплощенный в нашей стране на сцене раньше, был театральный, он не отличался должным уровнем с точки зрения психологии. Мы всегда снижали Шекспира до уровня бытовых человеческих отношений. Поэтому МХАТ, когда брался за него, терпел неудачу. Только один раз была попытка что-то изменить. Когда почти сто лет назад приехал англичанин Гордон Крэг и попытался изменить ту структуру правдоподобия, которая была верой для Станиславского и его театра. Они его приняли, конечно, в штыки. В замечательной тетрадке Сулержицкого (Леопольд Сулержицкий, русский режиссер, театральный деятель. — Прим. ред.) записано: Станиславский задавал вопросы, в которых было полное непонимание того, что хотел этот европейский режиссер.

Я думаю, русский театр все-таки должен освоить не только Оскара Уайльда, пьесы которого, например «Саломея», вообще не ставились у нас. Никто не пытался превратить их в некое мистериальное действие на сцене. Мы попытались сделать это и уже много лет играем в разных странах именно так, как мне это представляется возможным. И этот магический, культовый поход принимается публикой на ура. Я думаю, театр подошел к тому, чтобы возродить то, что утрачено. А утрачен был наив, наивность детства, то, что существовало как бы до словесного воплощения в литературе. Это еще оставалось до советского театра, но затем было вконец утрачено. Я за то, чтобы устраниить со сцены косноязычное бормотание, ведь тело точнее любого слова передает то, что происходит с человеком.

Человек — это невероятная тайна, и, по-видимому, подойти к ней театр может только с этой наивной мистерией, той первородной мистерией, что определяет силу театра.

В начале XX века Мейерхольд и Таиров возрождали мистериальное начало театра. У них психология не

была основой, она была землей, но на ней как бы вырастали другие цветы. Это были неправдоподобные цветы. Самым главным тогда было воображение, сон, а не реальное и сознательное. Мейерхольд и Таиров это не просто культивировали, это была их вера, за которую они по-

Жена Таирова, Алиса Коонен, может быть, самая великая актриса русского театра, была председателем экзаменационной комиссии у меня в ГИТИСе, и, когда наступил черед ставить оценки, она встала и сказала, что не имеет права — и вообще никто не имеет права! — судить творца по

ИТАР-ТАСС

Людмила Погорелова, Ирина Апексимова и Егор Пазенко в сцене из спектакля «Наш Декамерон»

Я за то, чтобы устраниить со сцены косноязычное бормотание, ведь тело точнее любого слова передает то, что происходит с человеком.

платились жизнью. Поэтому Советы постарались сделать все, чтобы это никогда больше не возникало. Я помню, когда приехал Жан Вилар из Парижа и привез «Марию Тюдор» Гюго, то вся пресса писала о гениальности этого спектакля. А Вилар сказал: «Это — ваше достояние, я просто изучил то, что делали два ваших великих режиссера». Но тогда эти два имени произносить было нельзя!

оценочной системе. А потом добавила, что ни о ком говорить не будет, что есть один человек, который достоин называться творцом. Это был я, Роман Виктюк.

— ?!

— Напрасно смеетесь. Когда уже были поставлены «Служанки», «М. Баттерфляй», критика стала писать, что я как бы «сын Таирова». И когда пришли оставшиеся в

живых артисты Камерного театра Таировской эпохи – их было человек восемь, – вручили мне медаль Таирова после спектакля «М. Баттерфляй» в Театре Пушкина, я был счастлив! Увы, в этом театре в помещении, где был кабинет Таирова, теперь туалет...

– Недавно вы сказали, что собираетесь ставить «Идиота» Достоевского. Вы теперь больше внимания русской классике стали уделять?

– Да нет же! Я и раньше всегда это делал. В Театре Вахтангова я «Соборян» делал и «Анну Каренину». Так что не только Оскара Уайльда и Жана Жене ставлю. Когда началась перестройка, я первым делом взялся ставить те вещи русских писателей, которые попали в черный список Надежды Крупской в бытность ее министром просвещения в 20-е годы. Первым номером в нем были «Бесы» Достоевского, вторым – «Мелкий бес» Федора Сологуба, третьим – «Соборяне» Николая Лескова. Далее, я решил для себя, что Серебряный век не может не быть представлен на нашей сцене. В итоге в конце 80-х поставил в Театре на Таганке пьесу Марины Цветаевой «Федра».

– А как вы приступили к реализации «списка Крупской»?

– Я понимал, что поставить в Москве запрещенные еще с тех времен пьесы было невозможно. Я сделал из «Мелкого беса» пьесу и поехал в Эстонию. Это было в конце 1982 года, когда во главе СССР стоял бывший шеф КГБ Юрий Андропов. И вот именно в это время я предложил им поставить «Мелкого беса»! Меня пригласили в ЦК Компартии Эстонии, разговаривал со мной секретарь ЦК, отвечавший за культуру и идеологию, эстонец. Он перед встречей прочитал мой текст и, когда мы беседовали, сказал мне, растягивая слова так, как это делают прибалты: «А мы бы в эстонском театре сыграли это более остро». Я ему в ответ: «А зачем эстонцам издаватьсь над русскими? Пусть русские сами о себе расскажут всю правду». Он на меня с грустью посмотрел и сказал: «Хорошо, вы разумный человек». Это был завотделом агитации и пропаганды, и он подписал разрешение на постановку «Мелкого

беса» в Русском драматическом театре Таллинна.

– **И что в результате получилось?**

– Когда я вновь приехал в Таллин, то сказал принимавшим товарищам, что хочу пойти в ЦК и поблагодарить того завотделом за оказанное доверие. А мне в ответ: «Куда вы пойдете, он две недели назад поехал с семьей в Париж и там остался!» Но уже никто не мог мне запретить это ставить! И успех «Мелкого беса» был невероятный! Трудно себе представить, чтобы эстонцы стояли в очереди за билетами – и зимой в мороз, и летом в жару.

Когда же началась перестройка, мне позвонила Галина Волчек и говорит: «Скажи, что бы такое особенное ты мог у нас поставить? Скажи не позднее чем через месяц». Я ей: «Зачем через месяц? «Мелкий бес» Сологуб

тической статье в конце 60-х годов. – **Прим. ред.**), с которыми я дружил, сказали: вот ты не хочешь обслуживать систему, но теперь, когда стал руководителем областного Театра Ленинского комсомола, деваться будет некуда. Они были убеждены, что я не смогу воспротивиться требованию поставить к 100-летию воюя спектакль о нем. А я им сказал, что смогу. И смог!

– **Как же это удалось?**

– Меня вызывали в обком КПСС перед активом партийцев рассказать, как я готовлюсь к юбилею. И вот я выхожу на трибуну, а в президиуме – вся партийная верхушка области. А это был понедельник, и они были с перепою, некоторые просто засыпали, да и кому было интересно слушать, как театр готовится к 100-летию Ленина! Ну, я в этот момент про себя

Театр – это единственное место в России, где одиночество может общаться с артистами, с которыми оно встречается. Это место спасения.

Роман Виктюк во время генеральной репетиции спектакля «Анна Каренина» в Театре имени Евг. Вахтангова. 1983 год

ба, завтра начинаем». Я ей дал почтить пьесу, и Галя сразу же согласилась. Спектакль шел очень долго, и играли его замечательно. Так что с русской классикой я связан всегда, и очень прочно.

– **В советское время вы ставили такие спектакли в Прибалтике, находясь как бы в творческой полуэмиграции...**

– Да, а в России приходилось выкручиваться. Когда я в самом начале своей режиссерской карьеры поехал в Калинин (ныне Тверь) и возглавил там Театр Ленинского комсомола, случилась такая история. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина я поставил «Коварство и любовь» Шиллера.

– ?!

– Это действительно нонсенс. Синявский и Даниэль (советские диссиденты, осужденные по поли-

сказал: «Мамочка, помоги!» И начал излагать легенду: был недавно в ленинском архиве в Москве и в таком-то хранении, полка такая-то, том такой-то, страница такая-то нашел письмо Клары Цеткин Надежде Крупской. А в письме Клара пишет, что Володя в свое время ей говорил, что когда в советской стране восторжествуют идеалы коммунизма, то первое, что он бы хотел, чтобы молодежь увидела, – это великая пьеса Шиллера *Kabale und Liebe*... В эту секунду я подумал, что мне конец. Все как-то напряглись, когда услышали название на немецком, а я, сделав паузу, медленно произношу по-русски: «Коварство и любовь! Тишина, и тут я слышу, как за моей спиной в президиуме первый секретарь говорит второму: «Ты посмотри, он без бумаги говорит, и так разумно! Я поддерживаю». Так

ИТАР-ТАСС

я и поставил Шиллера к 100-летию Ленина. А в это время под Калининым снимали советско-итальянский фильм «Подсолнухи» с Марчелло Мастрояни в главной роли. Мастрояни, попав на мой спектакль, оказался под большим впечатлением, а после спектакля громко вопрошал: «Где этот гений? Покажите!» И даже написал восторженные слова в книге отзывов, вернее, это была школьная тетрадь за 2 копейки. На мою беду, отзыв этот прочитали люди из «компетентной организации» и сделали, как мне потом сообщили, неприятный для меня вывод: «Раз капиталистам нравится, значит, там есть неконтролируемые ассоциации». Вот тогда я и понял, что пора ехать в Прибалтику. Окончательное решение пришло в Москве, неподалеку от здания ЦК КПСС. Там был телефонный переговорный пункт,

я позвонил оттуда в Министерство культуры СССР, спросил имена и фамилии начальников по театрам Литвы, Эстонии и Латвии. Звоню в Вильнюс, представляюсь вымышленным именем работника Минкульты СССР и, ссылаясь на мнение анонимного начальства, говорю, что товарища Виктука надо трудоустроить главным режиссером в вашу республику. Помню разговор с женщиной из эстонского отдела культуры, она чуть не плакала, когда извинялась передо мной за то, что вот, мол, в Москве озабочились о главном режиссере для них, но у них, увы, уже целых два главных режиссера. Тогда я звоню в Вильнюс и разговариваю с замечательным человеком по фамилии Якученис, который боялся советской власти больше, чем я. И вот он, когда я приехал, объявил всем: «Роман Викту

будет главным режиссером Русского театра Литовской ССР».

Да, когда мне было 14 лет, я видел сон: здание, маски, колонны и в правом крыле дверь без ступенек, и я хорошо запомнил это здание. Так вот, я приехал в Вильнюс ночью, утром пошел в театр, свернул в его сторону с улицы Ленина и увидел... именно то здание, которое видел во сне в 14 лет!

– Но вы рассказывали журналистам, как, приехав впервые в Москву, «увидели» и дом, в котором потом поселились...

– Это было в 17 лет, когда я впервые попал в Москву. Как только троллейбус, на котором я ехал, повернул на Тверскую, я тут же увидел этот величественный дом и с отчаянием подумал: «Вот здесь, в этом доме, я никогда не буду жить». А потом всегда специально обходил его, даже переходил на другую сторону. Это был первый, самый потрясающий дом, который я увидел после Кремля. И я всегда знал, кто там живет, какие люди, какие артисты, так вот я понимал, что подступаться к этому дому нельзя. Ведь это был дом для генералитета, в нем жил сын Сталина Василий. Кто знал, что в 1996 году я там поселился. (Как раз в квартире Василия Сталина. – *Прим. ред.*) А работа в Вильнюсе была для меня творческим спасением. К тому же первый секретарь ЦК Компартии Литвы Антанас Снечкус очень любил театр и во время первой нашей встречи сказал, что я могу ставить все, что хочу. И яставил там Вамилова, который здесь был фактически под запретом, потом был Рошин, в России он тоже был изгояем.

– Вы общались там с такими актерами, как Донатас Банионис?

– Да мы с ним дружим до сих пор! Кстати, в Литве я еще поставил первый в СССР спектакль абсурда, «Джаз и приведение» польского автора, и он шел в Вильнюсе более десяти лет с неизменными аншлагами. Я уж не говорю, что там же я поставил «Мастера и Маргариту»... И все это благодаря поддержке Снечкуса.

– А после Вильнюса?

– Я сразу приехал ставить во МХАТ. В то время там были Ливанов, Грибов, другие великие русские актеры...

— Ловлю вас на слове «русский» и хочу спросить: а почему на некоторых театральных сайтах вас называют «русским театральным режиссером»? Вы же украинец по национальности, во Львове родились...

— Знаете, в 16 лет сразу после школы я приехал в Москву... И после приезда в Россию «русифицировался». Для прибалтов я стал русским, для Израиля, где мой театр часто гастролирует, тоже, для американцев — тоже. Кстати, забавная история в конце 90-х случилась. Я тогда ставил «Братьев Карамазовых» в Греции, и тогдашний министр культуры Украины, Иван Дзюба, попросил меня, чтобы я обязательно говорил о себе как об украинском режиссере. Ну что ж, я и говорил — и газетам, и телеканалам. И вот в день премьеры греки меня спрашивают: «Какой флаг повесить в зале — российский или украинский?» А я им отвечаю: «А вы приготовьте оба флага — кто первый из послов приедет, той страны флаг и повесите». А тогда послом России в Афинах была Валентина Матвиенко. Так вот она приехала на премьеру. А украинцы... они за время моего пребывания там ни одного цветочка не прислали, даже не позвонили из посольства ни разу. Из Киева звонили, а из посольства нет! И вот — день премьеры! Без пяти семь, а украинцев нет! И что вы думаете делают греки? В finale премьерного спектакля у них есть обычай дарить подарки. И эти подарки должны быть такими, чтобы можно было надеть, съесть или выпить. В общем, зал торжествует, начинается праздник, доходит очередь до меня, и тут мне подносят какой-то пакет, в котором, как мне показалось, лежит либо свитер, либо пиджак какой-то. Думаю: ну на кой мне это нужно? Но греки кричат: «Разворачивай!» Я, как настоящий украинец, руками щупаю, а сам думаю: «Как бы, не дай бог, не опозориться, не хочу свитер...» Разрываю пакет, а там — украинский флаг. И они взметнули его над сценой. Я позвонил министру Дзюбе и говорю: «Что ж ты не робишь, что ж мы один из ваших не пришел?» А он мне: «Да оны такие дурныэ...»

— И после этого на Украину затаили обиду?

— Ну почему же? Когда в Киеве произошла «оранжевая революция», я находился в Нью-Йорке, так после спектакля вышел и сказал: «Я украинский режиссер и горд этим». Зал встал и стал аплодировать... А потом я побывал в Киеве, после спектакля ко мне подошли Ющенко с

— Так кто же вы все-таки?

— Западный украинец, к тому же греко-католик. Я — запорожец (смеется). Есть такое украинское слово. То есть человек, который продал родину. Раньше еще говорил, что я — бандеровец, а теперь это говорить нельзя, я замолкаю...

— Вы уже приступили к постановке «Идиота»?

Роман Виктор
и балерина
Наталья Макарова
после премьеры
спектакля
«Двое на качелях»

супругой, так она чуть не рыдала у меня на плече, говорила, что я настоящий украинец. Ну а я, будучи народным артистом Украины и уроженцем этой страны, конечно, украинцев люблю. Хотя одинаково отношусь и к России, и к Украине. Хотите, чтобы я был русским? Да, я русский, особенно по культуре! Но в то же время я украинец по крови. Но когда меня спрашивают там, «громодяин ли я Украины?» — я говорю: «Нет, не громодяин». А они: «А як же?» Ну и говорят: мол, бросайте Россию, приезжайте к нам и будете гражданином Украины. Вот мэр Киева, например, так говорил. Видите эти часы? Это его подарок. Когда он мне их дарил, то сказал, что это залог того, что я должен туда переехать. Даже квартиру обещал, причем не как громодяину, а просто как народному артисту.

— Мы вместе с Алексеем Бурыкным работаем над текстом. Этот спектакль будет связан с глубинными пластами. В том числе с хлыстами. Это была вера, которая приводила к самоистязанию, и Достоевский имеет к этому прямое отношение. Рогожин был ярый представитель этого течения, хлысты были такой подпольной sectой, а актер Федор Эткин недавно об этом написал, и это мне показалось очень интересным. Взглянуть на этих двух персонажей с точки зрения этого человеческого безумия мне кажется крайне интересным... Там будет сцена, когда над труппом Настасьи Филипповны Рогожин перевоплощается в Мышкина, а Мышкин в Рогожина и т.д., и это будет иметь прямое отношение к тому, чем, как мне кажется, бредил Федор Михайлович.

Я, кстати, давно к «Идиоту» привыкался, но все никак не решался, но теперь у нас в театре есть два актера – Дмитрий Бозин и Дмитрий Жойдик, они могут воплотить то, что я задумал.

– Почему вы не ставите спектакли о современной русской жизни?

– Как – не ставлю! А «Рогатка» Николая Коляды! А «Полонез Огинского»! Как только началась перестройка, тут же поставил их. «Полонез...» – это пьеса о том, как с Запада в СССР вернулась девушка, которая не смогла перенести то, что увидела здесь, и в итоге сошла с ума. Да и «Нездешний сад» про Рудольфа Нуриева – это же тоже про современность, про то, что происходит с человеком, лишенным родины. Кстати, и Наташа Макарова, которая 17 лет прожила на Западе, играла у нас в спектакле

играть Жданова, который «приказал» поймать Макарову и привезти в Смольный на допрос. Сначала она хотела, но я был настолько строг и безжалостен, требовал говорить правду... А она за эти годы мысленно отрепетировала то, что говорила бы в КГБ, если бы ее привезли на допрос. И в слезах стала рассказывать историю своего побега, историю побега Барышникова, Нуриева. И я испугался даже: даю ей понять, что хватит «работать на публику». А Наталия не слышит совершенно, входит в раж, продолжает играть. Американцы снимают. И тогда я поднимаю трубку телефона, соединенного с кабинетом Собчака, и говорю: «Товарищ Собчак, с вами говорит Жданов». Он в трубке отвечает: «Да, я Собчак, а это кто?» Я ему: «Жданов говорит, и не надо

крепнеть и остается основополагающим. Эта земля, и небо, и ад – это русский дух! Это, я думаю, объединение несовместимого. Этот дух, как травинка, пробивается сквозь асфальт, несмотря ни на что. А поэтому и потребность в театре здесь несравненно больше, нежели в какой-либо другой стране мира. Потому что театр – это единственное место в России, где одиночество может общаться с артистами, с которыми оно встречается. Это место спасения. Это было и в советское время, это остается и сейчас.

– Есть такое мнение, что лучшие-то люди в России либо погибают, либо их расстреливают, либо они уезжают за границу...

– Это небо их забирает.

– Но ведь люди-то долгие годы уходили из жизни, а оставались не самые лучшие...

– Нет и еще раз нет! Потому что наличие и сила русского духа не зависит от числа людей. Я думаю, даже если останется один высоко-духовный человек, он будет способен своей энергией, своим духом воскресить нацию. И это уже было в истории России не один раз.

– Но ведь если большинство в России, как некоторые считают, деградировало...

– Может такое случиться. Вот Иисус Христос! Тысячелетия проходят, а все равно благодаря ему, его духу, его распятию этот мир не исчезает в пустоте и темноте мироздания. Этот его дух и держит этот шар. И русский дух тех мучеников, что ушли, никуда не исчезает, и нежность, страсть этого духа, она вокруг земного шара образует какое-то такое свечение, которое не дает нашему миру исчезнуть.

– Вот вы возите свои спектакли по всему миру, показывали нашим соотечественникам за рубежом... Где лучше принимают?

– Самая лучшая публика в Петербурге и Москве. Самые великие и эмоциональные меньшинства на планете. Но именно меньшинства. И они, эти меньшинства, как-то сообщаются непонятными для меня фиброй между собой... Такое, как мне кажется, возможно только в России. ●

**Театр подошел к тому, чтобы
воздорить то, что утрачено.
А утрачен был наив, наивность
детства, то, что существовало
до словесного воплощения
в литературе.**

«Двое на качелях» Гибсона. И это было безумно интересно. Наташа, когда вернулась сюда, боялась выходить на улицу, ей все время казалось, будто с ней что угодно может случиться...

– Это когда и где было?

– В Петербурге в начале 90-х. Когда Макарова приехала и начала репетировать в этом спектакле, она говорила, что боится жить в Петербурге. А Анатолий Собчак, с которым у меня были прекрасные отношения, сказал: ну хорошо, она будет жить в Смольном на одном этаже, а вы на другом. И мы поселились там: она внизу, а я наверху, в кабинете Жданова. А тут еще приехали американцы снимать о Макаровой фильм, и я предложил снимать в кабинете, который при Сталине занимал Жданов. Приготовились к съемке, и тут вдруг я начал

переспрашивать, вы должны понимать, с кем вы разговариваете! И тут он сделал паузу, словно не зная, как на это реагировать. А потом вошел к нам, увидел Наташу всю в слезах, увидел, что я сижу за столом и «допрашиваю» ее... Он присел к столу сбоку и сказал так смириенно: «Спрашивайте и меня, товарищ Жданов». И вот тогда Наташа стала хотеть...

– Вы говорили, что Европа чуть ли не изжила себя в плане культуры, духовности... И что в таком случае для вас русская душа?

– Да, в этом есть доля истины. А вот насчет России и русской души попробую сформулировать так. Эта земля отмечена свыше. Ее миссия в мировом масштабе, наверное, Богом определена так, что дух есть основа этой земли, и чем больше он

Наталья Шергина, Санкт-Петербург

Капитаны Невы

«Зову, зову, а они мимо все проходят!» – в сердцах разводит руками плотно укутанный с головой в одеяло кокон, вооруженный микрофоном и табличкой на высокой штанге. Женщина-зазывала стоит на мосту через Мойку, мерзнет и ловит энтузиастов водных экскурсий. Обещает райские кущи тем, кто решится свернуть с Невского и нырнуть в чрево речного трамвайчика. В Питере – штормовое предупреждение, ураганный ветер валит тополя, но ведь зазывала-то права: в кораблике тепло, безопасно и чаю горячего дадут да еще и плед предложат желающим.

НАВИГАЦИЯ ПО МАЛЫМ рекам и каналам дельты Невы началась нынче в первых числах мая. И дама с микрофоном в любую погоду обязана обеспечить куском хлеба большой мир матросов, заправщиков, механиков, капитанов, бизнесменов и чиновников.

Подбросьте лоцмана

В 23 часа от причала на набережной лейтенанта Шмидта отвалил огромный белый лайнер. Мы мчимся на набережную на автомобиле, чтобы успеть сделать редкий снимок: лайнер на фоне красного заката... Но круизный незнакомец резво исчезает из виду. Уплыл...

У пирса буднично пыхтит трудяга-катерок, чуть поодаль притаилась,

объектив его смущает. «Фотографировать? Кого? Меня? Да ни за что!» Он по-домашнему: в тапочках, трениках и свитерке. Ироничная улыбка, золотые зубы, неожиданно сильные для пенсионера 1945 года рождения руки. Всю жизнь

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

разве это рыба?! Сравнили! Рыба – это таймень и хариус!» В Якутске Абрахенин был капитаном, на берегах Балтики его в ранге понизили, может, оттого он нашу корюшку ругает? Зато этому человеку доверено стратегическое дело – доставка лоцманов к кораблям из каравана, идущего в Неву по Волго-Балту. Без лоцмана корабль беспомощен, ведь в порту почти 130 причалов. Поди, разберись, чужак, куда пристать.

Прочь с судового хода!

В полвторого ночи над Невой разводят сияющие веселенькой подсветкой торжественные мосты. Благовещенский, Дворцовый, Троицкий, Литейный – и далее за поворотом мрак, лишь воображение дорисовывает вольты дуги ферм

PHOTOPRESS

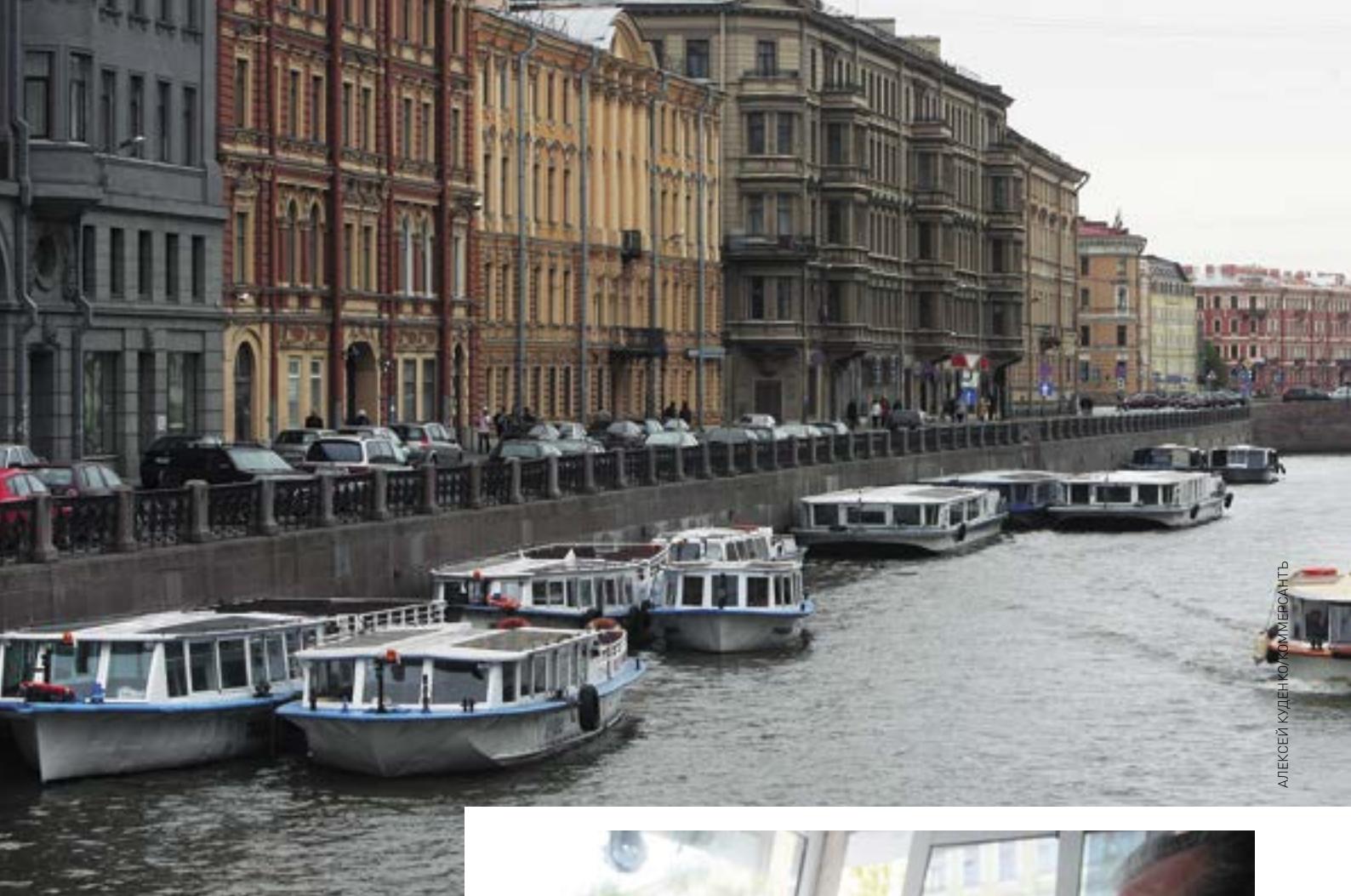
Большеохтинского, моста Александра Невского, Володарского... Нам разрешили вскарабкаться на леса реставрируемого Успенского собора, и вот мы почти парим над Невой на подрагивающих жердочках. Форточка в полиэтилене раздвигает сияющую панораму, и мы не можем оторваться от созерцания этого незнакомого мира. Днем река праздная – для отдыхающих и гуляющих, а ночью серьезная, работящая, едва терпящая электрическую мишуру, в которую нарядили ее люди. Мощная транспортная артерия... Вверх по течению друг за другом тихо за скользили темные силуэты груженных металлом, фруктами, техникой и прочими богатствами больших судов. Трудовая вахта пошла... Этот момент жадно ловят туристы и хозяева прогулочных суденышек. Есть такая услуга: катание под разведен-

PHOTOPRESS

вытянувшись серой щукой, музейная подводная лодка. Дальше – почти растворившийся в сумерках ледокол «Красин». Из его стеклянной мини-рубки на нас кто-то глядит. Мы помахали рукой: мол, можно вас? Ответный жест: нет уж, лучше вы к нам! Протискиваемся по одному в рубку и знакомимся с механиком – сменным капитаном Валерием Абрахениным. Фото-

матросил-капитанил на реке Алдане в Якутии, а в 96-м, когда родной речфлот развалился, поселился в Шлиссельбурге. «Нравится Нева?» Я привычно жду одобрения, а он неожиданно кисло морщится: «Да ничего... Тут жизнь маленько полегче... А реку разве сравнить с Алданом? Там тыща шестьсот километров, и я все их проходил, а тут семьдесят четыре...» – «А запах корюшки?» – «Да

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

PHOTOEXPRESS

ными мостами. По большому счету, полузапущенное хулиганство, так как «путаться под ногами» у грузовой флотилии опасно. Пароходов по-крупнее, класса «Москва» и «Нева», швартующихся у Дворцовой, Адмиралтейской и Университетской набережных, запрет как будто бы не касается, и они открыто рекламируют такие ночные приключения. Лодкам же типа «Фонтанка» и «Мойка» покидать каналы после полуночи вообще не рекомендуется. И все же самые рисковые капитаны в нужный час устремляются на своих посудинах с пассажирами к Неве. Они выскакивают из Зимней канавки и успевают сделать «круг почета» по просторной акватории между Дворцовым и Троицким, пока пер-

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

ый сухогруз не возник в проеме под Благовещенским мостом. Тут уже становится не до куража, пора бежать, и кораблики резво и дружно, теснясь бортами, бросаются обратно в Фонтанку и Зимнюю канавку: кто не спрятался, я не виноват! Эта забава – особый шик местных «речных волков» (они нам днем в этом признались). Добровольно от него никто не откажется. Зачем те-

рять клиентов, готовых платить, особенно за жемчужный свет приближающихся белых ночей?

А вот в объектив камеры попадает отважный частник на скутере, лихо кувыркающийся по волнам от Петропавловки к Эрмитажу и обратно. Ему наперевес бросается милицейский патруль, ночь раскалывают кряканье сирены и резкий голос: «Прочь с судового хода!»

«Дельфин» и «Русалочка»

У самой протяженной в Петербурге переправы – Синего моста на реке Мойке – ночует до полусотни речных трамваев. Преобладают катера однотипные, прогулочно-экскурсионные, а значит, широкие, плоские, устойчивые. Это и есть тот самый тип «Фонтанка» разработки 1974 года. Несколько устаревший, однако весьма неплохо зарекомендовавший себя на водных маршрутах. Сверху эти суда похожи на симпатичных кубинских тараканов. Глаз выхватывает и явно новую модель с прозрачной застекленной палубой, хотя таких новинок немногого. Оказывается, их сейчас делают в Новой Ладоге. За три последних «тучных» года судовладельцы стали вкладываться в развитие – построи-

Речных «ласточек» на реках и каналах сегодня порядка трехсот штук, и самым главным приключением их экипажей стали «пробки» на каналах с трех часов дня до двадцати трех вечера.

Вся надежда на Ёрохова

В час дня у Аничкова моста на реке Фонтанке нам повезло: на палубе одного из кораблей мы обнаружили целую «тусовку» капитанов фирмы «Нева Тревел». Сегодня на Неве к услугам туристов и пассажиров два десятка судоходных компаний, и все они входят в ассоциацию владельцев пассажирских судов Петербурга. Ассоциация, по сути, большой деловой профсоюз. Глава и душа этого профсоюза Евгений Зубарев – легенда всего Северо-

пышных усов-бакенбард, окладистых бород, татуировок с якорями. «Это все из анекдотов или ради рекламы, а нам не до игры», – строго говорит капитан-наставник Владимир Павлович Юров. Он за штурвалом с 1976 года и знает дельту Невы, как родную ладонь. Старейший ветеран Владимир Александрович Беляев, бороздивший моря и реки лет сорок, поддакивает: «Работу свою мы любим, а главная беда – молодежь в ларьках засиделась, и потерьно поколение, нет смены у нас». Уроженец Великого Устюга Беляев с юности на воде, сначала вторым штурманом стартовал на пассажирских судах в Котлasse, затем попал в мурманскую «Арктикоморнефтегазразведку». Переучивался с паровых на дизельные корабли, ходил на больших теплоходах-«толкачах». В Питер попал случайно: перегонял в 2006 году в Неву буксирный катер, а под бортом тащил новый прогулочный теплоход «Чародейка», построенный в Котлasse. Так и зацепило. Освятил корабль и остался на нем туристов катать. На пенсию уйти не может, потому как не на кого этот водный дом оставить. Вся надежда у пожилых судоводителей на таких, как их товарищ Игорь Ёрохов и его младший брат, Вячеслав Ёрохов. Игорь уже десять лет, как капитан, а братишка его, даром что рослый плечистый красавец и даже с дипломом, пока матрос. «Ценза ему полгода не хватает, не дорос, дорабатывает», – смеется Ёрохов-старший. Оказывается, трудовой стаж и образование на реке дело весьма важное. Абы кто к штурвалу не встанет – высший командный состав, то есть дипломированных капитанов, готовит Университет водного транспорта. А за плечами среднего и младшего звена экипажей – механиков и матросов – речное училище. Матрос-моторист капитаном тоже может стать, только путь у него к месту за штурвалом более длительный, лет 15–20. Сначала ему нужно отработать 3–5 навигаций на небольших судах, затем, после курсов, ему доверяют судно с большей мощностью двигателя. Последней ступенью карьеры судоводителя остается преодоление вуза.

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

ли примерно сорок новых корабликов и заказали еще столько же. К дебаркадерам то тут, то там жмутся стайки корабликов с характерными названиями: «Псков», «Великий Новгород», «Волхов», «Кудесница», «Фантазия», «Айвенто». Кто-то из владельцев выбирает для своей мини-флотилии ласковые и сказочные имена: «Дельфин», «Белоснежка», «Дюймовочка», «Русалочка», «Ласточка».

Западного пароходства, потому что он возглавлял его еще в советские времена и изо всех сил спасал в пору дикого капитализма, когда мощную структуру растаскивали на куски. Сегодня Зубарев сражается за интересы маломерного флота: он умеет сурово разговаривать с чиновниками любого уровня. Капитаны этой флотилии люди совершенно обычные, никаких там

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

И только когда матрос получит заслуженные корочки, он начнет сам возить людей или грузы. Порядок этот сложился не сам собой – судовладельцу с недипломированными капитанами никто не даст лицензию. В речные капитаны и заодно в менеджеры подался также сын владельца фирмы Юрий Набатов. Несмотря на молодость, он самый настоящий «морской волк», со студенческой скамьи попал в океан старпомом на теплоход «Максим Горький», но в кругосветках разочаровался. Как выяснилось, дома также дел полно, отцу помочь нужна.

Пrestижна ли работа на экскурсионных и круизных речных корабликах? Капитаны в ответ на этот вопрос пожимают плечами: служба, мол, как служба. «Вода затягивает, как наркотик», – лаконично формулирует Набатов-младший. «Здесь у нас веселуха!» – усмехается капитан «Русалочки» Александр Чесноков. Он 20 лет проплавал по морям, говорит, три раза тонул, два раза горел, больше не хочется. Десять лет, как бороздит Фонтанку и Крюков канал, доволен: «Раньше по полгода в море, до помутнения в глазах, а сейчас десять вечера – и я дома». Правда, Чесноков еще работает на судах специальной службы предупреждения и ликвидации аварийных разливов нефти «Пиларн». Если

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

у обычных речников сутки на вахту, сутки на отдых, у него одна смена на прогулочном катере, две – на спасательном судне.

Чуть позже менеджер самого крупного питерского круизного холдинга «Водоход» Виктор Чехмарев пояснил нам, что хороших капитанов на флоте очень ценят. «Тем, у кого теплоходы без перебоев ходят, моторы работают и к кому претензий

нет, иные благодарные судовладельцы покупают земельные участки, строят дачи, дарят автомобили – и такие у нас есть, – говорит Виктор. – И в зарплатах не обижают...». На Неве точно нет гастарбайтеров либо любителей халявных покупных дипломов – таких быстро вычисляют и изгоняют.

«Лечь в дрейф!»

На Крестовском острове, среди дорогих яхт-клубов, ресторанов, элитных особняков и правительственные резиденции, на южном берегу возвышается скромный двухэтажный домик. Тут резиденция Центра госинспекции по маломерным судам МЧС России по Петербургу. Старший инспектор Игорь Пономарев и его товарищ инспектор Александр Васильев вышли на патрулирование вместе с нами. Спасатели строго следят за соблюдением правил пользования маломерными судами и базами (сооружениями) на стоянках и на водных путях и водоемах Петербурга и Ленинградской области. Снимают с оторвавшихся льдин зазевавшихся рыбаков, ловят пешеходов, переправляющихся через Неву по тонкому льду, мчатся на помощь, если, не дай бог, кто-то упал с моста. Вместе со второй бригадой МЧС, квартирующей у Морского вокзала, спасатели пере-

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/КОММЕРСАНТЪ

правляют на берег пассажиров с теплоходов, изредка попадающих на мель в акватории Невской губы. В боевой готовности с начала навигации на берегах Финского залива находится пять участков с патрулями инспекторов МЧС. Все действия МЧС согласует с ФСБ и пограничниками, ОМОНом (водной милицией), управлениями природнадзора и рыбоохраны.

Отставник-подводник Пономарев, три года назад попав в МЧС, собрал вокруг себя команду таких же соратников. «Подводники привыкли работать, а не баклушки бить, у нас порядок!» – степенно выговаривает спасатель, надевая оранжевый спасжилет и поверх него форменную куртку. На всей Неве и ее многочисленных рукавах и каналах эмблемчики добились установки всех

необходимых знаков движения. Они просты: белые треугольники означают кромку судового хода, то есть проход под боковыми фермами мостов, а белые квадраты указывают на глубокую центральную часть судового хода, предназначенного для больших кораблей. «Ага, братец, попал ты на полторы тысячи рублей по статье 11 точка 7 часть вторая кодекса», – добродушно указывает нам Пономарев на лихача, нарушившего скоростной режим на Малой Невке. На тихих речках и каналах положено плавать со скоростью от 5 до 8 км в час. «Застопорить ход! Лечь в дрейф!» – командует старший инспектор МЧС, и нарушитель послушно заглушает мотор катера. Ему выписывают и вручают штрафную квитанцию. Водный патруль не особо зверствует, но, что называется, «построил» судоводителей и судовладельцев. Ни одно судно не рискует выйти на воду без технической документации, без огнетушителей или без спасательных кругов и жилетов. «Ночное лихачество капитанов под разведенными мостами я бы жестко запретил, не положено! – заявляет Игорь Иванович. – Но пока депутаты с чиновниками не примут закон, мы смотрим на эти прогулки с пассажирами сквозь пальцы. Людям подавай зрелица, такой бизнес свернуть будет непросто». ●

Любовь Курьянова

«МОДА НА ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛАСЬ С КОСМОСА»

«– Мы ее видим! – почти крик по громкой связи. И – тишина.

- Сближение идет устойчиво, угловые скорости в пределах сотых...
- Работаете в графике, ребята, – подбадривала Земля.
- Выполняю замер... Гашу бок. – Это голос Джанибекова».

Так в книге Виктора Савиных «Записки с мертвой станции» описанастыковка «Союза Т-13» со станцией «Салют-7». За штурвалом космического корабля в той экспедиции находился летчик-космонавт Владимир Джанибеков. С тех пор прошло 23 года. Что за это время изменилось в космонавтике? На каком языке теперь говорят на МКС? Об этом и многом другом мы говорим с дважды Героем Советского Союза, генерал-майором авиации Владимиром Джанибековым.

– Владимир Александрович, правда ли, что в космонавтику вас привела книга «Туманность Андromеды»?

– В общем, да. Было удивительное настроение в тот день, когда запустили первый спутник. Это произошло 4 октября 1957 года. Я учился тогда в суворовском училище, и мы буквально за пару дней до этого события вернулись с уборки хлопка. Ну вот – первый спутник, учитель физики рассказывает нам, что такое космос... После уроков я отправился в библиотеку. И сразу же потянулся к Циолковскому, прочитал его «Грезы о земле и небе». Пришел вернуть – смотрю, лежит совершенно новая «Туманность Андromеды» Ефремова. Я эту книжку прочитал за ночь под одеялом с маленьким самодельным фонариком и был просто потрясен. А дальше – пошло-поехало. Увлечение астрономией, телескопами, книгами о космосе. Словом, началась космическая лихорадка в хорошем смысле этого слова.

– Как сегодня обстоят дела в российской космической отрасли?

– Сегодня российская космонавтика, по сути, обеспечивает лишь жизнеспособность МКС. Сервисом занимаемся. Своей большой науки нет, к сожалению. Наука не занимается, как прежде, решением фундаментальных задач в космосе. Резко сократилась научная работа по беспилотной

программе. Что касается пилотируемой космонавтики, здесь тоже не все гладко. Молодые космонавты, которые пришли 15–20 лет назад, до сих пор даже не летали. С одной стороны, конечно, грустно, но с другой... Если мы даже полностью перестанем заниматься космонавтикой, рано или поздно придет время, когда родится новый Королев, и придет опять Гагарин в Россию, потому что есть такие вещи, которые не поддаются объяснению. Люди всегда будут рваться в космос. Между прочим, Сергей Павлович Королев мечтал не просто полететь в космос, а сразу отправиться на Марс.

– Сейчас несколько стран, в том числе Россия, ведут подготовку международной экспедиции на Марс. Есть ли шанс, что мы возьмем реванш за Луну и первым на Марсе зазвучит русский?

– Я верю, что рано или поздно такая экспедиция состоится, и наверняка она должна быть международной. Всем миром легче осилить такую грандиозную программу. Это уже другие масштабы финансовых затрат, другой научный потенциал, а главное – эта программа может объединить народы земли совершенно в ином, очень высоком ключе – и духовном, и интеллектуальном. После планируемой экспедиции появятся новые поколения землян, которые

Летчик-космонавт
СССР Владимир
Джанибеков
во время выхода
в открытый космос
25 июля 1984 года

будут мыслить совершенно иными категориями, точно так же, как произошло после старта первого спутника, а особенно после первого полета Юрия Гагарина. Мир начал быстро меняться. Очень быстро. Реакция была разная, но мощная.

– Работая с иностранными космонавтами, вы имели возможность внимательно присмотреться к ним. В чем зарубежные коллеги сильнее, а чему могли бы поучиться у россиян?

– Насчет сильнее-слабее – я такую оценку не проводил. Все мы люди. Я летал с монгольским космонавтом и французским. Еще была программа «Союз-Аполлон», в которой я состоял в резервных экипажах. Мы не слабее американцев, говорить о том, что они сильнее, как-то язык не поворачивался. И у них были ошибки, проколы, промахи, и у нас. Что касается русского языка, то, например, монгольские космонавты даже лучше нас говорили по-русски.

– На каком языке преимущественно говорят на МКС?

– Это смесь русского и английского, кому как удобнее. Наши космонавты в совершенстве изучили английский, и у них нет языкового барьера.

– А русским языком космонавты-иностранные владеют?

– В этом отношении разброс гораздо больше, даже среди американцев. Тем не менее они пытаются говорить с нами и на русском языке. По большей части проблем никаких нет. Получается такой международный язык, скоро возникнут сленги, наверняка.

– Первые слова в космосе прозвучали по-русски... Как вы относитесь к идее объявить 12 апреля еще и Всемирным днем русского языка?

– Я не думаю, что это плохая идея. И уж если заводить речь о Дне русского языка, почему бы и нет. Ведь первое слово – «поехали» – действительно взорвало весь мир. Началась мода на изучение русского языка. Люди всего мира стали проявлять более глубокий интерес к нашей стране.

– В 1984 году вы летали вместе со Светланой Савицкой. Как космонавты реагировали на присутствие женщины на борту?

РИА «НОВОСТИ»

– Присутствие Светланы Евгеньевны на борту дисциплинировало мужчин. Из-за нее мы больше следили за собой. Она положительно влияла на климат на станции. Савицкая к тому же еще и очень грамотный специалист, профессионал. С ней было просто работать, она четко понимала, что должна сделать, отвергая всякие попытки мужской

помощи. Это высокий уровень, высокая планка.

– Свой пятый полет вы совершили вместе с Виктором Савиных. Можно ли его назвать одним из самых тяжелых? Я имею в виду стыковку «Союза Т-13» с «Салютом-7»?

– Проблема со стыковкой была, потому что мы имели дело с «некооперированным объектом». Радио-

Международный экипаж космического корабля «Союз-39»: летчик-космонавт Владимир Джанибеков и космонавт-исследователь из Монгольской Народной Республики Жугдэрдээмийн Гуррагч. 1981 год

ИТАР-ТАСС

Светлана Савицкая и Владимир Джанибеков в учебно-тренировочном макете станции «Салют». 1984 год

РИА «Новости»

канал, который мог нам обеспечить получение информации о взаимных параметрах сближения, отсутствовал, и нужно было вручную, визуально идти на сближение. Задача сверхсложная. Корабль не имел топливных ресурсов, которые бы позволили бесконечно находиться в космосе и делать новые попытки сблизиться и снова «строить» орби-

ту. Любое включение двигателя – это изменение орбиты. Хорошо, что к тому времени в ЦУПе уже сложилась очень приличная тренажерная база. Мы могли на земле отрабатывать такие серьезные фрагменты этой операции.

– Ваши представления о космосе соответствовали тому, что вы увидели, оказавшись там?

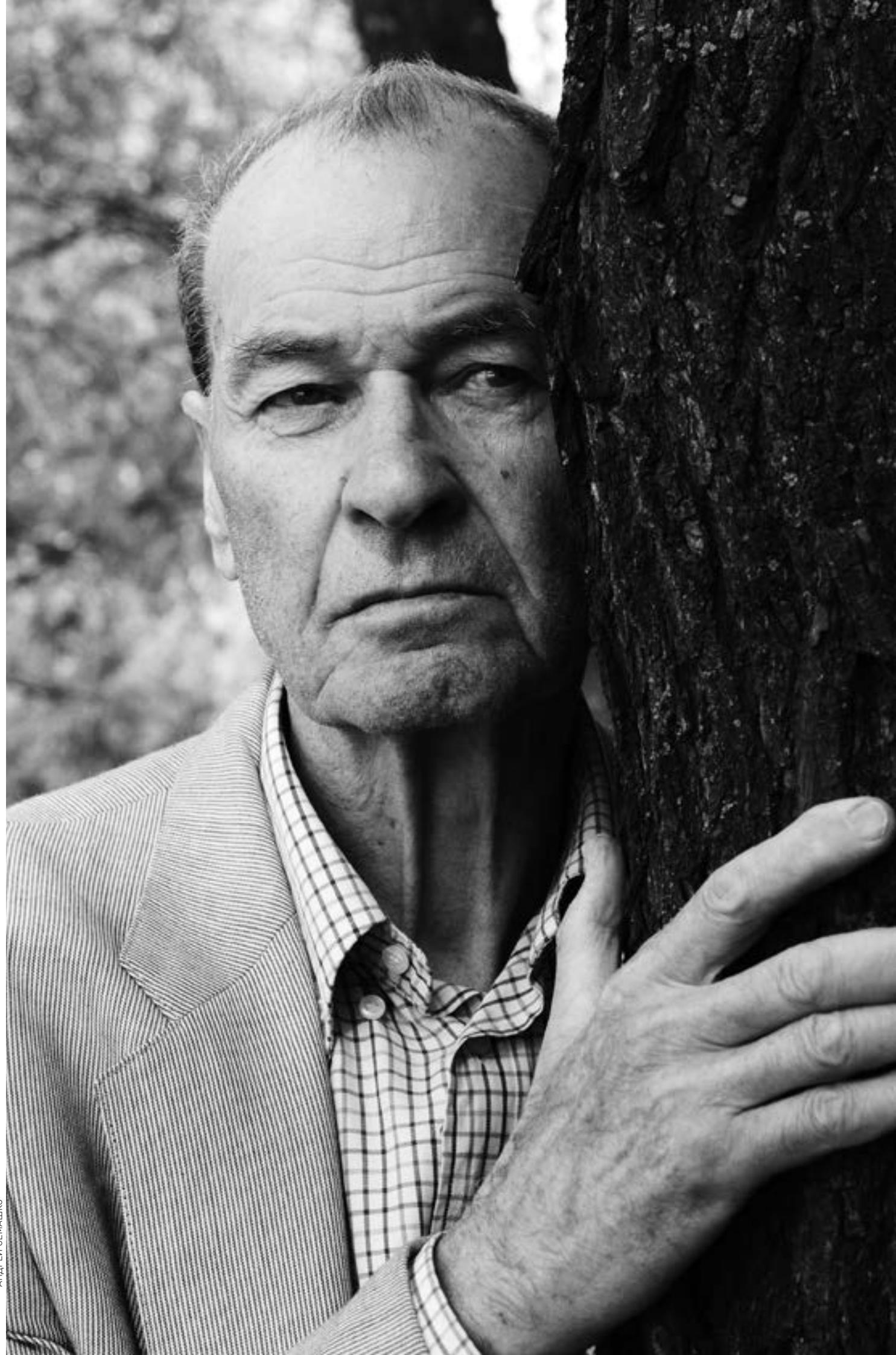
– Многие космонавты очень об разно и красиво рассказывали о том, что нам предстоит увидеть через иллюминатор: восходы-заходы солнца, леса, озера, океан, разный цвет воды, другую философию в принципе. Нечто величественное, захватывающее дух – это как гимн жизни, гимн вселенной! С другой стороны, невесомость – очень необычное состояние. Впервые столкнувшись с невесомостью, каждый переносит ее по-своему. Как ни парадоксально, оказалось, что очень здоровые люди с трудом адаптируются к этим условиям, а тем, кто часто и много болел, легче это дается. Наверное, потому, что иммунная система на протяжении жизни, сталкиваясь со всякими заболеваниями, умеет преодолевать новое

Люди всегда будут рваться в космос. Сергей Павлович Королев мечтал не просто полететь в космос, а сразу отправиться на Марс.

состояние лучше, чем у здоровых людей. У каждого человека в космосе возникают неприятные ощущения, два-четыре дня люди просто мучаются. А после адаптации к невесомости появляется совершенное новое состояние жизни, духа.

– Вы больше скучали по земле, когда находились в космосе, или по небу, оставаясь на земле?

– По земле я никогда не скучал, потому что у меня всегда были короткие полеты. После первого полета у меня возникло такое состояние, будто дали посмотреть первую серию «17 мгновений весны» и сказали: «А больше кино не будет!» Я всегда завидовал тем, кто уходил в долгие экспедиции, и самому хотелось поработать как следует и внутри, и снаружи станции, но... не сложилось. Хотелось бы отработать такую экспедицию, как марсианская, например. ●

Оксана Прилепина

Чтобы вы говорили это свободно

Легендарный режиссер Владимир Мотыль – автор классических кинокартин «Белое солнце пустыни», «Женя, Женечка и «катюша», «Звезда пленительного счастья» – продолжает сражаться за жизнь своих произведений. На этот раз – за новый фильм, «Багровый цвет снегопада».

С ВЛАДИМИРОМ МОТЫЛЕМ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ в парке неподалеку от его дома, обычной столичной многоэтажки. Он извинялся за то, что не имеет возможности пригласить в гости – святая святых, личное пространство, которое осиротело полгода назад после смерти супруги. От приглашения в кафе категорически отказался: «Не могу отвлекаться на еду или питье, когда предаюсь воспоминаниям, думаю или работаю». Мы сели на любимую скамейку режиссера, где обычно в хорошую погоду он проводит интервью и неофициальные встречи. Вот так все скромно и просто.

– Как раз перед выходом из дома мне позвонил президент австралийской нефтяной компании Глен Уоллер, – начал беседу Владимир Мотыль с текущих проблем. – Глен Уоллер согласен рассмотреть мою просьбу о выделении \$50 тыс. на печать нового исторического киноромана, «Багровый цвет снегопада». На картину же я затратил более пяти лет. Она готова, но уже полгода лежит мертвым грузом из-за отсутствия средств на изготовление копии. Курьезная ситуация!

«Ванга сказала мне: когда тебе очень плохо – обними дерево».

Съемки проходили в Сибири, Москве, Петербурге, на Украине и в Чехии. На Канаду средств не хватило, но мы отыскали похожие зимние пейзажи и особняк в России. Словом, фильм снят, смонтирован, записаны речь, музыка, шумы. Все готово. Осталось лишь напечатать на целлулоидной пленке, чтобы иметь возможность принять участие в одном из международных фестивалей. У нас был солидный спонсор из олигархов, который выделил \$5,5 млн. Но денег не хватило. Не потому, что смета была составлена неправильно. За последние несколько лет изменились технологии, да и дела спонсора пострадали из-за мирового кризиса. Я обратился в Минкультуры. Министерство не против дать мне недостающую сумму, но сначала требуется копия – на которую деньги-то и нужны! Понимаете? Дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки. Чрезвычайно занятый и недоступный новый министр культуры, Александр Алексеевич Авдеев, неофициально принял меня в своем автомобиле, представьте! Меня внимательно выслушали и пообещали оказать содействие. Как только деньги поступят на счет, мы за неделю сделаем копию и отправим «Багровый цвет снегопада» на ближайший европейский фестиваль. Возможно, летом. Мне безразлично, какой именно это будет фестиваль. После него, вне зависимости от результатов, картина появится на российских экранах. Лента охватывает сложнейший период в истории России, с 1916 по 1926 год.

– Владимир Яковлевич, почему вы выбрали именно этот временной отрезок?

– На мой взгляд, до сих пор нет ни одной картины, которая бы без политических влияний отразила это время. Центральная фигура киноромана – молодая женщина Ксения. Для ее характера многое взято мною из

жизни моей матери. Она участвовала в Гражданской войне на стороне красных, после войны воспитывала малолетних преступников вместе с Антоном Семеновичем Макаренко, знаменитым автором «Педагогической поэмы». После гибели отца на Соловецких островах маму сослали на Северный Урал. Мы все время переезжали из одного маленького городка в другой: ссылным было не положено долго жить на одном месте.

В пробах к фильму участвовали десятки актрис, но передо мной все время неосознанно стоял образ мамы. Оказавшись в североуральских ссылках, она была завучем детских домов. В моей памяти ее лицо, фигура составляли гармоничный образ Личности. И вот ко мне случайно попала актриса, сербка из Югославии, Даниела Стоянович, которая на съемках ну просто ошеломляла. Такой случай расскажу. Вообще-то глубоко одаренная актриса заплачет в кадре, специально настроившись. Но сыграть это может лишь раз. У Дани с первого же дубля брызнули слезы. Стоп! Снято! Оператор командует: «Надо повторить». «Ты с ума сошел, – протестую я. – Этого повторить нельзя». Покраснение глаз, век, сдержанная боль... Даня попросила минутку тишины и повторно сыграла сцену, абсолютно не уступая первому дублю. Я не верил глазам. Так нет же, она сама попросила сыграть третий раз, потому что ей не понравилось какое-то место! Через несколько мигут вновь полились слезы...

– Вам, историку по второму образованию, посчастливилось жить сразу в нескольких исторических эпохах нашей страны. Какая из них вам ближе? К какой из них принадлежите вы?

– Ни к какой. Мне никакая эпоха не может нравиться. Для меня хорошо то время, когда я делаю свое дело. Сейчас я живу во времени, когда полностью завершена работа над «Багровым цветом снегопада». Все получалось так, что чем сложнее были съемки, даже чем они были невозможнее, тем все выходило как нельзя лучше. Господь снисходил, и я прорывался через игольное ушко.

В качестве примера приведу свой дебют. Как я не поступил во ВГИК, хотя мечтал о том с детских лет. Мне исполнилось 17, я подал документы на курс Игоря Савченко, создателя знаменитого фильма «Богдан Хмельницкий». Члены комиссии улыбались, я очень много знал о кино. И надо же было в эти дни на мою голову свалиться первой моей любви из Соликамска! Нина! Помню, это был третий этаж. По ночам я влезал туда по водосточной трубе, чтобы соседи не знали. Любовь была горячей. И вдруг я вспомнил, что сегодня заключительный тур, о котором я напрочь забыл. Забыл!!! Я буквально прыгаю из окна, мчусь. Такси нет, частники боятся милиции, трамвай еле тащится! Приехал,

когда уже объявили итоги. В дверях встретилась одна из членов комиссии, которая сказала: «Парень! Каким же ты будешь режиссером, если позволяешь себе не явиться на заключительный экзамен!»

Я обрывал домашний телефон Игоря Савченко, хотел пасть на колени и напроситься вольным слушателем. У его жены иссякло терпение, и она выговорила: «Не звоните больше. Это частная квартира!»

Что делать? Я поступил в Свердловский театральный институт, сразу на второй курс актерского факультета (режиссерского там не было). Ставил спектакли в Свердловском ТЮЗе. После нескольких удачных спектаклей меня назначили главным режиссером. И тут подвер-

Владимир Мотыль (справа) и его мама (слева) с соседями. 1942 год

На съемках фильма «Багровый цвет снегопада»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. МОТЫЛЯ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. МОТЫЛЯ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. МОТЫЛЯ

На съемках фильма
«Дети Памира»

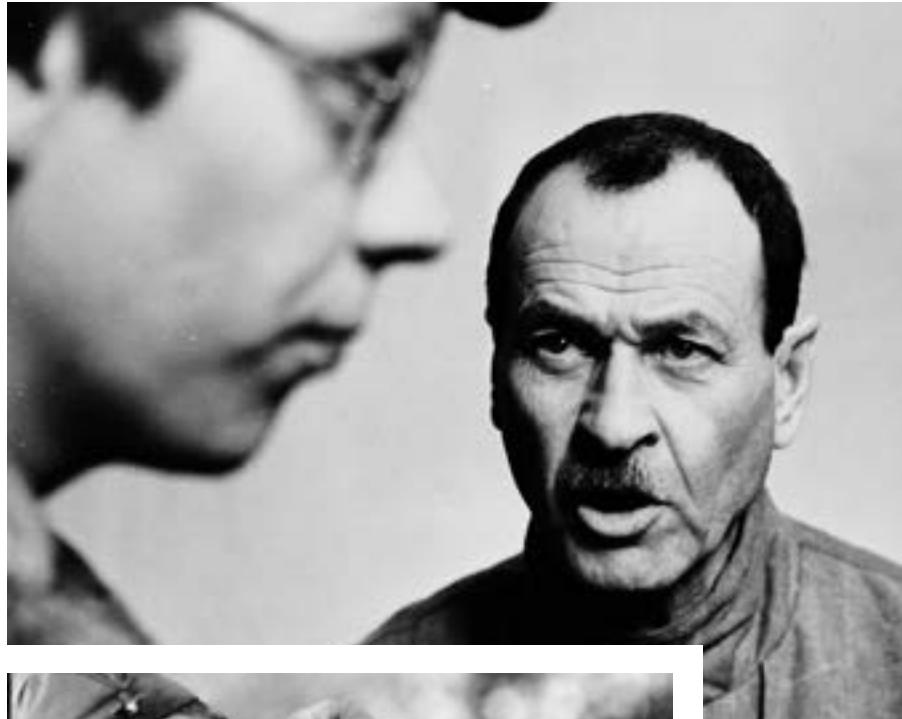

нулся внезапный случай. Молодая сценаристка Инна Филимонова сообщила, что в Таджикистане ищут энергичного молодого режиссера для постановки фильма по поэме Мирсаида Миршакара, председателя одной из палат Верховного Совета республики. На последние деньги я помчался в Сталинобад – ныне Душанбе. Встретился с поэтом, понравился ему. Прочел его поэму, воспевание Ленина как предшественника сталинизма. Сюжет – конфликт детей. На этой основе я придумал историю, как группа бедных ребят чуть не убила талантливого, но богатого сына судьи, и они сами чуть не погибли в ущельях Памира. Мы вместе со сценаристкой Филимоновой написали сценарий.

Ну а дальше начались трудности из-за моих творческих принципов, которых я придерживался потом всю

жизнь. Я таджикам поставил условие: буду снимать картину только в горах Памира! На меня замахали руками: «Это пограничная зона! Особая! Опасная! Ехать туда с детьми?! Сумасшедшая идея». Не подумайте, что я намеренно искал, где труднее. Просто всегда тянулся к абсолютной подлинности во всем, стремился избегать любой декоративности, не снимать в павильонах. Только на натуре! Если же действие происходило в помещении, находил близкие интерьеры – ну, может, немного их корректировал. В общем, я стал пробиваться в высокие инстанции в Москве, в Управление погранвойск. Не знаю, чем их поразил: владением ли историей Памира или замыслом картины «Ленин на Памире». Потом я назову картину «Дети Памира». Словом, я все же попал на Памир. Меня окружали молодые горы, кото-

рые все еще формировались. Обвали, заваленные дороги, высоты до четырех тысяч метров над уровнем моря... Я с благодарностью вспоминаю непосредственных памирцев, которые за 40 минут могли бросить все дела, собраться чуть не всеми селениями в радиусе 50 км, чтобы расчистить дорогу людям, снимающим фильм об их малой родине. Картину выдвинули на Ленинскую премию. Но ее я не получил из-за давнего конфликта с тогдашним министром кинематографии. Поссорились мы с ним, еще когда он был секретарем Свердловского обкома комсомола. Хорошо, что награду не дали. Получи я ее тогда – хочешь не хочешь, вступай в КПСС. А это уже, как водится, назначение в члены коллегии Госкино, секретари Союза кинематографистов, не говоря уже о зачислении в штат «Мосфильма».

кве отсутствовал главный «зверь». Собрались полковники, два генерала, капитаны и майоры. Аудитория досмотрела до конца. Смеялась, искоса поглядывая друг на друга. Шутка ли – вынести честную резолюцию по первой советской комедии о войне! Считалось ведь, что только безнравственные капиталисты могут смеяться в окопах: Англия – «Мистером Питкиным в тылу врага», Франция – «Бабетта идет на войну». А СССР над войной смеяться не имеет права: слишком тяжело далась победа. В общем, большинство высказалось против картины. Но генерал Востоков после просмотра завел меня и Булата в кабинет, закрыл зачем-то дверь на ключ и тихо сказал: «Мы решили картину поддержать». Фильм был разрешен к показу, но таким тиражом, что не мог идти в кинотеатрах – только в клубах. Однако главное свершилось. Картина состоялась, а я остался работать в кино.

– Хотя бы в подборе актеров вам давали полную свободу? Расскажите, как вам удалось собрать блестящий состав монументальной «Звезды пленительного счастья»?

– Это длинная история. Мне порушили исполнителей почти всех ролей, кроме Иннокентия Смоктуновского. До Стриженова был найден прекрасный молдавский артист и режиссер Унгуряну. Волконский ведь был худощав, с аристократическими чертами лица. Но Унгуряну запретили снимать: требовали известных артистов. Баталов, как и Стриженов, были утверждены приказом сверху.

– Вы не могли пробиться через эти запреты режиссерским авторитетом?

– Знаете, это было такое время, когда режиссер Мотыль мог быть спокойно заменен режиссером Ивановым или Сидоровым. Я же искал актеров с некоторым портретным сходством. Декабристы... все их портреты у меня висели дома на стене. Когда понимал окончательно, что переговоры с цензорами обречены на провал, иногда спасала хитрость. Игоря Костолевского (Анненкова) мне тоже запретили. Посмотрев сыгранную пробу, замминистра Павленок сказал: «Какой это декабрист?

Кадр из фильма «Женя, Женечка и «катюша»

А там уже надо мной нависла бы иерархия: гендиректор, его ручная главная редакция, партком, профком, худсовет, худрук... Я не пошел в это стойло, где бы наверняка увяз. Но развращенный свободными отношениями с «Таджикфильмом», в кино я по-прежнему хотел жить, подобно писателям, живописцам, композиторам. Даже когда их защищали, никто не мог остановить их творчества. После состоявшегося дебюта я опять остался голым перед судьбой. И так всю жизнь.

– Но ведь вторую вашу картину – «Женя, Женечка и «катюша» – ожидал грандиозный зрительский успех и признание.

– О-о-о! Далеко не сразу. Начнем с того, что оригинальный сценарий писался в соавторстве с Булатом Окуджавой, автором крамольной повести «Будь здоров, школя!», где было слишком много правды

о войне. Я встретился с Булатом в Питере и сказал, что хочу поставить картину по его произведению: «У меня сюжет не совпадает с вашей повестью, но образы и характеры в чем-то перекликаются». Он прочел мою расширенную заявку и сказал: «У вас тут все есть, мне-то что здесь делать?» Я ответил: «Булат, вы же воевали. Я на войну не попал. Лишь в 16–17 лет был в лагере, где нас готовили к войне с Японией, которая тогда еще не началась. А вы были ранены в бою, знаете лексику людей войны». Словом, с трудом его уломал.

Мы написали сценарий «Жени, Женечки...» – фильма, который полит управление армии разгромило как пацифистский, не соответствующий идеологии КПСС. Над картиной нависал запрет. Но Господь снизошел. На обсуждении в Главном полит управлении армии и флота в Мос

На съемках фильма «Звезда пленительного счастья»

из личного архива В. Мотыля

Размазня, маменькин сынок». Декабрист для чиновников – это синоним большевика. А у Костолевского характер и впрямь был противоположностью не только декабриста, но даже и военного человека, воспитанного в традициях офицерства. Игорь появился у меня в прихожей с грохотом: уронил сразу и телефон, и лыжи. Но он мне нравился юным обаянием и портретным сходством с историческим Анненковым. Я ска-

зал: «Игорь, за счет картины мы тебя устроим в конноспортивную школу. Уезжай на месяц, занимайся конем, верховой ездой. И носа не высовывай для прессы, твоя роль – абсолютный секрет!» Всех журналистов, которые у меня были, я также просил даже не упоминать Анненкова, чтобы избежать проверки. Так, безгласно, безвестно, он и работал. Когда уже спохватились, три четверти картины было снято.

– Легче ли стало работать после краха коммунистической идеологии в России?

– Хороших времен, хорошей власти для художника не бывает. Хотя сейчас я в процессе работы над фильмом ни от кого не завишу. Опять же появилась возможность посмотреть на другие страны. Я объездил почти весь мир. Но путешествовал не по туристическим местам. Если я в Индии, то мне обязательно нужно попасть в джунгли, на Памире – на самые большие высоты, где начинается кислородное голодание. И не потому, что мазохист, – мне просто интересно все, что неизвестно. Зато в советское время я не думал о том, что из-за денег можно потерять шесть лет жизни. Моя предпоследняя картина, «Расстанемся – пока хорошие», была уничтожена продюсером картины по фамилии Сендык. Он был помощником Ходорковского и кое-что полезное, конечно, сделал. Надо было привлечь деньги – и тут у меня нет к нему претензий. Но вместо того, чтобы вкладывать средства в приличные рекламу и прокат, он закупил десятки западной дешевки. Наш народ, изголодавшийся по иностранным картинам, все это «схавал». Дешевые фильмы прокатились по всей стране, у Сендыка карманы, очевидно, набились валютой. Мой же фильм «Расстанемся – пока хорошие» был продан за бесценок Второму телеканалу на десятилетия! Картину сунули на дальние полки и забыли о ее существовании. Сценарий «Расстанемся – пока хорошие» был написан мною по мотивам прекрасного рассказа Фазиля Искандера «Дудка старого Хасана». Это трагическая история о мести, предательстве и ценностях народов Кавказа. После

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1963

«ДЕТИ ПАМИРА»

1967

«ЖЕНЯ, ЖЕНЕЧКА И «КАТЮША»

1969

«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ»

1975

«ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ»

1980

«ЛЕС»

1984

«НЕВЕРОЯТНОЕ ПАРИ, ИЛИ ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, БЛАГОПОЛУЧНО ЗАВЕРШИВШЕЕСЯ СТО ЛЕТ НАЗАД»

1986

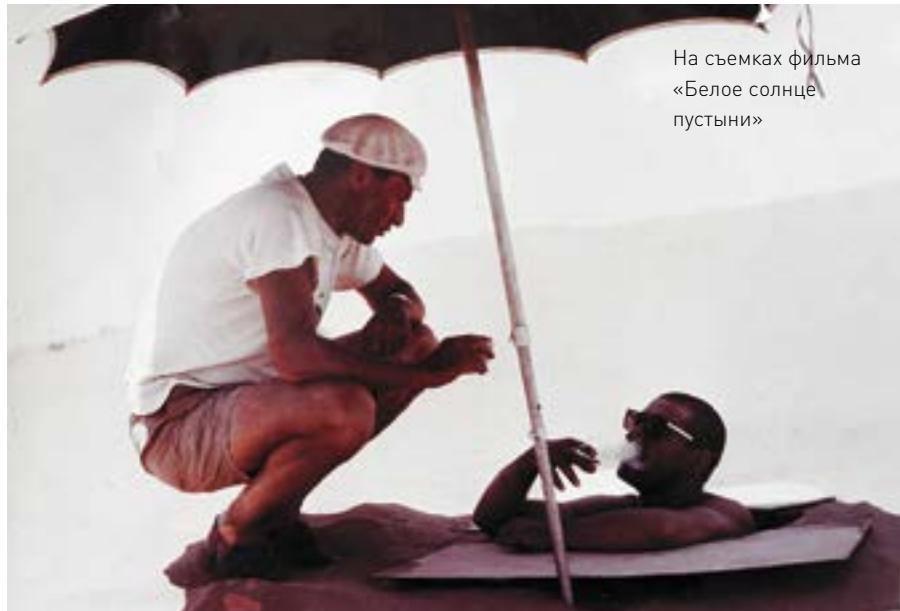
«ЖИЛ-БЫЛ ШИШЛОВ» (ТЕЛЕФИЛЬМ)

1991

«РАССТАНЕМСЯ – ПОКА ХОРОШИЕ» (ТЕЛЕФИЛЬМ)

1996

«НЕСУТ МЕНЯ КОНИ»

На съемках фильма
«Белое солнце
пустыни»

из личного архива В. Мотыля

после «Расстанемся» шли в задумчивости. Я стоял в сторонке, и многие показывали мне ОК. Мол, очень понравилось. Мне хотелось наладить судьбу Георгия, я пытался просить о помощи успешного Кахи Кавсадзе. Но увы... Мне казалось, не в традициях грузинского народа предавать человека, которому ты обязан. Ведь до роли Абдуллы в «Белом солнце» Кавсадзе был на третьих ролях в театре, а после вышел на главные. Я взял его после забавного эпизода. На пробе ему было предложено вскочить на коня и пронестись галопом. Дело происходило в туркменских песках. Кахи поговорил о чем-то с инструктором, вскочил на коня и, в отличие от других претендентов, с ходу дал шенкеля! Конь изо всех сил понесся, камера запечатлела остервеневшее лицо главаря банды. Абдулла натянул поводья, остановился, лихо спрыгнул. Все выглядело эффектно. После этого актер обмяк, побледнел и опустился на землю. «Кахи, тебе плохо?» А он: «Владимир Яковлевич, я первый раз в жизни сел на коня».

– Вы сняли всего девять фильмов: по одному раз в шесть лет. Почему так мало?

– Между фильмами пролегают годы поисков, по 3–4 закрытых сценария. Чтобы кормить семью, я за-

просмотра картины в Доме кино Фазиль Исакандер сказал: «Мне нередко бывает стыдно, когда я вижу кино, созданное по моим произведениям. Первый раз пребываю в хорошем настроении».

Фильм снимался в зимней Кабарде: обвалы, зимние дороги. В главных ролях Георгий Дарчиашвили и Людмила Потапова. Мила – отличная русская актриса, после фильма вышла замуж за богатого человека, родила детей, живет в своем поместье. А судьба Георгия сложилась трагически. Из-за съемок в абхазской исто-

рии его по национал-политическим причинам выжили из тбилисского театра. Он был вынужден уехать в США заниматься черной работой, чтобы кормить семью. В Центре Кеннеди в Вашингтоне у меня был просмотр «Расстанемся – пока хорошие» и «Белого солнца пустыни». Я отыскал Дарчиашвили где-то в восточных районах США, послал телеграмму. Он ответил: «Не имею возможности оплатить фирме свое отсутствие». Американцы встретили фильмы теплее. «Солнцу» аплодировали, а

В 1996 году
Владимир
Мотыль стал
лауреатом
Государственной
премии РФ
за фильм
«Белое солнце
пустыни»,
в 2003 году
получил звание
народного
артиста России.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

«При диктатуре КПСС и с ее самоцензурой, с ее окриками, травлей деятелей литературы, театра, кино, как это ни парадоксально, вызревали многие крупные самобытные художники-гуманисты. А пришла Свобода – и на народ обруши-

лись нечистоты цинизма, жестокости, злобы, любительщины, сдобренные буйной саморекламой. Одержанная гонкой за сверхприбылью молодая буржуазия пишет на «Клондайке» низменных инстинктов, потрафлять которым ринулись армии

киноконформистов от искусств, и Его Величество Чистоган в однотипии затмил духовно-эстетическое наследие России, сформировавшее Великую нацию. «И кажется, что русских вовсе нету, а вместо них – толпа», – как говорил Булат Окуджава».

ВЛАДИМИР МОТЫЛЬ.
«АВТОГРАФ»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. МОТЫЛЯ

нимался черт-те чем: редактировал чужие сценарии, преподавал в театральном институте, работал худруком в разных театрах страны и на высших курсах сценаристов и режиссеров, служил худруком на маленькой студии на Гостелерадио. И я не однолюб. Была первая любовь, была жена, но были и увлечения, далекие от кино.

– **Почему вы не снимаете фильмы про современность?**

– По университету я ведь историк, меня к этой науке тянуло всегда. Я прошелся по истории разных стран, особенно России, и решил для себя, что брать урок на основании нынешнего события – мелко. Понимаете? Есть глубина, уходящая далеко к началу начал. Ты можешь прыгнуть с большой вышки и уйти в глубину. А можешь нырнуть в лужу. Это касается любого времени. Когда художник напитается материалами какого-то времени, он через эти материалы может с泛-тализировать ситуацию, понимая, что на основании яркого события прошлого о сегодняшнем можно сказать больше, чем показ сегодняшнего. В выборе времени действия и сюжетов я доверяю интуиции. Как ни парадоксально, сейчас чувствую, что в обществе – дефицит нравственности. Я остро переживаю эту удушиливую нехватку, и подсознание вдруг выхватывает из прошлого какие-то страницы.

Кадры из фильма
«Расстанемся – пока
хорошие»

– **Владимир Яковлевич, вы упоминали о том, что среди современных актрис не могли найти глубокого характера. Находите ли вы эту проблему закономерной, связанной с дефицитом духовности?**

– Современные актрисы... Я их не сужу. Есть среди них и более, и менее талантливые, и гениальные. Например, Чулпан – очень хорошая актриса, энергичная, внутренне наполненная и даже разнообразная. Просто меня не интересует то, что уже предъявлено. Я всегда ищу *tabula rasa* – чистую доску. Пиши все, что хочешь, только намекни – и талант актера, актрисы сразу обогатит твою мысль чувством, темпераментом. Правда, с моего тактичного намека.

– **Какие качества вы цените в людях больше всего?**

– Способность понять другого.

– **Ваши жизненные ценности?**

– Жизнь и есть главная ценность. Она – плацдарм, на котором можно что-то создать, а можно и на бедокурить так, что жить не захочется. Но она лишается всякой прелести, если в ней нет свободы.

Кто это сказал? «Мне отвратительно то, что вы говорите, но я отдаю жизнь за то, чтобы вы говорили это свободно».

– **Хотели бы вы что-либо сказать молодым?**

– Ни одну лекцию или интервью я не провожу без отрывка из нобелевской речи Фолкнера. «Убрать из своей творческой мастерской все, кроме правды сердца, кроме старых и вечных истин: любви, чести, жалости, гордости, сострадания, самопожертвования, без которых любое произведение эфемерно и обречено на забвение». Вопреки запретам, в СССР на сопротивлении вырос Серебряный век, выдающиеся имена гуманистической литературы XX века: Платонов, Бунин, Пастернак, Булгаков, Ахматова, Окуджава... Власти не смогли вогнать в стойло соцреализма и таких художников, как Тарковский, Параджанов, Шукшин, Иоселиани. Достанет ли мужества молодым творцам не попасть под циничный диктат рынка, не менее жестокого, чем тоталитарная идеология минувшего века? ☀

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОДПИСКА

Вы можете подписаться на журнал
«Русский мир.ru»
во всех почтовых отделениях России
по каталогам:

«Газеты. Журналы»
Подписной индекс – 48664

«Объединенный каталог.
Прессы России. Газеты и журналы»
Подписной индекс – 43310

А также на доставку журнала в любую страну
мира по электронному каталогу агентства
«МК-ПЕРИОДИКА»
www.periodicals.ru